ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

БИОГРАФИИ

Джеймс Макговерн

МАРТИН БОРМАН

НЕИЗВЕСТНЫЙ РЕЙХСЛЕЙТЕР

1936–1945

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джеймс Макговерн — бывший американский спецагент, имеющий отношение к работе ЦРУ, — впервые приводит документально подтвержденную биографию Мартина Бормана.

Международный военный трибунал в Нюрнберге вынес приговор заочно, объявив Бормана пропавшим без вести. Его исчезновение назовут «самой большой нераскрытой тайной нацизма». Будучи правой рукой Гитлера, этот теневой нацистский лидер фактически руководил страной. Как случилось, что рядовой партийный функционер в рекордно короткие сроки добился таких карьерных высот? Верный последователь фюрера, он хотел сохранить себе жизнь, чтобы продолжить дело своего вождя.

Кому были выгодны легенды, которыми обрастала биография Мартина Бормана, и что случилось с ним на самом деле?

- Джеймс Макговерн
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17

Джеймс Макговерн
МАРТИН БОРМАН
НЕИЗВЕСТНЫЙ РЕЙХСЛЕЙТЕР 1936–1945

Самое сильное влияние на фюрера во время войны, и в частности примерно с 1942 года, когда прошел год после перелета Гесса (в Англию. — Ред.) в 1941 году, оказывал Борман. Последний обладал, в конечном счете, катастрофическим влиянием. Это стало возможным только потому, что фюрер после 20 июля (1944 года, после покушения. — Ред.) стал особенно подозрительным, а также потому, что Борман постоянно находился рядом с ним и докладывал ему по всем вопросам.

Из показаний Германа Геринга на Нюрнбергском трибунале над главными военными преступниками

Борман остается в подвешенном состоянии, ни жив ни мертв: возможно, он стал нереальным еще больше, чем прежде.

Британский историк Х.Р. Тревор-Ропер в предисловии к своей книге «Последние дни Гитлера», изданной в США в 1962 году

Никогда не вешай человека, которого не держишь в руках.

Старая пословица жителей

Нюрнберга.

Глава 1
«Самая большая нераскрытая тайна нацистов»

Ночь на 15 октября 1946 года была холодной и промозглой. Пронизывающий ветер дул сквозь разрушенные стены и башни старинного города Нюрнберга. Большинство граждан, волновали скорее поиски пищи и убежища от холода, чем казнь главных нацистских военных преступников, которая должна была состояться в Нюрнбергской тюрьме.

Осужденные нацисты, содержавшиеся в условиях строжайшей охраны в теплой тюрьме, ели свой последний ужин, состоявший из сосисок, мясного ассорти, картофельного салата, черного хлеба и чая. Незадолго до часу ночи два представителя американской военной полиции в белых шлемах вызвали первого арестанта, подлежавшего казни. Им был министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп, за которым через короткие интервалы должны были последовать остальные обитатели камеры.

Фон Риббентроп не оказывал сопротивления военным полицейским, которые провели его по коридору и через пустынный внутренний двор в небольшой тюремный спортзал. Сопротивление было бы бессмысленным, а казни были тщательно спланированы так, что все они должны были следовать одинаково короткой, регулярной, фатальной процедуре.

Двигаясь с полузакрытыми глазами, словно в трансе, фон Риббентроп вошел в ярко освещенный спортзал в 1.11 ночи. С него быстро сняли наручники, связали шнурками руки за спиной. В сопровождении двух представителей военной полиции с обеих сторон он поднялся по лестнице из тринадцати ступенек к одной из трех черных виселиц, которые соорудили на платформах высотой 8 футов на расстоянии 8 футов друг от друга.

Протестантский священник произнес молитву рядом с фон Риббентропом, пока тот стоял на крышке люка, где на шею бывшего министра иностранных дел набрасывал петлю официальный вешатель армии США, старший сержант Джон К. Вудс из города Сан-Антонио в штате Техас. Американский врач с ручным фонариком и его советский коллега со стетоскопом ждали у подножия виселицы, пока фон Риббентроп делал свое последнее заявление: «Да защитит Господь Германию. Моя последняя воля состоит в том, чтобы было сохранено единство Германии и чтобы было достигнуто взаимопонимание между

Востоком и Западом».

Сержант Вудс затянул петлю, затем ремень на ногах осужденного. Присутствовали пятнадцать официальных свидетелей: по одному генералу от каждой союзной стороны, офицер тюремной охраны США, восемь специально отобранных зарубежных корреспондентов и два немца. Все стояли по стойке «смирно» и сняли головные уборы.

Один из двух помощников сержанта Вудса натянул на голову фон Риббентропа с редкими седыми волосами черный балахон, скрывший лицо министра. Затем другой помощник потянул за тонкий деревянный рычаг. Люк открылся. Фон Риббентроп провалился в люк, его зачехленное лицо скрыли черные занавески вокруг пространства под платформой.

Когда бывший министр иностранных дел еще качался на туго натянутой веревке первой виселицы, в спортзал вошел фельдмаршал Вильгельм Кейтель, бывший начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ). Кейтель был одет в отутюженный мундир без наград и знаков различия. Его сапоги сверкали, когда он быстро поднялся по тринадцати ступенькам на вторую виселицу. Кейтель обращался в Контрольный совет союзников с просьбой «быть преданным смерти посредством расстрела», поскольку считал, что это было «право солдата любой армии мира, которому выносится смертный приговор как солдату» Апелляция была отвергнута, и под ним открылся люк.

За Кейтелем по очереди в спортзал входили Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Джулиус Штрайхер, Фриц Заукель, Альфред Йодль и Артур Зейс-Инкварт. Каждому предназначалась новая веревка. Ни один из них не имел малейшего шанса избегать уготованного ему конца. «Десять человек за 103 минуты, — позднее заметил сержант Вудс. — Быстрая работа», — сказал он, добавив, что «потом потребовались крепкие напитки».

Десять из двенадцати главных военных преступников, осужденных на смерть Международным военным трибуналом 1 октября 1946 года, были казнены после 217 дней суда. Но двоим из этих двенадцати удалось избежать виселицы. Одним был Герман Геринг. Подобно Адольфу Гитлеру, Генриху Гиммлеру и Йозефу Геббельсу, Геринг избрал собственный способ уйти из мира, который он и другие нацистские лидеры подвергли столь чудовищному насилию.

Каким-то способом в камеру Геринга пронесли тайком пузырек с цианистым калием. Рейхсмаршал принял смертоносное содержимое пузырька за два часа до выхода к виселице. Его труп

был вынесен на носилках в спортзал. Там его сфотографировали в одетом и раздетом состоянии, так же как и трупы десяти повешенных. Это потребовалось как доказательство того, что все эти люди действительно мертвы.

Такая определенность отсутствовала в отношении другого осужденного нациста, который избежал процедуры последнего восхождения по тринадцати ступенькам к петле, черного балахона и открытия люка. Им был рейхслейтер Мартин Борман, глава канцелярии нацистской партии и секретарь фюрера.

Борман не был повешен лишь по одной-единственной причине. Его не было среди тех, кто подлежал повешению. В отличие от Геринга он отсутствовал в тюремной камере. Отсутствовал он и на скамье подсудимых трибунала в Нюрнберге. Борман был единственным обвиняемым, которого судили и которому вынесли приговор в отсутствие подсудимого. Если такое отсутствие оставалось как главной нераскрытой тайной, так и источником замешательства британских и американских (а также советских. — Ред.) спецслужб, которые безуспешно разыскивали его в конце войны, то это вполне согласовывалось с личностью этого деятеля.

Борман всегда был нацистским лидером, личность которого была скрыта завесой тайны. Он работал в тени, пренебрегал публичным признанием и наградами. Но обладал колоссальной властью. Насколько реальной была эта власть, можно судить на основе мнений, выраженных другими нацистскими лидерами. Эти люди, которых боялись и которых ненавидели миллионы их жертв, боялись и ненавидели, в свою очередь, деятеля, фактически не известного никому, кроме них самих.

По мнению одного из обвиняемых в Нюрнберге, Ганса Франка, нацистского генерал-губернатора Польши (точнее, «огрызка» Польши, так называемого генерал-губернаторства. В 1941 году, после вторжения немцев в СССР, в состав генерал-губернаторства включили Галицию с Львовом (с 1939 года были в составе СССР). — Ред.), Борман был «архинегодяем». Ненависть слишком мягкое слово, чтобы выразить чувства Франка в отношении нациста номер два. Другой обвиняемый, Ганс Фриче, одно время высокопоставленный деятель министерства пропаганды доктора Йозефа Геббельса, заявил на суде: «Во-вторых, — и это то, что я не могу не сообщить под присягой, — доктор Геббельс совершенно определенно опасался Мартина Бормана».

Согласно мнению Лутца Шверина фон Крозига, последнего министра финансов, Борман был «злым гением» Гитлера и «коричневым преосвященством» у трона фюрера. С точки зрения

генерал-полковника Хайнца Гудериана, одно время начальника Генштаба сухопутных сил, «вслед за Гиммлером наиболее зловещим представителем окружения Гитлера был Мартин Борман». И тем не менее Борман одолел и унизил рейхсфюрера СС, когда они оба сцепились в личной борьбе за власть».

Союзникам казалось, что второй наиболее могущественной фигурой в нацистской Германии был Герман Геринг. Но в последние два года войны это место занял Борман, который поэтому с презрением и жестокосердием третировал рейхсмаршала. Чувства Геринга в отношении Бормана были выражены во время допроса рейхсмаршала перед Нюрнбергским трибуналом, проводившимся полковником армии США Джоном Аменом.

Амен. Считаете ли вы, что фюрер мертв?

Геринг. Вполне. В этом нет сомнений.

Амен. А Борман?

Геринг воздел вверх руки и ответил: «Если у меня есть что сказать по этому поводу, то это выразить надежду, что он горит в аду. Но я ничего не знаю о нем».

Альберт Шпеер, нацистский министр вооружений и военного производства, понимал реальную силу Бормана и ее источник. «Несколько критических замечаний Гитлера, — говорил Шпеер, — и все вцепились бы Борману в горло».

Фюрер никогда не произносил таких критических слов. До самой смерти Гитлера Борман оставался на его стороне. Во время причудливого времяпрепровождения в бункере, под старой рейхсканцелярией в Берлине, Борман был свидетелем фюрера на церемонии его бракосочетания с Евой Браун. Он также оглашал последнюю волю и политическое завещание фюрера. Последняя воля, в частности, гласила: «Своим душеприказчиком я назначаю моего наиболее преданного товарища по партии Мартина Бормана».

Душеприказчик был первым лицом, которое вошло в комнату, где Гитлер покончил жизнь самоубийством. Борман был также в числе шести персон, которые участвовали в сожжении трупов Гитлера и его жены на погребальном костре. Однако Борман не последовал примеру Гитлера в сведении счетов с жизнью.

Когда Гитлера сожгли в саду рейхсканцелярии в обстановке приближения к ней Красной армии, Борман покинул это место. По свидетельствам тех, кто присоединился к нему на начальной стадии бегства, Борман хотел добраться до гроссадмирала Карла Дёница, которого Гитлер назначил новым главой государства.

Если Борман действительно намеревался прибыть в штаб-квартиру Дёница на северо-западе Германии, он не достиг этой

цели. Это можно утверждать с уверенностью. Ночью 1 мая этот человек, живший в тени, также и исчез в тени в возрасте 45 лет. Это была беспрецедентная ситуация. Как могла исчезнуть без следа вторая по могуществу фигура режима, чья власть одно время простиралась от Атлантики до Волги?

Британские и американские службы военной разведки провели расследование в период, наступивший сразу за войной, в попытках ответить на этот вопрос, но им не удалось установить местонахождение Бормана или добыть сколько-нибудь убедительное свидетельство его смерти. Аналогичные расследования советских властей тоже не дали результата. И вот, принимая во внимание то, что Борман, очевидно, пропал без вести, поскольку смерть его не была установлена, Международный военный трибунал вынес приговор в отсутствие Бормана. Смертный приговор еще оставался в силе спустя 22 года после того, как трупы одиннадцати других главных военных преступников были сфотографированы в спортзале Нюрнбергской тюрьмы.

Сегодня есть люди, которые полагают, что приговор нельзя исполнить, поскольку ночью 1 мая 1945 года Борман был убит, а его тело захоронили в какой-нибудь безвестной массовой могиле. Большинство из этих скептиков бывшие нацисты, которые находились вместе с главой нацистской партийной канцелярии, когда рн пытался бежать из Берлина. Другие же люди, к мнениям которых следует отнестись серьезно, считают, что второму по могуществу нацисту удалось укрыться за рубежом и что это воплощение зла и ужасного прошлого живо и сегодня.

13 апреля 1961 года доктор Фриц Бауэр, генеральный прокурор земли Гессен в ФРГ, выразил убеждение во Франкфурте-на-Майне, что Борман еще жив. Доктор Бауэр сказал, что секретная международная организация могла переправить Бормана за границу по тщательно организованному подпольному каналу. Генпрокурор, получивший известность в связи с преследованиями нацистских военных преступников, завел уголовное дело на Бормана.

Правительство ФРГ настолько серьезно восприняло многочисленные сообщения о сохранении Борманом своей жизни, что назначило в ноябре 1964 года награду в 100 тысяч марок (25 тысяч долларов) за информацию, способствующую его аресту.

В октябре 1965 года Тадек Тувия Фридман, директор Института по документации нацистских военных преступлений в Хайфе, Израиль, сообщил корреспонденту нью-йоркской газеты, что ему известно место в Аргентине, где проживал Борман.

В январе 1966 года Клаус Эйхман, сын Адольфа Эйхмана,

написал открытое письмо Борману, опубликованное в ведущем журнале ФРГ, с просьбой к секретарю фюрера выйти из своего южноамериканского убежища и взять на себя ответственность за преступления, «за которые мой отец отвечает вместо вас перед судом Израиля».

Доктор Фриц Бауэр заявил в апреле 1966 года, что пространство поисков Бормана сужается, и выразил надежду, что «мы преследуем его по горячим следам».

27 марта 1967 года Симон Визенталь провел пресс-конференцию в офисе Антидиффамационной лиги Бнай-Брит в Нью-Йорке. Он совершал тогда свой первый визит в Соединенные Штаты в связи с публикацией его книги «Убийцы среди нас», в которой рассказывалось о его деятельности с 1945 года по розыску нацистских военных преступников. Глава частного Центра еврейской документации в Вене сообщил на пресс-конференции, что «Борман свободно путешествует по Чили, Парагваю и Бразилии. У него мощная организация, призванная помочь другим нацистским военным преступникам избежать преследования властей». Визенталь добавил, что Борман пользовался пятью или шестью псевдонимами и «у него много друзей, денег. Я получаю сведения о нем сразу из двух мест, расположенных слишком далеко друг от друга, чтобы допустить, что действует лишь один человек».

4 июля 1967 года министерство юстиции ФРГ возобновило свой запрос к федеральному Верховному суду Бразилии по поводу превентивного ареста и выдачи секретаря фюрера и главы секретариата нацистской партии. А 31 декабря 1967 года лондонская «Санди таймс» в статье на первой полосе своего корреспондента в Центральной Европе Энтони Терри сообщила, что Борман живет на юге Бразилии в небольшом нацистском поселении, расположенном у границы с Парагваем. Информантом Терри был Эрих Карл Видвальд, бывший ефрейтор СС, который заявил, что Борман уходил от преследования по маршруту, организованному ветеранами СС, и прибыл в Аргентину в 1947 году. Однако, согласно Видвальду, Бормана в настоящее время невозможно узнать из-за неудачно сделанной пластической операции. Более того, он находился при смерти из-за рака желудка. Тем не менее судьба Бормана или его место проживания оставались тем, что Визенталь определял как «самую большую нераскрытую тайну нацизма» в течение более чем двух десятилетий после гибели Третьего рейха.

Но была и еще одна загадка, связанная с Мартином Борманом. Кем он был в действительности? Как он поднялся от безвестного партийного функционера до положения во власти,

когда, оставаясь в основном в тени, он, по словам Германа Геринга, «определял все существование Гитлера»? Это возвышение поставило в тупик даже тех немногих, которые хорошо знали Бормана в течение двенадцати апокалипсических лет нацистского режима. Одним из них был Альфред Розенберг, философ нацистского движения.

Как глава министерства по восточным территориям, которое осуществляло власть на обширных пространствах России, оккупированных нацистами, Розенберг часто становился жертвой интриг Бормана. Перед восхождением по тринадцати ступеням к виселице в Нюрнберге Розенберг писал в своих мемуарах: «Никакая, даже буйная фантазия не могла предсказать карьеру Мартина Бормана».

Эта карьера, так же как карьера Гитлера, началась в Европе, которая, пережив Первую мировую войну, внешне казалась стабильной и неизменной, но которую нацисты в конце концов взорвали. (Автор упрощает ситуацию. Европа, и особенно Германия, разоряемая репарациями и униженная Версальским мирным договором 1919 года, стабильной не была. Нищета, безработица, унижение нации, жажда реванша во всех социальных слоях — вот что привело к власти Гитлера и его людей, в основном фронтовиков. — Ред.)

Глава 2
Осужденный

Мартин Борман родился 17 июня 1900 года в Хальберштадте, старинном и живописном нижнесаксонском городе с населением около 40 тысяч жителей. В хронике его семьи или в его юности не было ничего такого, что характеризовало бы Бормана как военного преступника, кроме соучастия в жестоком убийстве.

Теодор Борман, отец Мартина, был трубачом военного оркестра. Демобилизовавшись из армии, Теодор Борман, чей собственный отец владел каменоломней, стал почтовым служащим в Хальберштадте. Однако он умер, когда его сыну Мартину было всего четыре года, а его вдова быстро снова вышла замуж за директора небольшого банка.

В образовании Мартин Борман не поднялся выше изучения сельского хозяйства в заведении, соответствующем американскому коммерческому училищу. Но оно было прервано службой в 55-м полку полевой артиллерии с июня 1918 по февраль 1919 года. Однако в отличие от Гитлера, который заслужил Железный крест, и Геринга, получившего орден «За заслуги» (а также Железный крест и другие награды. — Ред.), военная служба Бормана прошла без наград. Он не участвовал в боевых действиях.

В августе 1920 года двадцатилетний бывший артиллерист и ученик сельскохозяйственного училища стал управляющим крупной фермой или поместьем. Оно принадлежало семейству фон Троенфельс и располагалось недалеко от деревни Пархим в северной земле Мекленбург. Южнее, в Мюнхене, обскурантистская политическая партия приняла примерно в это же время название Национал-социалистической немецкой рабочей партии со свастикой в качестве своего символа.

Вероятно, Борман не знал о деятельности новой нацистской партии или ее седьмого по счету члена Адольфа Гитлера. Однако молодой управляющий поместьем обнаружил свое недовольство условиями послевоенной Германии, вступив в Объединение против засилья евреев и организацию Россбаха.

Первоначально общество Freikorps Rossbach, руководимое бывшим участником Первой мировой войны лейтенантом Герхардом Россбахом, было одним из многих объединений ветеранов войны, представителей полувоенных организаций добровольцев (freikorps), образовавшихся под патронажем рейхсвера. По Версальскому договору регулярная германская

армия была сокращена до 100 тысяч человек (100 тысяч в сухопутных войсках, 15 тысяч на флоте. — Ред.). Но допускалось использование полувоенных организаций, иногда именовавшихся «черным рейхсвером», для поддержания порядка в стране и защиты ее восточных границ от поляков и большевиков (с поляками, с большевистской Россией Германия не граничила. Только в 1920 году в Восточной Пруссии пришлось интернировать отступившие сюда (чтобы избежать польского плена) некоторые части и соединения разбитых под Варшавой войск Тухачевского. — Ред.). В таком качестве полувоенные организации участвовали в серьезных военных действиях. Вскоре поняв, однако, что кочующие отряды недовольных бездомных ветеранов могли повернуть оружие против только что родившейся республики, правительство запретило многие из них.

Россбах отказался распустить свою организацию. Он просто изменил ее название на Рабочее общество Россбаха. Когда запретили и эту организацию, ее название вновь было изменено на Союз сельскохозяйственного профессионального обучения. Члены Союза придерживались одинаковых взглядов: антисемитизм, недовольство условиями Версальского мирного договора 1919 года и необходимость их отмены, свержение республики, восстановление Германии в качестве великой европейской державы.

Таков был характер организации, в которой Борман чувствовал себя как дома. Он присоединился к группировке Россбаха в 1922 году, слишком поздно, чтобы участвовать в боевых действиях в период, наступивший непосредственно после войны. Но он стал лидером отделения и его казначеем в Мекленбурге, когда 9 января 1923 года Комиссия союзников по репарациям заявила, что Германия не выполняет свои обязательства в соответствии с условиями мирного договора по поставкам строительного леса и угля. Через два дня французские и бельгийские войска оккупировали Рурскую область.

Оккупация промышленного сердца Германии поставила страну на грань политического и экономического распада и ускорила крах марки. К ноябрю 1 доллар стоил 130 миллионов марок. Оккупация послужила также стимулом для экстремистских группировок, которые вырастают только на почве отсутствия безопасности и элементарного порядка. Власти призывали к проведению кампании пассивного сопротивления, в то время как экстремисты подстрекали к забастовкам, партизанской войне и саботажу.

Французские оккупационные власти ответили на это экономической блокадой, депортациями, арестами

промышленных магнатов и профсоюзных лидеров, расстрелами саботажников. 23 мая 1923 года французами был казнен за саботаж и промышленный шпионаж Альберт Лео Шлагетер, молодой экс-лейтенант кайзеровской армии, который после Первой мировой войны воевал в рядах фрайкоров в Верхней Силезии и Прибалтийских государствах. С точки зрения французов, его вина была неоспорима, а его казнь — оправданна. Но для немецких националистических группировок он погиб мученической смертью за фатерланд, и на волне таких настроений Мартин Борман вскоре принял участие в одном убийстве.

В феврале 1923 года в организацию Россбаха вступил двадцатитрехлетний учитель начальной школы Вальтер Кадов. Он быстро вызвал к себе неприязнь. Кадов занимал деньги у товарищей и не возвращал их, а также делал вид, что заслужил много боевых наград. Возможно, самой большой его оплошностью стало то, что он позаимствовал 30 тысяч марок (около 5 долларов) из кассы организации Россбаха.

Казначеем был Мартин Борман. Ему исполнилось в это время 23 года. Кареглазый, темно-русый, около 180 сантиметров роста, он обладал мощным сложением и короткой сильной шеей, из-за которой получил прозвище Буйвол.

Борман был недостаточно образован по немецким стандартам, но у него была необыкновенная память на цифры, подробности дел и одержимость в работе. Он оставался холостяком и терял веру в учение Лютера, а также в социальный порядок, при котором родился в начале века. В этом отношении Борман мало отличался от тысяч других разочарованных немцев послевоенного периода. Но не многие из них приблизились к тем высотам, которых достиг Борман, вероятно, потому, что не многие из них обладали его талантом теневого манипулирования и насильственных действий. Первой известной жертвой этого таланта и стал Вальтер Кадов, который находился в Руре, когда арестовали и казнили Шлагетера.

Борман приказал задержать Кадова, если он приедет в Пархим в Мекленбурге. Заявленной им целью было заставить Кадова отработать долги. Но, кроме того, Борман распространил слух о том, что Кадов был коммунистическим шпионом и, вероятно, донес на Шлагетера.

Кадов, действительно, вернулся в Пархим. Ночью 31 мая 1923 года он принял участие в продолжительной попойке с некоторыми членами группировки Россбаха в таверне местной гостиницы. Ближе к полуночи опьяневшего Вальтера Кадова вытащили из таверны. Его поспешно затолкали в машину и

отвезли в лес на краю деревни. Здесь его избили до бесчувствия дубинками. Ему выбили зубы и раздробили череп. Затем перерезали горло.

В заключение в голову Кадова всадили две пули, а его труп погребли в лесу. Убийцы разбежались, полные веры в то, что мученик Шлагетер отомщен, другим потенциальным предателям преподнесен предметный урок.

В послевоенной Германии политические убийства являлись обычной практикой. Они следовали германской традиции Vehmgericht, средневековых судов, которые заседали и выносили приговоры тайно. Но Веймарская республика была еще достаточно стабильной, чтобы осуществить правосудие по отношению к исполнителям подобных преступлений. Так произошло и в случае с убийством Вальтера Кадова после того, как член группировки Россбаха по имени Бернхард Юриш сознался в причастности к этому преступлению. Юриш опасался, что он тоже намечен в качестве очередной жертвы.

Мартина Бормана арестовали в июле 1923 года и держали под превентивным арестом в Лейпциге до декабря этого года. 12 марта 1924 года он и другие члены группировки Россбаха предстали в качестве обвиняемых на процессе Государственного суда по защите республики в Лейпциге. Ни во время процесса, длившегося три дня, ни впоследствии не было добыто сколько-нибудь убедительных свидетельств того, что Кадов был коммунистическим шпионом или имел какое-либо отношение к доносу на Шлагетера.

Подсудимых признали виновными в преступлении и осудили на различные сроки заключения. Самый продолжительный срок — десять лет каторжных работ — достался небезызвестному Рудольфу Францу Гессу, как вероятному главарю заговорщиков. Так в истории впервые появилось имя Гесса, двадцатидвухлетнего сына лавочника. Одно время он, по настоянию своих набожных родителей, подумывал об учебе на католического священника. Однако во время войны он служил пулеметчиком, а затем участвовал в составе добровольческих отрядов Россбаха в боевых операциях в Прибалтике. Гесса выпустили через четыре года отбывания тюремного срока по всеобщей амнистии для лиц, совершивших политические преступления. Позднее же он вновь появится в качестве коменданта Освенцима, крупнейшего нацистского концентрационного лагеря.

Мартина Бормана приговорили к одному году тюрьмы за участие в убийстве Кадова. Из-за отказа обвиняемых сотрудничать с судом и недостатка свидетелей роль Бормана в деле выглядела неясной, что позднее стало для него типично.

Оказалось, что он подстрекал убийц, снабдил их машиной, помогал им укрыться, но прямого участия в убийстве не принимал.

Борман и другие обвиняемые открыто возмущались на суде во время оглашения приговора. Когда их поместили в автофургон для заключенных, чтобы вывезти со двора тюрьмы, один из обвиняемых запел, а Борман с товарищами энергично подхватили куплет:

> Когда тебя пронзают мечом, продолжай сражаться, тем не менее.
> Пожертвуй жизнью, но не знаменем.
> Его понесут другие, когда тебя похоронят
> И завоюют славу, которая будет реять над тобой.

Борман отбыл полный срок заключения в условиях жесткой дисциплины, которая практиковалась в то время в прусских тюрьмах. По освобождении из заключения в марте 1925 года он вернулся к работе управляющего поместьем в Пархиме. Теперь он занимал несколько более высокое положение по сравнению с наемным смотрителем за крестьянами, берущими в аренду собственность, которая принадлежала аристократическому классу. Борман не принадлежал к этому классу, которому он завидовал и который одновременно ненавидел. Но работа есть работа, и бывший осужденный являлся одним из тех счастливцев, которые имели работу в стране с миллионами безработных.

Тюремный срок Бормана нисколько не повлиял на его экстремистские националистические взгляды, поскольку он вскоре вступил в организацию Frontbann. Эта организация являлась наследницей Deutscher Kampfbund (Немецкий боевой союз), состоявшего из вооруженных отрядов бывших солдат. Союз был распущен властями Веймарской республики после того, как поддержал в 1923 году неудавшийся путч Адольфа Гитлера в Мюнхене.

Сам Гитлер отбывал срок заключения в тюрьме после неудавшегося путча. (По приговору суда, состоявшегося в феврале — марте 1924 года, Гитлера приговорили к 5 годам заключения. Но отсидел он (с учетом предварительного заключения) всего 13 с небольшим месяцев. — Ред.) Выйдя 20 декабря 1924 года из тюрьмы, он обнаружил нацистскую партию в агонии. Это была расколотая организация, которую власти объявили незаконной. Запрет сняли в 1925 году, и в том же году Гитлер воссоздал свою партию. Но не многие люди верили, что этот несколько комичный, мелкий баварский политик когда-нибудь будет играть

ведущую роль в Германии и лишь немного меньшую в международных делах. Поскольку инфляция, безработица и общее недовольство, которые использовали нацисты для привлечения массовой поддержки, пошли на убыль благодаря корректировке внутренней политики, в Германии началось заметное экономическое оживление.

В 1925 году для Адольфа Гитлера, казалось, не было перспективы. Это еще более справедливо в отношении человека, с которым Гитлеру еще предстояло встретиться. Мартин Борман не был в этом году даже членом нацистской партии. Он являлся безвестным управляющим поместьем и, более того, бывшим заключенным. Его перспективы выглядели туманными.

Но обстановка изменится, наступит ночь барабанов и факелов, и этой ночью взойдет звезда Бормана, по иронии и именно потому, что его посадили в тюрьму за причастность к жестокому убийству.

Глава 3
Незнакомый рейхслейтер

Незадолго до наступления темноты в ночь на 30 января 1933 года в глубине парка Тиргартен в центре Берлина забили барабаны. Десятки тысяч нацистских штурмовиков собрались в этом месте с горящими факелами. Затем они образовали стройные колонны и темной зимней ночью пошли маршем из Тиргартена через Бранденбургские ворота, далее по Унтер-ден-Линден, держа горящие факелы.

Штурмовики повернули направо на Вильгельмштрассе и промаршировали по этому широкому проспекту. Их сапоги отбивали на мостовой «устойчивую, уверенную поступь», выражаясь словами песни о Хорсте Весселе, которая являлась нацистским гимном и которую они пели. Под грохот барабанов и рев военной музыки многочисленных отрядов внушительное факельное шествие текло, подобно огненной реке, мимо ликующих толп, молчаливых иностранных посольств и президентского дворца. Из окна дворца дряхлый восьмидесятишестилетний фельдмаршал Пауль фон Гинденбург следил за тем, как участники марша продолжили движение мимо рейхсканцелярии. Стоя у одного из открытых окон, Адольф Гитлер, улыбаясь, смеясь, со слезами радости приветствовал марширующих нацистским приветствием.

После полудня того же дня Гитлер был назначен президентом республики фон Гинденбургом канцлером Германского рейха. «Четырнадцать лет трудной работы были увенчаны победой», — писал позднее Йозеф Геббельс. По микрофону, установленному в рейхсканцелярии, Герман обратился с громовой речью к штурмовикам и собравшимся толпам людей:

— 30 января 1933 года будет запечатлено в истории Германии как день, когда возродилась слава страны, как день, когда нация поднялась и отбросила все страдания, боль и позор минувших четырнадцати лет… Вот стоят фельдмаршал мировой войны и рядом с ним молодой фюрер Германии, который намерен вести народ и рейх в новую и лучшую эпоху…

Свидетельства того, где стоял Борман, отсутствуют. Он был не настолько влиятелен, чтобы его присутствие было замечено в этот длинный роковой день, который явился побочным продуктом мировой экономической депрессии. Нацисты использовали острый кризис, поразивший Германию, для восстановления своей падающей популярности и становления в качестве единственной

политической силы в стране.

В течение года пребывания у власти в качестве законно назначенного канцлера Гитлер сокрушил всю сколько-нибудь действенную оппозицию, завершил возведение нацизма в ранг государственной политики и стал диктатором. Мартин Борман же оказался среди тех, кто всплыл из безвестности на волне гитлеровского триумфа. Однако Борман не играл существенной роли в политическом маневрировании, позволившем Гитлеру стать рейхсканцлером.

Ведь Борман примкнул к нацистскому движению на поздней стадии. Он вступил в партию только 17 февраля 1927 года под номером 60 508. Но и с этого времени его карьера была скорее постепенной, чем быстрой, в отличие от людей, бывших рядом с фюрером в дни мюнхенского пивного путча 1923 года.

В 1927 году Борман служил пресс-секретарем партийного округа (гау) Тюрингия. 1 апреля 1928 года он стал районным руководителем в Тюрингии и начальником хозяйственного отдела округа. 15 ноября 1928 года его включили в штат Верховного командования штурмовых отрядов (Sturmabteilung) или СА (S. A.). Кадровый состав этих отрядов обычно называют штурмовиками или коричневорубашечниками. Они часто устраивали уличные схватки с теми, кто находился в оппозиции к нацистам.

25 апреля 1930 года Борман оставил штурмовиков, чтобы занять пост управляющего Кассой взаимопомощи нацистской партии (Leiter der Hilfskasse). Касса предназначалась для оказания финансовой помощи семьям людей, которые погибли или получили ранения в борьбе за нацистское дело. Она превратилась в важное учреждение в период обострения экономической депрессии. Когда Борман управлял Кассой взаимопомощи, его должниками стали сотни будущих нацистских функционеров.

Через шесть месяцев после прихода Гитлера к власти Борман получил награду за верную службу. В июле 1033 года его назначили рейхслейтером (рейхслейтеры (национальные лидеры) нацистской партии занимали в ней высшие посты. Назначал их Гитлер, и они подчинялись ему непосредственно. Однако их функции носили сугубо партийный характер, в отличие от военных, международных функций или функций СС. — Ред.) и руководителем аппарата Рудольфа Гесса, заместителя фюрера. Возвышению Бормана от заурядного члена партии до рейхслейтера во многом способствовало его участие в убийстве Кадова. В глазах нацистских лидеров любой молодой человек, который отсидел срок в политических тюрьмах Веймарской республики, заслуживал доверия, восхищения и наград. С этой целью была отчеканен почетный нацистский знак орден крови

(Blutorden). Борман получил его по заслугам.

Женитьба Бормана также выделила его среди других заслуженных, но малоизвестных нацистов. 2 сентября 1929 года он женился на Герде Бух. Ей было тогда 20 лет, она была на 9 лет моложе супруга. Герда Борман выглядела крепкой, но довольно заурядной блондинкой (которая родит Борману десять детей. — Ред.). Она живо интересовалась немецким фольклором и души не чаяла в Адольфе Гитлере. Ее отец Вальтер Бух, бывший майор во время Первой мировой войны, занимал пост председателя нацистского партийного суда, ответственного за поддержание партийной дисциплины.

В нацистских кругах Вальтер Бух был влиятельной и могущественной фигурой. Гитлер был на свадьбе Герды Бух свидетелем и таким образом лично познакомился с женихом. Первый ребенок у четы Борман родился 14 апреля 1930 года. Отец недолго подыскивал имя новорожденному мальчику. Его окрестили Адольфом, в честь крестного отца — Гитлера.

Когда нацисты пришли к власти, Борман проявил себя как неутомимый и преданный работник для партии и ее фюрера. С точки зрения Бормана, иначе и быть не могло.

Его жизнь была типична для людей его поколения, которые вступили в нацистскую партию и стали ее деятелями. Рожденные в сельской местности или в провинциальных городках в семьях, отцы которых имели скромные доходы и положение, эти нацистские функционеры получили небольшое образование и после Первой мировой войны столкнулись с действительностью, которая давала мало надежд на успешную карьеру и личное удовлетворение.

Для Бормана и тысяч подобных ему, неопределившихся, недовольных молодых нацистов, годы Веймарской республики казались временем распада и катастроф. Перемирие, Версальский договор, красные флаги Советов рабочих и солдатских депутатов, Капповский путч, оккупация Рура, инфляция 1923 года и депрессия 1929–1932 годов с ее миллионами безработных сменяли друг друга в быстрой последовательности. Гитлер и нацистская партия предлагали простые решения трудностей Германии и придавали целеустремленность людям, подобным Борману. Фюрер хотел учредить новый тип власти, которая больше не должна основываться на руководстве аристократического сословия, элиты бизнеса или «ноябрьских преступников» Веймарской республики. И после того как Гитлер стал в 1933 году рейхсканцлером, его программа поначалу давала работу и надежду тем, кто привел его к власти. Никто тогда не мог предсказать, что кровожадные мысли фюрера приведут к

столь чудовищным преступлениям. Мартин Борман действительно осознавал, что дала ему преданность фюреру. Сын мелкого почтового служащего, бывший студент сельскохозяйственных курсов, преступник и управляющий имением стал теперь рейхслейтером и руководителем аппарата заместителя фюрера Рудольфа Гесса, который нес ответственность за решение всех вопросов партийного руководства от имени Гитлера.

Фюрер учредил четыре отдельных канцлерских ведомства. Одно из них ведало только его личными делами. Другое имело отношение к рутинным вопросам, таким как предоставление помилования, правом которого он был наделен как глава государства. Третье, рейхсканцелярия, занималось вопросами, относимыми к Гитлеру как рейхсканцлеру. Четвертое представляло собой аппарат заместителя фюрера по вопросам нацистской партии.

Со стороны выглядело так, будто рейхсканцелярия была наиболее важным учреждением, дающим надежду на продвижение для амбициозного молодого человека. Но Гитлер дал ясно понять, что это не совсем так, когда заявил на митинге нацистской партии 1934 года в Нюрнберге: «Не государство руководит нами, а мы руководим государством».

Борман видел эту разницу. Оставив ведущую роль на политической сцене другим, он постепенно и усердно стал добиваться контроля над действующим аппаратом заместителя фюрера. Вот где была сосредоточена реальная власть, поскольку по закону нацистская партия была единственной политической партией страны, а Гитлер хотел, чтобы партия руководила государством. Гесса постоянно видели рядом с Гитлером на парадах и партийных митингах. Но рядовые члены партии вскоре осознали, что именно безвестный Мартин Борман решал вопросы о кадровых перемещениях и наградах.

От внимания Бормана не ускользала ни одна деталь. Когда гаулейтер, который подчинялся Борману как рейхслейтеру (национальному лидеру) (гаулейтеры были руководителями гау, основных административных округов, на которые был разделен нацистами Третий рейх. — Ред.), поднял вопрос о том, как следует произносить нацистское приветствие, «Хайль Гитлер» или просто «Хайль», Борман разрешил его. После официального рассмотрения вопроса он, с должными формальностями, сообщил гаулейтеру, что приемлема любая форма приветствия.

Борман взял также за правило выдвигать людей истинно преданных нацизму, которые были способны раскрыть в будущем свой потенциал. В отношении закоснелых нацистов, неспособных

идти в ногу с переменами, он проявлял нетерпимость, граничащую с презрением. Прошлые заслуги не имели для него значение. Те, кто не мог понять, что Гитлер стал законным канцлером законного правительства, что старые дни уличных драк ушли в прошлое, карались беспощадно.

Весной 1934 года штурмовики и их начальник штаба Эрнст Рём стали в этом отношении особенно досаждать и даже представлять угрозу для фюрера. В расчет теперь уже не принималось то, что Гитлер одно время опирался главным образом на штурмовые отряды для запугивания населения. Теперь не было никакой пользы от неуправляемых коричневорубашечников, такие лидеры которых, как Рём, скандально известные гомосексуалисты, вели беспутный богемный образ жизни. С прицелом на будущее Гитлер потребовал создания элитного корпуса, подчиненного только ему. Ядро этого корпуса он нашел в СС, чернорубашечниках (охранных отрядах). Они были организованы Генрихом Гиммлером. Гитлер нуждался также в поддержке офицерского корпуса рейхсвера на тот случай, если он когда-нибудь перевооружит Германию на профессиональном уровне.

Но аристократический офицерский корпус презирал и боялся Рёма с его штурмовыми отрядами численностью почти три миллиона человек. Ведь Рём хотел включить профессиональную армию в СА, Гитлер понимал, что, пока существовала такая возможность, офицеры рейхсвера не будут оказывать ему поддержки. Он понимал также, что, если Рём добьется своего, СА подчинит себе армию, а посредством ее и государство, что было чревато вытеснением из политической жизни нацистской партии и ее фюрера.

Борман понимал значение этой проблемы. В течение полутора лет он входил в Верховное командование СА. Он хорошо знал лидеров штурмовиков, пользовался их доверием. Но теперь они были бесполезны и не могли соответствовать «новому порядку».

Рано утром 30 июня 1934 года один из первых сторонников и ближайших друзей Гитлера Эрнст Рём с другими ничего не подозревающими лидерами штурмовиков были внезапно арестованы. В последующие три дня они были расстреляны эсэсовцами. Такая участь постигла и других деятелей, которых Гитлер подозревал в заговорщических намерениях, таких как его предшественник на посту рейхсканцлера, генерал Курт фон Шлейхер.

Эта чистка уничтожила СА как соперника СС, позволила СС контролировать все органы полиции и обеспечила Гитлеру

поддержку регулярной армии. Она также дала доказательство и предостережение в отношении того, что фюрер был готов идти до конца в борьбе за абсолютную власть. Во время небезызвестной «ночи длинных ножей» Борман сыграл роль, которая была и останется исключительно его ролью.

Борман не был одним из боевиков. Он оставался в тени, собирая жалобы и свидетельства скандальных выходок Рёма и окружающей его «банды гомосексуалистов». Эти сведения предоставлялись тестю Бормана Вальтеру Буху и Рудольфу Гессу, который, в свою очередь, передавал их фюреру. Борман без колебаний обеспечивал их информацией о своих бывших коллегах, которая давала предлог для действий. Его не беспокоило, что многие из этих уничтоженных людей были виновны лишь в том, что стали непригодными для осуществления дальнейших целей фюрера. Они не смогли идти в ногу с переменами, чтобы влиться в «новый порядок».

Но имелись и те, которые нашли свое место в новой Германии без особого труда. В 1936 году, через два года после «ночи длинных ножей», Генрих Гиммлер предоставил, возможность Борману и большой группе партийных функционеров совершить инспекционную поездку в концентрационный лагерь Дахау близ Мюнхена. В Дахау Борман встретил старого друга Рудольфа Франца Хёсса. Некогда состоявший в организации Россбаха Хёсс стал сотрудником СС, который поддерживал непосредственные контакты с узниками.

Позднее Хёсс поделился воспоминаниями о времени проведения инспекции: «Концентрационный лагерь Дахау в данное время содержится в хорошем состоянии. Заключенные хорошо питаются, получают чистую и добротную одежду, живут в приличных помещениях. Большинство из них работают в мастерских, число больных настолько мало, что не заслуживает упоминания. Общее количество заключенных около 2500 человек. Они проживают в десяти кирпичных бараках. Хорошо налажено санитарное обеспечение. Недостатка в питьевой воде нет. Нижнее белье меняется раз в неделю, постельное белье — раз в месяц. Треть контингента состоит из политических заключенных, две трети — из уголовников, асоциальных элементов, осужденных на принудительные работы, гомосексуалистов и около двух сотен евреев».

Впечатления тех, кого инспектировали, не записывали.

Хёсс выглядел вполне удовлетворенным своим обращением с узниками в первом крупном концентрационном лагере. Гиммлер и Борман, оказывается, тоже находились под впечатлением. Они расспрашивали Хёсса, доволен ли он своей работой, о его семье.

Вскоре после этого Хёсса произвели в унтерштурмфюреры (лейтенанты). В данном случае это был тип человека, который, по мнению Бормана, мог принести пользу в будущем «новому порядку».

Хёсс продолжал карьеру в СС. Кульминацией было его назначение комендантом лагеря, цель которого заключалась не в «концентрации» людей, но в их уничтожении. Он будет создан в Польше, в Аушвице (Освенциме).

Генрих Гиммлер признал Мартина Бормана человеком, который мог приобрести определенное влияние в будущей политике Третьего рейха, и решил рекрутировать его в свою крепнувшую СС. Борман избегал доверительных личных отношений, но он поддерживал с Гиммлером деликатную дружбу. Для Бормана рейхсфюрер СС был «дядей Генрихом», поскольку являлся крестным отцом шестого ребенка Бормана, Генриха Гуго, который родился 13 июня 1976 года. Гиммлер в письмах к Борману называл его «дорогим Мартином».

30 января 1937 года Гиммлер присвоил Борману звание группенфюрера СС (генерал-лейтенанта). Борман принял это звание, но, если Гиммлер полагал, что Борман будет считать себя подчиненным рейхсфюрера СС, то он ошибался.

Все офицеры СС были, конечно, членами нацистской партии. Но не все члены нацистской партии принадлежали к СС. В этом состояла разница, и Борман считал, что нацистская партия должна быть доминирующей организацией. Разумеется, партия относилась к его исключительной сфере деятельности. Он расценивал присвоение ему звания группенфюрер СС как своеобразную почетную степень. Борман дал ясно понять Гиммлеру, что не будет маршировать вместе с руководством СС на партийных митингах в Нюрнберге. Он будет занимать место наблюдателей за этими мероприятиями, стоя рядом с Рудольфом Гессом и фюрером. И действительно, «дорогой Мартин» стоял там во время митинга в ноябре 1937 года. С этого почетного места Борман наблюдал за тем, как колонны СС совершали свой торжественный марш.

Борман сосредотачивался на вопросах внутрипартийной жизни. Он не играл заметной роли в ремилитаризации Германии, оккупации Рейнской области, аннексии Австрии, в Мюнхенском соглашении, вторжении в Чехословакию или прочих важных событиях и решениях, последовавших за захватом нацистами власти. В компетенцию Бормана больше входило формирование внутренней нацистской политики и претворение ее в жизнь в виде Указов заместителя фюрера партийным функционерам. Указ, который он разослал за своей подписью из Коричневого

дома, штаб-квартиры партии в Мюнхене, 8 января 1937 года, является типичным примером такой деятельности.

> «Повод — отказ в финансовой помощи и т. п. пациентам еврейских врачей и т. д.
>
> По моей инициативе министр внутренних дел Пруссии и Рейха выпустил следующий циркуляр, который я передаю вам для информации:
>
> «Финансовая помощь, включая платежи по счетам и компенсационные выплаты, больше не выплачивается служащим на покрытие их расходов, вызванных пользованием услугами еврейских врачей, дантистов, аптекарей, медицинского персонала, больниц, санаториев, родильных домов, похоронных бюро, адвокатов и т. д. Исключения допускаются лишь в отдельных случаях (то есть тогда, когда угроза жизни делает вызов еврейского врача неизбежным)».
>
> В этой связи я хотел бы заметить, что уже ведутся переговоры, касающиеся дальнейших далеко идущих мер».

Борман, подобно Сталину в период лидерства Ленина, занимался рутинной административной работой: консолидировал контроль партийного аппарата, замыкал на себя все личные дела; решал вопросы повышений и понижений в должности, назначений на партийные посты. Также как Сталин в период лидерства Ленина, Борман оставался в тени. Его не знала немецкая публика и зарубежная пресса.

Да, Борман предпочитал закулисную работу. Однажды он сказал жене, что доктор Роберт Лей, глава Трудового фронта Германии, хорошо известен немецким массам, «в то время как я сознательно избегаю такого рода известности». Что касается медалей, украшений, титулов и всех прочих видимых атрибутов власти, наставлял свою жену Борман, то «если когда-либо состоится мемориальная церемония по поводу моей смерти, не надо будет устраивать дешевый смотр подушечек с чередой наград на них илчэму подобные мероприятия. Это производит фальшивое впечатление. Добиться такого рода побрякушек на подушечках может любой олух…».

Но если Борман пренебрегал символическими атрибутами власти, то он был кровно заинтересован в реальных ее атрибутах. Однако его шансы стать большим, чем высокопоставленный бюрократ, выглядели в предвоенные годы довольно проблематичными. Невозможно было и вообразить, чтобы он завоевал большее расположение Гитлера, чем непосредственный

начальник Бормана — заместитель фюрера Рудольф Гесс.

Ни один нацист не знал Гитлера более продолжительное время и более близко, чем Гесс. Его отец был немецким торговцем, имевшим дело в Египте. Там Рудольф Гесс провел первые двенадцать лет своей жизни перед отправлением на учебу в школе в Германию. В годы Первой мировой войны он добровольно вступил в армию, где воевал вместе с Гитлером на Западном фронте в одном и том же пехотном полку, хотя в то время они не встречались друг с другом. Пехотинца Гесса ранили в легкое (автор ошибается — шрапнелью в плечо и в кисть левой руки — 12 июня 1916 года у форта Дуомон под Верденом, — Ред.) и поместили в госпиталь. (Автор ничего не говорит о том, как Гесс с декабря 1916 по август 1917 года воевал на Румынском фронте с румынами и русскими. Там он был дважды ранен — в июле осколком в руку, а в августе пулей навылет — пуля прошла между аортой и сердцем, а вышла в пальце от позвоночника. — Ред.) Позднее он стал летчиком (воевал в эскадрилье под командованием Геринга в самом конце войны. — Ред.). После войны Гесс изучал экономику в Мюнхенском университете, но проводил большую часть времени в распространении антисемитских и антикоммунистических брошюр. В 1920 году он впервые услышал выступление Гитлера. Красноречие Гитлера покорило Гесса, он вступил в нацистскую партию под шестнадцатым номером и с тех пор стал близким другом фюрера и его приватным секретарем.

В ноябре 1921 года более сотни противников нацизма попытались сорвать митинг Гитлера в пивной Мюнхена. Гесс был одним из пятидесяти нацистов, которые выбрасывали налетчиков через двери и окна. В ходе драки он принял на себя удар пивной кружкой, нацеленной на Гитлера. В результате на его голове остался шрам на всю жизнь. Гесс также маршировал рядом с Гитлером во время пивного путча 1923 года. После его провала он передал себя в руки полиции, чтобы отсидеть вместе с Гитлером срок заключения в Ландсбергской тюрьме. Там он писал под диктовку большую часть рукописи «Майн кампф».

Узы, связывавшие Гитлера и Гесса, выглядели нерушимыми. Понятно, что Борман, примкнувший к нацистскому движению позднее, не мог рассчитывать сблизиться с Гитлером в такой же степени, как и заместитель фюрера. Гитлер же сохранял собственную верность «старым соратникам», которые поддерживали его на ранней стадии борьбы.

Таким образом, для собственного возвышения Борману требовалось преодолеть огромное препятствие. Это выглядело настолько невероятным, что в первые годы после завоевания

власти нацистами даже не приходило в голову. Гесс, высокий мужчина с густыми темными волосами, кустистыми бровями и пронзительным взглядом черных глаз, был весьма популярным деятелем в Германии. Несмотря на высокое положение, он вел непритязательный образ жизни семьянина среднего класса. Он редко досаждал подчиненным мелочами, а его преданность фюреру была неоспоримой и явно пользовалась взаимностью. Не обладая большим красноречием, Гесс в таких случаях, как представление фюрера на партийных митингах, вызывал бурные приветствия аудитории.

Борман был никудышным оратором. Даже в частной беседе он хриплым голосом издавал лишь отрывистые фразы. Его коренастое тело, округлые плечи и бычья шея придавали ему зловещий вид. Один из нацистов описывал его так: «Его голова чуть выдавалась вперед и была наклонена немного набок. Лицом и бегающим взглядом глаз он напоминал боксера, надвигавшегося на своего соперника». Другой очевидец считал, что Борман выглядел борцом-спортсменом и что «его круглое скуластое лицо с широкими ноздрями носа выражало энергию и жестокость. Свои прямые темные волосы он зачесывал назад. Его темные глаза и мимика выдавали коварство и беспощадность».

Поведение Бормана также настораживало. Он ни с кем не делился мыслями. Казалось, что работа была его единственной заботой. В хорошем расположении духа был груб с подчиненными и жесток в отношении тех, кто его не удовлетворял. Хорошим примером может послужить замечание, которое он написал на полях личного дела одного высокопоставленного деятеля СС: «Я не привык иметь дело с идиотами».

В намерения Бормана не входило завоевание популярности или даже налаживание элементарных доброжелательных отношений с коллегами. Его целью была власть, даже при отсутствии способности стать публичным лидером. Для достижения власти Борман выработал курс действий, цель которых была удивительно проста, настолько проста, что другие нацистские лидеры ее не заметили.

Единственным реальным источником власти в Третьем рейхе был Гитлер. Другие нацистские вожди, которые в любом другом обществе считались бы воплощением множества пороков, были всем обязаны этому уникальному историческому персонажу и демонической фигуре. (Нацистские лидеры и сами, однако, были весьма незаурядными личностями с большим жизненным опытом, в большинстве фронтовиками. — Ред.) Тем не менее, выражая верность своему фюреру, его прежние близкие соратники начали обустраивать собственные сферы власти. У Гиммлера была СС, у

Геббельса — министерство пропаганды, у фон Риббентропа — министерство иностранных дел, у рейхсмаршала Геринга — люфтваффе и т. д. Это означало, что перечисленные деятели не могли постоянно находиться рядом с фюрером.

Рейхслейтер Мартин Борман, негласный и готовый оставаться таким, оставил другим приобретение наград, международной славы или скандальной известности, маршальских жезлов, звучных официальных титулов. Его цель была проще и амбициознее: сделаться необходимым фюреру.

Глава 4
Глава аппарата заместителя фюрера

У Гитлера были скромные потребности. Ел он мало, не употреблял мяса, не курил, воздерживался от спиртных напитков. Гитлер был равнодушен к роскошной одежде, носил простой мундир в сравнении с великолепными нарядами рейхсмаршала Геринга и других нацистских руководителей. Что касается женщин, то Гитлер иногда, видимо, получал удовлетворение от общения с ними, но о женитьбе не могло быть и речи, поскольку это помешало бы осуществлению его миссии.

В 1936 году в Бергхофе поселилась Ева Браун в качестве подруги Гитлера (знакомы они были с 1930, а с 1932 год. Ева Браун была любовницей фюрера. — Ред.). Это была блондинка, довольно привлекательная девушка из мелкобуржуазной баварской семьи (с 1790 года дворянской — фон Браун. — Ред.), интересовавшаяся в основном спортом и дешевой беллетристикой. Ева была на 20 лет (на 23 года. — Ред.) моложе Гитлера, он впервые увидел ее в ателье своего личного фотографа Генриха Хоффмана, который нанял Еву на работу. О физической близости Евы Браун и Гитлера известно только им обоим, но очевидно, что фюрер держал ее в тени и не позволял ей или какой-нибудь другой женщине влиять на политические решения.

Деньги сами по себе тоже не интересовали Гитлера. После того как он стал канцлером, кто-то должен был заняться его личными финансами. Это было скучное и неблагодарное занятие, нацистские лидеры уклонялись от столь нудной работы. Борман же увидел в ней свой шанс.

Начиная с 1933 года группа ведущих германских промышленников, и среди них Крупп, ежегодно передавала в личное распоряжение Гитлера суммы, исчислявшиеся несколькими миллионами марок. Дары Адольфу Гитлеру предоставлялись от германской промышленности в знак благодарности за сокрушение коммунистов, социалистов и независимых профсоюзов. Не велось никакого учета этих средств. Борман вызвался наладить для фюрера этот учет, как и отчислений за издания «Майн кампф», которые достигли в 1933 году 300 тысяч долларов, и, кроме того, зарплаты Гитлера за выполнение различных государственных функций.

Бывший управляющий поместьем вел учет этих денег со знанием дела и в манере, рассчитанной на завоевание расположения Гитлера. Помимо финансирования бытовых

потребностей канцлера рейха Борман нашел применение этим деньгам как средства реализации сокровенных желаний фюрера, таких как строительство резиденции в Берхтесгадене.

Впервые Гитлер и его окружение провели летний отдых в Берхтесгадене в 1923 году. Его очаровали этот небольшой городок и живописная долина, которую окаймляла гряда увенчанных снеговыми шапками гор на юго-восточной оконечности Баварии (северные хребты Альп, в частности Штайнернес-Мар).

В 1928 году Гитлер арендовал виллу Вахенфельд в Оберзальцберге, расположенном над Берхтесгаденом. После того как он стал канцлером, вилла была выкуплена для него Борманом. Ее кардинально перестроили, вложив большие средства, и открыли в 1936 году под названием Бергхоф. Именно в Бергхофе с его просторными комнатами, прекрасными коврами, гобеленами и террасой с великолепным видом на горы Гитлер проводил большую честь времени. Здесь он встречал высокопоставленных иностранных гостей и принимал некоторые из своих самых важных решений.

Постепенно Борман выкупал все участки земли вокруг Бергхофа, вынуждая местных крестьян продавать их до тех пор, пока в Оберзальцберге не осталось ни одного из них. Он также расходовал средства на строительство большого комплекса других сооружений. Они включали сторожевые посты СС, оранжереи, где выращивались свежие овощи и фрукты для вегетарианца Гитлера, а также Кельштайнхаус — «Орлиное гнездо» на горной вершине, возвышавшейся над Бергхофом, достичь которого можно было только посредством лифта, сооруженного внутри горы.

Для наблюдения за работами Борман, естественно, должен был присутствовать в этом месте. Как глава аппарата заместителя фюрера, он работал в партийной штаб-квартире, Коричневом доме в Мюнхене и проживал в пригороде Пуллахе, примерно в сотне миль от Берхтесгадена. Теперь он соорудил для себя Хаус-Гёлл, названный по имени ближайшей горы Хохе-Гёлл в Оберзальцберге. Дом находился под сенью Бергхофа.

В попытках сделаться необходимым для фюрера Борман не ограничивался Оберзальцбергом. Через своих посредников он купил в 1938 году дом в Браунау-ам-Инн, где родился Гитлер. Владелец дома, член партии по имени Помер, не хотел продавать свою собственность, но уступил уговорам Бормана. Кроме того, Борман приобрел дом, где Гитлер провел большую часть своей юности в деревне Леондинг близ Линца и где находились в последние годы своей жизни родители фюрера.

Гитлер считал Линц, неказистую столицу Верхней Австрии, своим родным городом. Его личный проект, близкий сердцу, вслед за Бергхофом состоял в превращении Линца в культурный центр западного мира. Новый Линц должен был превзойти Париж, Рим и, особенно, Вену, в которой Гитлер однажды в качестве бродяги-художника рисовал бесхитростные маленькие почтовые открытки со шпилем собора Святого Стефана и рекламные плакаты для таких товаров, как пудра компании «Тедди».

Планы преобразования Линца вырабатывались лично Гитлером, так как он питал особый интерес к архитектуре и всегда считал себя по природе художником. В центре Линца следовало построить внушительный ряд государственных учреждений; отдельные музеи оружия, нумизматики, мебели, гобеленов, скульптуры, предметов искусства; библиотеку, содержащую четверть миллиона редких книг; большой театр. Самым крупным зданием должен был стать Музей фюрера, содержащий самую большую коллекцию картин, какую когда-либо знал мир (в Линце Гитлер планировал и постройку своей гробницы. — Ред.).

Борман ничего не смыслил в искусстве и не интересовался им. Но он уловил то, насколько сильные чувства вызывает Линц у фюрера. Поэтому Борман лично заинтересовался этим проектом.

Художественные ценности, необходимые для преобразования Линца, можно было добыть только в странах, которые подлежали оккупации нацистами. Готовясь к этому, Гитлер создал специальную комиссию «Линц», крупную организацию экспертов искусства во главе с доктором Гансом Поссе, директором Картинной галереи Дрездена. 26 июня 1939 года Гитлер поручит доктору Поссе «построить в Линце новые музеи искусства».

Борман потребовал, чтобы вся корреспонденция, касающаяся специальной комиссии «Линц», проходила через его аппарат. Он считал проект приоритетным, лично следил за всеми мероприятиями по его реализации, внимательно следил за деятельностью доктора Поссе. И прежде всего, Борман взял на себя заботу о том, чтобы доктора Поссе и его команду не обошли в овладении ценнейшими произведениями искусства соперничающие агенты рейхсмаршала Германа Геринга.

Вопреки распространенному мнению, Геринг не превзошел других нацистских лидеров в разграблении культурных ценностей. Хотя он присвоил немало художественных шедевров, сотрудники малоизвестной специальной комиссии «Линц» его в этом деле превзошли. Посредством принуждения к продаже или прямой конфискации доктор Поссе и его команда при

заинтересованной поддержке Бормана постепенно собрали для Гитлера около 100 тысяч художественных произведений стоимостью в 300 миллионов долларов. Они включали 10 тысяч картин, половина из которых принадлежал кисти старых мастеров, включая «Гентский алтарь» Ван Эйка, «Мадонну с младенцем» Микеланджело, картину кисти Вермера, принадлежавшую Чернину (граф Оттокар Чернин (1872–1932) — австро-венгерский политический деятель и дипломат. В декабре 1916 — апреле 1918 года министр иностранных дел Австро-Венгрии. Возглавлял австро-венгерскую делегацию на переговорах с большевиками в Брест-Литовске в 1917–1918 годах. Оставил любопытные описания этих переговоров с уничтожающими характеристиками горе-переговорщиков от «новой России» — Иоффе и Бронштейна (Троцкого. — Ред.), работы Брейгеля, Гойи, Рембрандта и Леонардо да Винчи.

Строительство музеев для размещения этих шедевров пришлось отложить из-за необходимости использовать средства для военных целей. Борман продолжал свои усилия снискать расположение фюрера и многими другими способами. В теневых маневрах ему оказывало существенную помощь поведение человека, который стоял поперек его пути, — заместителя фюрера Рудольфа Гесса.

Могущественный и неуязвимый Гесс начал позволять себе некоторые эксцентричные выходки, встревожившие даже нацистские круги. Всегда серьезный и сосредоточенный, он стал вести себя так, будто повредился умом от военных ран или от удара пивной кружкой во время драки 1921 года.

Гесс принялся читать книги, имеющие отношение к мистике и пророчеству. Его любимым автором стал Нострадамус. Он увлекся также чтением древних гороскопов, пытаясь узнать через них свою собственную судьбу и судьбу Германии. Гесс стал часто видеться с астрологами, провидцами, медиумами и психотерапевтами. Он оставался под влиянием одного из своих старых профессоров Мюнхенского университета. Это был хорошо известный поборник геополитики доктор Карл Хаусхофер, чья откровенно националистическая философия воспринималась нацистами как обоснование германского господства в Европе. Однако одну из его идей они отвергали: Германия никогда не должна воевать с Англией, поскольку население обеих стран происходит из единого германского корня. (Автор, мягко говоря, лукавит. Основная идея Хаусхофера — создание континентального блока Берлин — Москва с включением Токио в противовес англосаксонскому блоку (США, Британия и их союзники). В этом случае не произойдет, как считал Хаусхофер,

войн, подобных Крымской и самоубийственной для континентальных держав войне 1914–1918 годов (с продолжением в виде братоубийственной Гражданской в России). К сожалению, ни Гесс, ни Гитлер, во многом ученики Хаусхофера, не восприняли до конца учение мудрого геополитика. — Ред.) В этом вопросе Гесс предпочитал тайком теорию доктора Хаусхофера официальной нацистской идеологии.

Гесс, хотя и сохранял слепую преданность фюреру, стал общаться с ним менее часто. Он часто бывал в отъезде, потакая своей привычке летать на личном самолете, водить свою прекрасную спортивную машину «Мерседес-Бенц» по автобанам и другим дорогам страны, где ее узнавали по характерному коричневому цвету, или катался на лыжах с членами семьи.

Пока Гесс отсутствовал, Борман предпринимал маневры с целью сближения с фюрером, не упуская ни одной возможности. Одним теплым летним днем Борман стоял на террасе Бергхофа с Гитлером и его личным шофером Эрихом Кемпкой (его предки — выходцы из Польши. — Ред.). Гитлер молчал, любуясь огромным зеленым пространством, распростершимся под ним. Жаль, заметил он затем, что эту великолепную панораму портит старый крестьянский дом.

Кемпка отвез Гитлера в Мюнхен. Через сутки они вернулись в Бергхоф. При виде панорамы Кемпка не мог поверить своим глазам. Старый крестьянский дом исчез. На его месте расстилался широкий луг, на котором паслись коровы. Борман подыскал для крестьянина другое место, вызвал несколько сотен рабочих, которые за одну ночь разобрали дом, заслонявший обзор ландшафта фюреру.

Гитлер, по обыкновению, стоял иногда часами перед Бергхофом, приветствуя сотни людей, которые приходили в Оберзальцберг повидать фюрера. Поприветствовав в течение жаркого полудня длинный ряд верноподданных, Гитлер заметил, что утомился. Солнце действовало на него не очень хорошо.

На следующий день, когда фюрер пришел на привычное место, он лишился дара речи. Там высилось огромное тенистое дерево. По приказу Бормана дерево в течение ночи выкопали с корнями оттуда, где оно росло, и пересадили на нужное место перед Бергхофом.

Поскольку Гитлер воздерживался от курения, алкоголя и мяса, Борман следовал его примеру, по крайней мере в присутствии фюрера. Эрих Кемпка заметил, что Борман в отсутствие фюрера с удовольствием ел мясные бифштексы и котлеты. Гитлер часто работал и вел беседы почти до утренней зари, не вставая затем с постели до полудня. В соответствии с

этим Борман строил свой график работы, чтобы всегда откликнуться на вызов фюрера.

Постепенно Борман проник в ограниченный круг людей, которые завтракали с фюрером каждый день. Он занимал свое место по правую руку от Евы Браун, сидевшей рядом с Гитлером. Борман устроил так, что один из его адъютантов часто отвлекал его от завтрака за столом под предлогом неотложных дел. Наблюдая это, Гитлер, должно быть, полагал, что Борман самый трудолюбивый человек Третьего рейха.

Фюрер читал много, хотя и беспорядочно и часто удивлял помощников способностью запоминать прочитанный материал. У него была широкая сфера интересов: книги по искусству и архитектуре; философские труды Ницше и Шопенгауэра; история Греции, Рима и Германии; произведения Гете и Ибсена, либретто опер Вагнера; нордическая мифология; труды по военной и военно-морской истории и военной технике. Заметив интерес Гитлера к книгам определенной тематики, Борман поручил некоторым сотрудникам своего аппарата записывать все публикуемые новинки с аннотациями на отдельном листке бумаги. Таким образом, Борман мог поддержать разговор, ссылаясь на книги по разной тематике, и рекомендовать наиболее подходящие из них фюреру. Гитлер, возможно, удивлялся, как этот тяжело загруженный работой человек находит время для чтения многочисленных книг.

Методы Бормана приносили успех отчасти из-за собственного характера фюрера. Гитлер был эксцентричен и несколько разбросан в работе. Погруженный в иллюзии мессианства, он не любил систематическую работу и даже самодисциплину. Ему требовался помощник, выполняющий для него мелкие поручения и освобождающий его от бремени административных функций. Этим и занимался Борман.

Гитлер не любил анализировать свои интуитивные прозрения. Он легко впадал в раздражение от любого рода критических замечаний. Те, кто не был способен слепо внимать ему, должны были держаться в стороне. Борман являлся одним из самых преданных его последователей. И поскольку у него не было собственных оригинальных идей, он не раздражал фюрера попытками превзойти его в интеллекте или несогласия. Этот прилежный человек, не требующий ни претенциозных титулов, орденов и наград, скрывавший собственные амбиции под покровом стремления служить фюреру, постепенно стал незаменимым.

Нацистские лидеры-ветераны заметили это слишком поздно. Рейхсминистр экономики Вальтер Функ заметил Эриху Кемпке:

«Невозможно представить, Эрих, как стало невероятно трудно обсуждать дела с фюрером. Борман постоянно сует свой нос. Он перебивает меня, делает невозможной сколько-нибудь серьезную беседу».

Альфред Розенберг, один из прежних наставников Гитлера, заслужил известность философа нацистского движения благодаря своей 700-страничной книге «Миф XX века» и сотне других трудов с такими названиями, как «Безнравственность Талмуда», а также «Чума России: большевизм, руководители страны, их подручные и жертвы». Розенберг заметил, что Борман присутствовал каждый раз, когда он посещал фюрера. Это присутствие стало обычной практикой. Вне зависимости от ранга посетителя, будь то Геринг, Геббельс или Гиммлер, Борман вертелся рядом с фюрером, часто крайне раздражая гостя. Гесс появлялся реже. Как полагал Розенберг, он «явно действовал фюреру на нервы».

Розенберга удивляло возвышение Бормана. «В Мюнхене, — писал он позднее, — я почти не слышал его имени». Теперь же Розенберг получил возможность наблюдать Бормана воочию и оценить его необходимость для фюрера. «Если во время нашей беседы за ужином упоминался какой-нибудь инцидент, Борман вынимал свой блокнот и помечал это. Если фюрер выражал недовольство каким-нибудь замечанием, каким-нибудь мероприятием или фильмом, Борман делал соответствующую запись в блокноте. Если возникала какая-нибудь неясность, Борман поднимался, выходил из комнаты, но почти сразу возвращался назад, отдав приказы своим помощникам выяснить вопрос и сообщить ему результаты по телефону, телеграфу или письменно. Затем случалось так, что еще до окончания ужина Борман мог дать разъяснение по данному вопросу».

Борман особо не считался со способностями Розенберга или большинства других лиц, пользовавшихся прежде благосклонностью Гитлера. Взамен он получал такое же отношение к себе. «Сколько бы я ни говорил с ним лично, — писал позднее Розенберг, — в ответ никогда не получал какого-нибудь внятного разъяснения».

Нацистский идеолог пытался найти причину растущей зависимости Гитлера от Бормана, остановившись наконец на очевидном факте: «Все согласны в том, что он был невероятно энергичным и неутомимым работником. Борман всегда находился с фюрером, делал всевозможные записи, диктовал, хранил объемистые досье. Он постоянно вел телефонные разговоры с различными гаулейтерами и часто стаскивал среди ночи своих сотрудников с постели в Берлине и Мюнхене в целях уточнения какой-нибудь детали в своих папках».

Для Бормана вся эта работа казалась чрезвычайно важной, потому что, хотя она способствовала реализации собственных амбиций рейхслейтера, его мотивы не сводились только к этому. Нацистское дело для него было высшим благом, тем же, в его представлении, был фюрер, в тени которого Борман хотел работать.

> «Он, действительно, величайший человек из тех людей, которых мы знаем, а не только великий немец. Я в самом деле невероятно счастлив тем, что призван помогать ему».

Таково, как сообщил Борман жене, было его мнение об Адольфе Гитлере.

К августу 1939 года «величайший человек» оказался в эпицентре кризиса. Данциг, населенный главным образом немцами, но игравший важную роль для экономики Польши, был провозглашен Версальским договором вольным городом. Гитлер хотел вернуть его в состав рейха. Поляки упорно стремились не допустить этого, а также отказывались рассматривать другие германские претензии на земли, переданные Польше после Первой мировой войны. Франция и Великобритания, предварительно сдав все позиции, на которых можно было сдержать нацистскую Германию, согласились теперь защищать целостность Польши в случае нападения на нее. Однако Советский Союз подписал пакт о ненападении с нацистской Германией (после того как Англия и Франция, сдав Гитлеру в 1938 году Чехословакию, фактически саботировали переговоры о создании системы коллективной безопасности для противодействия агрессии нацистской Германии: Польша, урвав свой кусок при разделе Чехословакии, также отвергала военное сотрудничество с СССР, слишком долго мечтая о совместном с Гитлером походе на Москву. — Ред.) согласно секретным статьям договора: Восточная Европа была разделена на зоны влияния, а Польша подлежала ликвидации.

Долгие месяцы дипломатических переговоров завели польский вопрос в тупик. Борман не играл в этих переговорах никакой роли. Он был целиком озабочен внутренними делами нацистской партии. При всей своей личной пользе Гитлеру даже Борман не мог оказать влияние на фюрера, когда дело касалось кризиса, в который Гитлер вверг судьбы мира в Европе. Собственные министры и генералы Гитлера имели не больше представления о том, что творится в голове фюрера, чем зарубежные политики. Однако способ разрешения Гитлером польского вопроса открывал двери для дальнейшего укрепления

уникальной позиции влияния Бормана. А фюрер, несомненно, намеревался взорвать обстановку в мире, которая до этого существовала.

Глава 5
Препятствия на пути к власти

22 августа 1939 года Гитлер вызвал в Бергхоф высшее командование германских вооруженных сил. Военачальники слушали на секретном совещании следующие слова фюрера: «Разгром Польши выходит на передний план… Для начала войны я предложу хороший пропагандистский повод; выглядит ли он правдоподобно или нет, не имеет значения».

31 августа вскоре после 8 часов утра германскую радиостанцию в Глейвице (ныне польский город Гливице) близ границы с Польшей захватили семь вооруженных лиц, одетых в польские армейские мундиры. Они передали через аварийный передатчик короткое сообщение на польском языке о том, что час польско-германской войны пробил и что поляки, объединившись, должны сломить всякое сопротивление немцев. Затем они сделали несколько беспорядочных выстрелов из пистолета и удалились, оставив умирающего, окровавленного немца в штатском.

Эти семь человек были сотрудниками спецслужбы СС. Их мундиры, текст радиосообщения и «случайную» жертву — немецкого узника концентрационного лагеря — обеспечило гестапо. Инсценированное нападение на радиостанцию и другие провокации явились предлогом для развязывания агрессии Гитлера против Польши, спланированной до мельчайших деталей заранее.

Когда звучало сфабрикованное радиосообщение из Глейвица, германские войска уже двигались ясной летней ночью в направлении границы с Польшей. На рассвете 1 сентября воющие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» «Штука», мотопехота, самоходные скорострельные артиллерийские установки и целые дивизии танков обрушились на поляков с такой стремительностью и яростью, каких мир еще не знал.

Поляки храбро защищались. Но польские армии были быстро разобщены наступающими германскими группировками. Им также недоставало современного вооружения, они уступали противнику в численности. Ни Франция, ни Великобритания не пришли на помощь Польше, которая была сокрушена в две недели.

Гитлер специальным поездом прибыл в Польшу наблюдать операции по зачистке территории. Затем он сошел с поезда в Сопоте, чтобы остановиться в ставке Верховного командования

армии, размещавшейся в отеле «Казино». Борман прибыл туда, чтобы позаботиться об интересах нацистской партии во время триумфа вермахта и ее сокрушительной новой тактике блицкриг — молниеносной войны.

Поскольку все хотели находиться во время передвижений фюрера рядом с ним, гражданские лица, как и Борман, попросили устроить это коменданта ставки и командира специального батальона, ответственного за охрану Гитлера. Им был Эрвин Роммель, который решил разместить всех штатских в двух машинах, следовавших к району боевых действий. Машины ехали, вровень друг с другом, за автомобилем фюрера. Таким образом, ни один из бюрократов не чувствовал себя ущемленным.

Такой план действовал до тех пор, пока утром кортеж не приблизился к полю боя. Затем ему пришлось ехать по узкой грязной дороге, где движение вровень стало невозможным. Машина, в которой ехал Борман, застряла, автомобиль фюрера поехал дальше, а Борман остался позади.

По словам полковника Вальтера Варлимонта из оперативного отдела ставки Верховного командования, Борман «устроил безобразную сцену и обругал генерала Роммеля за свое мнимое унижение. У Роммеля не было возможности ответить на такое оскорбление». Этот инцидент показывает, как бесцеремонно обращался Борман с профессиональными военными, если их действия ему не нравились. Естественно, данный инцидент не вызвал расположения Бормана к Роммелю, который позднее приобрел славу Лиса пустыни, был произведен в фельдмаршалы и в конце концов был принужден нацистами принять яд в связи с причастностью к антигитлеровскому заговору 20 июля 1944 года.

26 сентября Гитлер вернулся в Берлин и на следующий день сообщил высшему армейскому командованию на встрече в рейхсканцелярии о своем намерении предпринять наступление на Западном фронте. Согласно свидетельству полковника Варлимонта, «все, включая даже Геринга, были ошеломлены этой вестью». Но никто не произнес ни слова возражения. 29 сентября был подписан германо-советский договор о дружбе и границе. Два противоестественных союзника решили поделить Польшу между собой. Гитлер на определенный период обезопасил себя от нападения с востока.

Наступило временное затишье. Крупнейшая в Европе армия (французская и союзные ей войска Англии и, в дальнейшем, Бельгии и Нидерландов. — Ред.) не вела против Германии никаких действий. Потому что французы, как и их британские союзники, все еще полагали, что можно было избежать большой войны. Гитлер взял паузу. ОКВ (Верховное главнокомандование

вермахта) восполняло потери, понесенные в ходе первого блицкрига (потери были сравнительно небольшими (10,6 тысячи убитыми, 3,4 тысячи пропавшими без вести и 30,3 тысячи ранеными; немцы наращивали армию перед грядущей кампанией 1910 года. — Ред.).

Однако наблюдалась некоторая активность немцев в Польше. То, что там происходило, было позднее обобщено Борманом. Он записал содержание беседы, которая велась в берлинских апартаментах Гитлера 2 октября 1940 года.

> «Беседа началась, когда рейхсминистр доктор Франк сообщил фюреру о том, что деятельность генерал-губернаторства (на территории оккупированной Польши) можно считать весьма успешной. Евреи Варшавы и других городов заключены в гетто. Очень скоро от них будет очищен Краков… Далее фюрер указал, что поляки, в отличие от наших немецких тружеников, особенно приспособлены для тяжелого труда. Нам нужно использовать любую возможность для продвижения сюда немецких рабочих. Что касается поляков, то вопрос об улучшении их условий не стоит. Наоборот, необходимо сохранять низкий уровень жизни в Польше, и не следует его повышать… Фюрер еще раз подчеркнул, что для поляков должен быть один господин — немцы. Двух хозяев, существующих бок о бок, не может и не должно быть. Поэтому всех представителей польской интеллигенции следует уничтожить. Это звучит жестоко, но таков закон жизни…»

В начале апреля 1940 года Гитлер возобновил свою военную активность, быстро оккупировав Данию и с боями заняв Норвегию. Через три часа после полуночи, 10 мая, нацисты пересекли границы Нидерландов, Люксембурга и Бельгии, довольно быстро завершив оккупацию этих стран перед вторжением в глубь Франции.

22 июня 1940 года французы подписали соглашение о капитуляции в железнодорожном вагоне, стоявшем в просеке Компьенского леса к северо-востоку от Парижа. В том же вагоне французы были свидетелями подписания германскими представителями условий перемирия от 11 ноября 1918 года.

Невероятное случилось. Малообразованный сын мелкого австрийского таможенника, бродяга из венского дома бедняков, несколько забавный деятель, способный воодушевить толпу, с необычными усиками и челкой на лбу, сдержал обещание, данное участникам митинга 1920 года в Мюнхене. Он взял реванш за

унижение Германии 1918 года.

Теперь фюрер достиг вершины славы. Непрерывная чреда блестящих политических и военных побед сделала его хозяином большей части Европы. С точки зрения Мартина Бормана, он имел все основания считать Гитлера величайшим деятелем. Он наблюдал доходящий до безумия экстаз, вызывавшийся фюрером, который проходил мимо фаланг ликующих нацистов на партийных съездах в Нюрнберге. Борман был свидетелем того, как Гитлер оценивал и переигрывал своих, казалось бы, более могущественных политических противников, сначала внутри Германии, а затем и на международной арене. Фюрер настоял на Польской кампании, а затем на наступлении на Западе вопреки рекомендациям многих своих генералов. Борман мог видеть, как Франция, имевшая, вероятно, лучшую армию в мире, пала почти с такой же легкостью, как Польша. (Автор преувеличивает — далеко не с такой легкостью. Немцы потеряли 45,5 тысячи убитыми и пропавшими без вести, свыше И тысяч ранеными и половину из введенных в дело 2580 танков. Французская армия потеряла 84 тысячи убитыми и 1 миллион 547 тысяч пленными. Все решил прорыв танковой группы Клейста от Седана к Ла-Маншу (идея Манштейна, поддержанная Гитлером). После того как отрезанные севернее войска союзников были разбиты, пленены или эвакуировались (без техники) в Англию, у Франции осталась 71 дивизия против 140 немецких. Французы пытались что-то сделать, но были смяты. — Ред.)

И все произошло очень быстро. Лишь восемь лет назад Гитлер был вождем (фюрером) одной из многих политических партий, борющихся за власть в Германии. Борман же был незаметным партийным функционером, собирающим деньги в кассу взаимопомощи в смутный период экономической депрессии. Теперь виды на будущее нацистского «нового порядка», простиравшиеся от мыса Нордкап в Норвегии до Нила, от Атлантики до Урала в России, выглядели вполне реальными. Эти планы придавали еще большее значение вопросу о том, кто станет ближайшим поверенным в делах и правой рукой фюрера.

То, что таким человеком мог стать Борман, 22 июня 1941 года казалось маловероятным. Борман отсутствовал даже в Компьенском лесу, где присутствовали Гесс, Геринг, фельдмаршал Вильгельм Кейтель, министр иностранных дел фон Риббентроп, генерал Йодль и другие члены внутреннего круга Гитлера. Несмотря на все свои успехи в попытках сделать себя необходимым для фюрера, Борман все еще оставался заместителем Гесса, который находился между ним и источником власти, Гитлером. Наиболее грозным из соискателей

расположения фюрера выглядел рейхс-маршал Герман Геринг, которого Гитлер официально назначил своим преемником на посту главы государства в день нападения на Польшу.

Геринг, сын бывшего кавалерийского офицера, который стал позднее сотрудником консульской службы Германии, воевал во время Первой мировой войны — был летчиком-истребителем и последним командиром прославленной воздушной эскадры, сменив погибшего фон Рихтгофена (Геринг сбил 22 самолета союзников (его предшественник Рихтгофен — 80) и получил высшую награду Германии «За заслуги» (Pour le Merite), (а также Железный крест 1-го класса, орден Льва с мечами, орден Карла-Фридриха с мечами, орден Гогенцоллернов III степени. — Ред.)

После войны Геринг выступал с показательными полетами, перевозил пассажиров в Скандинавии. В 1921 году вернулся в Мюнхен и поступил в местный университет студентом, изучающим историю и политологию, в возрасте 28 лет. В октябре 1922 года он впервые услышал речь Гитлера, одобрил все его идеи, вступил в нацистскую партию и был назначен командиром СА.

На рассвете 9 ноября 1923 года Гитлер, Геринг, Рудольф Гесс и некоторые другие нацистские лидеры покинули пивной зал Burgerbräukeller в Мюнхене и двинулись маршем во главе трех тысяч штурмовиков в центр города к военному министерству. Они намеревались занять здание министерства и свергнуть баварское правительство. После прохождения узкой улочки, ведшей к министерству, марш встретила вооруженная полиция. Раздались выстрелы. Гитлер упал на мостовую и вывихнул плечо, но смог бежать на поджидавшей машине только для того, чтобы быть затем арестованным и заключенным сроком на пять лет в Ландсбергскую тюрьму. Геринг во время путча получил тяжелые ранения в бедро и пах. Его отнесли в соседний дом, где перевязали, а затем его тяжелые раны лечили врачи, делавшие ему инъекции морфия для облегчения боли.

Геринг переехал жить в Швецию. Там, живя с женой, происходившей из богатой шведской аристократической семьи, он продолжал употреблять морфий. В сентябре 1925 года его признали опасным наркоманом и поместили в палату для буйнопомешанных в клинике Лангбро. Постепенно при помощи психиатров он выздоровел, но в Германию вернулся лишь осенью 1927 года благодаря политической амнистии, объявленной вновь избранным президентом страны фон Гинденбургом. Здесь Геринг возобновил свою деятельность в интересах нацистской партии.

К 1940 году Геринг стал не только преемником Гитлера, но также единственным рейхсмаршалом в Третьем рейхе,

командующим ВВС, министром авиации, председателем рейхстага, министром-президентом Пруссии, уполномоченным по реализации четырехлетнего плана и обладателем многих других должностей. Его положение было неуязвимым. И тем не менее, как только Геринг приобрел огромную власть и влияние, он проявлял во все большей степени такие свои качества, как лень, тщеславие и любовь к роскоши. Значительную часть времени он проводил за охотой и застольем в своем обширном загородном поместье Каринхалле (в честь жены Карин, урожденной Фок, в первом замужестве Кантцов. — Ред.), где была выставлена сказочно богатая коллекция произведений живописи, награбленной во всех частях Европы. Геринг забавлялся пошивкой различных причудливых мундиров для каждой из своих должностей и развлечением гостей Каринхалле одеждами, которые поражали многих из них до глубины души. После посещения Каринхалле Ульрих фон Хассель, карьерный дипломат, бывший с 1932 по 1937 год германским послом в Италии, заметил в своем дневнике, что Геринг «менял свой костюм в течение дня и появлялся за ужином в голубом или фиолетовом кимоно в домашних шлепанцах, отороченных мехом. Даже утром он носил на боку золотой кинжал, который тоже часто менял. В его галстуке пестрело множество драгоценных камней, а его жирное тело опоясывал широкий пояс, унизанный драгоценностями. Нет нужды упоминать великолепие и число его колец».

Геринг позволил себе располнеть до 280 фунтов (127 килограммов). Кроме того, он никогда не мог полностью отказаться от употребления наркотиков. Не секрет, что он ежедневно потреблял около сотни таблеток паракодеина, производный продукт от морфия — он совал эти таблетки в рот и жевал их, подобно жевательной резинке, во время важных совещаний. Подобные чудачества терпели, но они снижали врожденные способности назначенного Гитлером преемника и делали его уязвимым для нападок противников. Наиболее непримиримым из них был Мартин Борман.

Еще одним нацистским лидером, мешавшим Борману сблизиться с Гитлером, был Йозеф Геббельс. Идея подписания перемирия 1940 года в том же железнодорожном вагоне, где французы продиктовали условия капитуляции немцам в 1918 году, исходила от Геббельса, министра пропаганды и народного просвещения, которому было отказано в призыве на военную службу в годы Первой мировой войны по состоянию здоровья. Детский паралич принес Геббельсу резко покатые плечи, слабое, карликовое телосложение, укороченную левую ногу по сравнению

с правой, болезнь вынудила его ходить заметно прихрамывая. Ростом Геббельс был чуть выше 5 футов, весом — немного больше 100 фунтов, а его темные волосы и карие глаза не соответствовали светловолосому и голубоглазому или сероглазому арийскому стандарту, который его ведомство столь энергично пропагандировало.

Геббельс, сын набожных родителей-католиков из рабочей (отец — бухгалтер. — Ред.) среды в Рейнской провинции, прожил юные годы в озлоблении и бедности. Ему удалось тем не менее с помощью заемных средств и фантов посещать лекции в нескольких немецких университетах, где он получал отличные отметки, и добиться (в 1922 году) степени доктора философии Хайдельбергского (Гейдельбергского) университета. Таким образом, он оказался единственным настоящим интеллектуалом в окружении Гитлера. Потерпев неудачу как беллетрист и сценарист, он проявил после вступления в нацистскую партию в 1922 году недюжинный талант как пропагандист. Геббельс первым в XX веке понял, как можно влиять на сознание масс такими инструментами современной пропаганды, как радио, кино, пресса, грузовики с микрофоном, громкоговорители, плакаты и массовые демонстрации. Его умение использовать пропагандистские средства, собственные способности оратора сыграли решающую роль в приходе Гитлера к власти в 1933 году и в привлечении поддержки со стороны большинства немцев.

Как один из первых нацистских лидеров и как абсолютный властелин всех форм выражения нацистских идей в Третьем рейхе, Геббельс имел огромные влияние и власть. И все же, подобно Герингу, особенности характера делали его уязвимым перед интригами тех, которые стремились завоевать расположение Гитлера.

Циничный ум Геббельса в сочетании с язвительностью, которые он не пытался скрывать, сделали его непопулярным в партии и побуждали Гитлера относиться к нему с некоторой настороженностью и недоверием после того, как нацисты укрепили свою власть в государстве. Еще больше Геббельсу вредили скандалы, связанные с любовными приключениями. Хотя Геббельс был женат и имел шестерых детей, он поддерживал многочисленные связи с молодыми актрисами и секретаршами, которые работали в министерстве пропаганды. Любовная связь с хорошо известной чешской актрисой Лидой Баровой (была любовницей Геббельса в 1936–1918 годах после войны жила в Австрии, умерла в 2000 году в возрасте 94 лет. — Ред.) вынудила жену Геббельса требовать развода. Сам Гитлер, весьма терпимый к предосудительным поступкам своих ближайших соратников,

если они не вредили имиджу режима, приказал Геббельсу разорвать его отношения с Лидой Баровой. Такие «пробоины» в доспехах могущественного шефа пропаганды фиксировались должным образом терпеливым Мартином Борманом.

Третий потенциальный враг Бормана, Генрих Гиммлер, не был в 1940 году столь могущественным и хорошо известным, как Геринг и Геббельс. Его отец был учителем, директором гимназии в Мюнхене и одно время даже учил баварского принца Генриха. Подобно Борману, Генрих Гиммлер служил в армии в последние месяцы Первой мировой войны (с трудом добился, чтобы его взяли в армию, несмотря на близорукость. — Ред.), но не участвовал в боевых действиях. Затем он учился на сельскохозяйственном отделении Высшего технического училища при Мюнхенском университете. По окончании учебы заинтересовался нацистским движением и имел незаметное участие в пивном путче 1923 года.

Гиммлер оставался преданным незаметным нацистом до 1929 года. (Не совсем так. В 1925 году был назначен секретарем Штрассера, а затем заместителем рейхслейтера партии по пропаганде. В 1927 году Гиммлер стал заместителем рейхсфюрера СС. Знакомился с реальным положением дел в немецкой деревне, работая в хозяйстве в Нижней Баварии. — Ред.) В январе 1929 года Гитлер назначил его рейхс-фюрером СС, вспомогательного отряда СА, но в 1930 году вывел СС из подчинения СА. После разгрома штурмовиков в «ночь длинных ножей» Гиммлер принялся за организацию СС. Постепенно он создал собственную армию численностью полмиллиона человек, войска СС, а также Секретную государственную полицию (гестапо), уголовную полицию, службу безопасности (СД), разведслужбу и концентрационные лагеря под управлением других служб СС. В конце концов «дядя Генрих» и «дорогой Мартин» начнут соперничество. Лишь один из них мог быть вторым наиболее могущественным деятелем нацистской Германии.

Но Борман терпел Гиммлера в 1940 году гораздо легче, чем Геринга и Геббельса. Возможно, он понимал, что рейхс-фюрер СС был на самом деле человеком ограниченного ума. Он консультировался с астрологами и проводил много времени в попытках организовать СС в духе рыцарского ордена Средних веков.

Для Альберта Шпеера, министра вооружений и военного производства, Гиммлер был «наполовину школьным учителем, наполовину чудаком». Этот человек, ответственный в конечном счете, за претворение в жизнь гитлеровских расистских идей в

отношении евреев и цыган (а также захвата жизненного пространства за счет сокращения в разы численности славян. — Ред.), мог говорить помощнику, увлекающемуся охотой на оленей: «Каким образом вы можете получать удовольствие от стрельбы из засады по несчастным созданиям, бродящим по опушке леса… Строго говоря, это убийство!»

Помимо того, что Гиммлеру недоставало решимости и чувства реальности, он не был столь безупречно здоровым, как Борман. Фактически рейхсфюрер СС нуждался в помощи Феликса Керстена, финского массажиста, чтобы избавляться от постоянных сильных болей в желудке. Керстен характеризовал своего клиента как «узкогрудого человека со слабо выраженным подбородком, в очках и со льстивой улыбкой».

Другие представители нацистской иерархии, возвышавшиеся над Борманом, также имели личные недостатки, делавшие их уязвимыми перед интригами амбициозного человека, умевшего сыграть на них. Иоахим фон Риббентроп, бывший виноторговец (из древнего рыцарского рода. В Первую мировую войну воевал на Восточном, затем Западном фронте. Тяжело ранен. Награжден Железным крестом. В 1918 году направлен в Турцию. — Ред.), ставший министром иностранных дел, характеризовался своим итальянским коллегой графом Галеаццо Чиано «пустым, легкомысленным и болтливым» человеком. Чиано добавлял в своем дневнике: «Дуче сказал, что достаточно взглянуть на его голову, чтобы понять, сколько мало в ней ума».

Роберт Лей, химик по профессии и руководитель Трудового фронта, был алкоголиком. (В первые дни Первой мировой войны добровольцем пошел на фронт. Был артиллеристом, затем летчиком. Кавалер Железного креста 2-го класса. В 1917 году был сбит и попал в плен. Будучи хроническим алкоголиком, объявил общенациональную кампанию по борьбе с пьянством. Сумел добиться улучшения материального положения рабочих. — Рей.) Альфред Розенберг — безнадежный путаник, а его главная книга «Миф XX века», насыщенная идеями о нордическом превосходстве, была столь неусвояемой для многих читателей, что верховный рецензент книги, Гитлер, признавался, что никогда не мог прочитать ее до конца.

Ни один из генералов не оказывал серьезного влияния на Гитлера. Бывший ефрейтор не доверял прусскому аристократическому офицерскому корпусу, как оплоту консерватизма, и принимал рекомендации представителей этого корпуса лишь постольку, поскольку они отвечали его целям. Лишь два высших офицера оставались с Гитлером от начала до конца войны: фельдмаршал Вильгельм Кейтль, начальник штаба

Верховного главнокомандования (ОКВ), и генерал Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства ОКВ. Ни один из них не был пруссаком (первый из Брауншвейга, второй баварец). Оба сохранили свои должности, не переча Гитлеру.

Тонкогубый, высокий, неразговорчивый Кейтель был жестким, педантичным солдатом, чья главная цель в жизни заключалась в стремлении стать фермером и управлять богатым семейным имением в Брауншвейге. Он считал, что обязан следовать строгим принципам чести, служа и подчиняясь главе государства. Поэтому Кейтель старательно выполнял приказы фюрера, сколь бы они ни были безумными и преступными.

Альфред Йодль отличался большими способностями и был отчасти менее раболепен, чем Кейтель, которого за глаза называли «лакейтель». Но, хотя он и Кейтель почти ежедневно контактировали с Гитлером лично, ни один из них не владел способностью или положением для маневров в политических дебрях, которые выросли внутри нацистской иерархии. Таким образом, ни один из них не представлял серьезной помехи тому, кто стремился стать правой рукой Гитлера.

Самым неординарным представителем окружения Гитлера продолжал оставаться Рудольф Гесс. Борману не нужно было активно подрывать позиции Гесса с целью его устранения. Он просто продолжал добиваться расположения фюрера своими средствами, позволяя Гессу терять влияние из-за собственного странного поведения. Вальтер Шелленберг, глава управления внешней разведки Гиммлера, позднее писал: «Поразительно, как Гесс с убежденностью фанатика или безумца верил в древние пророчества и мистические откровения. Он мог цитировать большие отрывки из пророческих книг, таких как книги Нострадамуса и другие, названия которых я не могу припомнить… Временами появлялись признаки просветления, которые, должно быть, выражали изменения в депрессивном состоянии. Все это он то и дело растолковывал своей жене самым тщательным образом».

Гитлер, однако, отказывался официально развенчивать Гесса. Это повредило бы имиджу нацистского режима. Но тогда, в 1940 году, Гитлер мог позволить себе быть терпимым. До сих пор он не допускал крупных ошибок. Он, видимо, не нуждался в деятельном заместителе. Не нуждался особо даже в такой верной рабочей лошади, как Борман. Фюреру казалось, что ему достаточно самого себя. «Он высился над нами, — позднее говорил жене Борман, — как гора Эверест».

Летнюю победу Гитлера омрачили только эвакуация Британского экспедиционного корпуса из Дюнкерка и отказ от

операции «Морской лев» — неудачного плана вторжения через пролив в Англию. Более серьезными неудачами осенью и зимой стали провал планов действиями люфтваффе вывести Англию из войны посредством воздушной битвы за Британию. Это было первым серьезным проколом рейхсмаршала Геринга, и с этих пор его влияние на Гитлера стало падать.

Весной 1941 года Гитлер решил больше не возиться с Англией. Он чувствовал, что время уходит. Больше нельзя было откладывать осуществление операции «Барбаросса», планировавшегося долгое время нападения на Советскую Россию, основной цели нацистской политики и события, которое, по словам Гитлера, «заставит мир затаить дыхание». Это событие предоставило также Борману удобный случай, которого он терпеливо ждал.

Глава 6
Удобный случай

Вторая военная весна принесла нацистам еще больше триумфов. Если Гитлер верил в свою непобедимость и непогрешимость, если Борман тоже в это верил, то события лишь укрепляли их самомнение.

К середине апреля 1941 года Роммель во главе Африканского корпуса, разбив англичан, блокировал Тобрук и продвинулся в глубь Египта, угрожая всем британским позициям в этой стране, особенно Суэцкому каналу. 17 апреля перед вторгнувшимися немецкими войсками капитулировала югославская армия. 26 апреля германские войска ворвались в Афины.

4 мая фюрер представил свой доклад по Балканской кампании ликующим депутатам рейхстага. Затем он удалился в Бергхоф завершать планирование нападения на Россию. Первоначальная дата вторжения 15 мая была перенесена на более поздний срок — из-за того, что Гитлер в апреле громил Югославию, где группа офицеров (прорусски настроенных. — Ред.) осмелилась свергнуть режим, дружественный нацистской Германии. (27 марта 1941 года группа офицеров во главе с генералом Симовичем свергла прогерманское правительство Цветковича, присоединившееся к Тройственному пакту. 5 апреля новое правительство подписало договор о дружбе и ненападении с СССР. 6 апреля немцы и их союзники атаковали Югославию со всех сторон. — Ред.) Теперь фюрер назначил новую дату начала осуществления плана «Барбаросса». Операция должна была начаться в день, когда французы подписали перемирие в Компьенском лесу: 22 июня 1941 года.

То, что «Барбароссе» предстояло быть более чем военной операцией, указывалось в специальной секретной директиве, изданной фельдмаршалом Кейтелем для высших армейских офицеров 13 марта. В ней говорилось, что «рейхсфюреру СС поручено фюрером проведение в оперативной зоне специальных мероприятий по подготовке политического администрирования, мероприятий, которые вытекают из борьбы, ведущейся между двумя противоположными политическими системами. В рамках этих мероприятий рейхсфюрер СС будет действовать самостоятельно под свою личную ответственность».

Вскоре Кейтель издал еще две директивы. Одна из них предполагала, что преступления, совершенные германскими войсками против гражданского населения восточных территорий,

не должны подлежать, как правило, рассмотрению военными трибуналами. Другая директива предусматривала, что коммунистические политкомиссары должны отсортировываться от основной массы русских военнопленных и уничтожаться.

Все эти директивы являлись вопиющим нарушением условий ведения обычной войны. Многие армейские генералы противились их выполнению в частном порядке, но ничего не предпринимали для их отмены. Фельдмаршал Кейтель допускал, что директивы «далеко не бесспорны». Но Гитлер требовал их выполнения, и глава штаба Верховного главнокомандования вермахта считал, что он связан долгом чести и верности выполнять любое желание фюрера.

«Специальные мероприятия», порученные Гиммлеру, включали использование einsatzgruppen, сформированных службой безопасности СС. Эйнзацгруппы должны были двигаться позади победоносных частей регулярной армии и зачищать оккупированную территорию от евреев, цыган, советских комиссаров и других представителей населения, которых нацисты классифицировали как своих расовых и идеологических противников. Короче, инициативные группы СС убивали столько этих людей, сколько могли обнаружить, армия в эти операции не вмешивалась.

Руководить гражданским учреждением, ответственным за управление русским населением, которое не являлось объектом операций инициативных групп СС, Гитлер назначил Адольфа Розенберга. Он стал рейхсминистром по оккупированным восточным территориям. Это выглядело логичным выбором. Сын немецкого башмачника (по другим данным, купца), Розенберг родился в прибалтийском городе Ревеле (ныне Таллин), который входил тогда в Российскую империю. Воспитанный как немец, он в равной степени знал русскую культуру и обычаи. В январе 1918 года Розенберг получил диплом архитектора в Московском высшем техническом училище. В феврале 1918 года вернулся в Ревель, в конце 1918-го переехал в Мюнхен, где в 1920 году вступил в нацистскую партию в числе ее первых членов. (Именно Розенберг познакомил Гитлера с «Протоколами сионских мудрецов», что оказало огромное влияние на мировоззрение будущего фюрера. — Ред.)

Но в то время как Розенберг был единственным нацистским лидером с опытом непосредственного знакомства с Россией, он не был реалистичным политиком. И ему приходилось конкурировать в борьбе за власть не только с армией и СС. Мартин Борман тоже решил обеспечить себе право играть существенную роль на территории оккупированной России в интересах нацистской

партии.

К этому времени Рудольф Гесс практически полностью устранился от обсуждения дел во властных структурах Третьего рейха. В частности, он не участвовал в планировании плана «Барбаросса». Бывший летчик Первой мировой войны (в самом ее конце. — Ред.) уделял большую часть времени своему хобби, заключавшемуся в пилотировании самолета, который предоставило в его распоряжение предприятие «Мессершмитт» в Аугсбурге. Главе аппарата Гесса Борману удалось добиться доверия фюрера, и теперь главным образом именно Борман помогал фюреру руководить нацистской партией. У Гесса было достаточно оснований для того, чтобы почувствовать себя забытым. Гитлер не стал его смещать, но и не находил времени для встреч с ним. Мыслями фюрера полностью овладел «Барбаросса», действительно ошеломляющий план.

В 1924 году, когда Гитлер был еще не очень успешным баварским политиком и заключенным Ландсбергской тюрьмы, он продиктовал своему верному секретарю Рудольфу Гессу следующие слова: «Мы [национал-социалисты] возьмемся за то, что прервали шесть столетий назад. Мы остановим бесконечное продвижение немцев на юг и запад Европы и повернем взоры к землям на востоке. Мы положим конец колониальной и торговой политике предвоенного времени и перейдем к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим сегодня о новых территориях в Европе, то должны думать главным образом о России и пограничных с ней подчиненных ей государствах. Сама судьба, видимо, желает указать нам путь сюда… Колоссальное государство на востоке неизбежно обречено на гибель, и конец еврейского господства в России будет также концом России как государства» («Майн кампф», глава XIV — «Восточная ориентация или восточная политика»).

Теперь время реализации этих идей почти наступило. Пока 3 миллиона (всего на реализацию плана «Барбаросса» выделялось 5,5 миллиона солдат и офицеров Германии и ее союзников. — Ред.) немецких солдат перебрасывались на восток, на исходные позиции, Гитлеру приходилось скрывать свои намерения от русских, которые еще оставались его союзниками, какими были в последний 21-месячный период после подписания германо-советского пакта. Фюрер и его министры занимались также дипломатическим маневрированием с целью обмана других основных союзников Германии. Итальянцы были поставлены в известность о плане «Барбаросса» лишь за день до начала его осуществления. Японцы также оставались в неведении. Одновременно их побуждали атаковать Сингапур и разгромить

позиции Великобритании на Дальнем Востоке.

Занявшись деталями подготовки к реализации плана «Барбаросса», Гитлеру все еще приходилось давать отпор тем, кто советовал отказаться от нападения на СССР. Помня об ошибке Первой мировой войны, заключавшейся в войне на два фронта, некоторые немецкие генералы и дипломаты выступали против вторжения в Россию, пока Британия продолжала сопротивляться на Западе. Гитлер и раньше сталкивался со сдержанным отношением к своим целям. Он всегда игнорировал это. Его решения всегда сверхубедительно доказывали свою правильность, в то время как суждения его военных и дипломатических советников оказывались ошибочными. Теперь фюрер был полон решимости сохранить дату 22 июня как время начала осуществления плана «Барбаросса», как бы ни обстояли дела с Британией.

В мае 1941 года Гитлер считал, что Британия практически разгромлена. Изолированная на островах, она не имела опоры на континенте. Будет еще достаточно времени, чтобы вернуться к ее окончательному разгрому, когда закончится реализация грандиозного плана «Барбаросса». Гитлер был твердо уверен, что для разгрома России понадобится не более трех месяцев. О долговременной кампании немцы не помышляли, ее не планировали. Германские войска не были обеспечены зимней одеждой. Предполагалось, что их цели будут достигнуты до наступления русской зимы. После этого Россией должен был заняться Гиммлер с СС и министерство восточных территорий Альфреда Розенберга.

Все же Британия представляла некоторую помеху для Гитлера. Ведь он хотел полностью освободиться от проблем с Западом, чтобы развязать себе руки на Востоке. С этой целью фюрер позволил произвести предварительный зондаж возможности мирных отношений с Британией через посредничество сочувствующих этой идее нейтральных источников и был весьма удивлен, когда с ее стороны не последовало ответа. Поэтому воздушная война против Англии продолжалась. В ночь на 10 мая был совершен самый массированный воздушный налет на Британию, уничтоживший сотни акров построек Лондона ценой потери тридцати немецких бомбардировщиков.

В ту самую ночь, когда Гитлер был глубоко погружен в процесс планирования «Барбароссы» в Бергхофе, одиночный самолет, стартовавший из Аугсбурга близ Мюнхена, летел сквозь туман над Северным морем, направляясь не к Лондону, а к побережью Шотландии. Когда самолет пролетел побережье и

углубился на запад, сотрудники королевской службы воздушного наблюдения определили его как «Мессершмитт-110». Это показалось наблюдателям странным. Не было никакой логики в том, что одиночный немецкий самолет летел над Шотландией в западном направлении, было известно также, что самолет этого типа не мог иметь на борту такого количества топлива, которое позволило бы ему вернуться на континент.

Патрулировавший побережье «Спитфайр» принялся преследовать нарушителя, уступавшего в скорости, и сбил «Мессершмитт» (Гесса никто не сбивал. Он просто покинул самолет с парашютом, опасаясь разбиться при посадке в незнакомой местности, в сумерках. — Ред.). Тем не менее в 10 милях к юго-западу от Глазго, над Дангавел-Хаус, пилот вывалился из самолета, его парашют раскрылся, в то время как «Мессершмитт-110» упал на землю и сгорел в поле недалеко от каменного особняка премьер-министра Шотландии, герцога Гамильтона.

Дэвид Маклин, пахарь, живший близ Флорс-Фарм близ Дангавел-Хаус, услышал грохот рухнувшего самолета, когда готовился ко сну. Он выглянул в окно своего дома и увидел белый купол спускающегося парашюта. Маклин бросился во тьму ночи туда, где, по его расчетам, мог приземлиться парашютист, и вскоре обнаружил пилота, стремящегося освободиться от лямок парашюта. Затем парашютист встал на ноги, потирая свою правую лодыжку, которую повредил в результате падения.

В серебристом свете луны Маклин увидел хорошо сложенного человека в возрасте около 50 лет, смуглого, с нависшими бровями, одетого в серую полевую форму из прекрасного мягкого сукна и отличные летные сапоги. По возрасту, великолепной военной форме и явному нежеланию сопротивляться крестьянин понял, что парашютист не был обычным пилотом люфтваффе. Когда Маклин поинтересовался у пилота, кто он и не является ли он немцем, то услышал ответ на медленном английском языке: «Да, я немец. Меня зовут Альфред Хорн. Я хочу пройти в Дангавел-Хаус. У меня важное послание для герцога Гамильтона».

Когда капитана Хорна наконец привели к герцогу и была установлена его подлинная идентичность, об этом быстро сообщили Уинстону Черчиллю. «Мне показалось это фантастикой», — позднее писал премьер-министр.

Ведь парашютист среднего возраста оказался рейхсминистром без портфеля, членом Министерского совета по обороне рейха, членом Тайного совета кабинета министров и заместителем фюрера Третьего рейха Рудольфом Гессом. Он прилетел из Германии, чтобы предложить Великобритании мир в

рамках миссии, которую Черчилль охарактеризовал как «совершенно искренний и неистовый поступок безумной доброжелательности».

Весть о том, что сделал заместитель фюрера, «взорвала Бергхоф подобно бомбе», отметил доктор Пауль Шмидт, переводчик Гитлера. Фюрер встретил эту весть в манере, которая соответствовала причудливой природе всего эпизода.

Незадолго до того, как Гесс в 6 часов вечера, в субботу 10 мая, взлетел на самолете с аэродрома Аугсбурга, заместитель фюрера написал письмо и передал его одному из своих адъютантов, капитану Карлхайнцу Пинтшу. Он поручил капитану выехать из Аугсбурга в Бергхоф в его личном поезде и передать письмо лично Гитлеру, что Пинтшу удалось сделать в полдень на следующий день.

После переговоров в назначенное время приема с несколькими посетителями фюрер принял Пинтша в своем кабинете, просторном помещении, отделанном светлым деревом, с красным мраморным полом и большими окнами, через которые открывались захватывающие виды гор, увенчанных снеговыми шапками. Спокойная атмосфера кабинета улетучилась, как только Гитлер прочел письмо, в котором Гесс пространно и бессвязно изложил цель своего полета в Англию. Потрясенный, фюрер немедленно послал за Герингом, фон Риббентропом, Борманом и Кейтелем, чтобы определить, как могло произойти это сенсационное событие и что делать дальше.

> «Гитлер говорил и прогуливался со мной по просторному кабинету взад и вперед, — вспоминал позднее Кейтель. — Прикоснувшись ко лбу рукой, он сказал: — У Гесса, должно быть, психическое расстройство. Я вижу это из письма, которое он написал мне, — добавил Гитлер. — Я не узнаю Гесса в этом письме. Это совершенно другой человек. Что-то с ним случилось».

Поскольку англичане не сделали никакого заявления о прибытии Гесса, Гитлер, по словам Кейтеля, спросил Геринга: «Он добрался туда? Хватило ли ему бензина для полета, чтобы покрыть расстояние между континентом и Англией? Как насчет этого, Геринг? Мог он совершить полет на этом типе самолета?

Командующий люфтваффе, не зная в тот момент о том, что Гесс имел на «Мессершмитте-110» две дополнительные емкости с бензином, предположил, что заместитель фюрера мог не достичь Шотландии и, возможно, рухнул где-то в Северном море.

Гитлер распорядился, чтобы Гесса расстреляли либо

посадили в психлечебницу, если он вернется в Германию.

Между тем Мартин Борман приказал двум капитанам из личной охраны фюрера посадить несчастного капитана Карлхайнца Пинтша под арест, пока проводилось тщательное расследование обстоятельств полета Гесса.

Обнаружили, что Гесс совершил с аэродрома Аугсбург тридцать учебных полетов. В двух предыдущих случаях он пытался вылететь в Шотландию, но был вынужден возвращаться — однажды потому, что в самолете возникли неполадки, в другой раз из-за плохой погоды. Больше всего вызывало вопросы то, как Гесс смог добыть инструкцию по пилотированию специально оборудованного «Мессершмитта-110» у конструктора самолета доктора Вилли Мессершмитта и как ему удалось провести сложные подготовительные мероприятия для своего полета с аэродрома Мессершмитта без того, чтобы были обнаружены его истинные намерения.

> «Помню, этот вопрос тоже заинтересовал Гитлера в первую очередь, — свидетельствовал позднее фельдмаршал Кейтель, — точно помню также, что Гитлер издал немедленное распоряжение об аресте профессора Мессершмитта. С другой стороны, Гесс имел свободный доступ на все авиационные заводы, на экспериментальные и учебные летные поля. Сам он был опытным пилотом, и я знаю, что он имел полную свободу ходить туда, куда хочет. Невозможно было найти доказательства, что Мессершмитт имел хотя бы малейшее представление, не говоря уже о том, что знал планы полета. Это было установлено с полной определенностью, так же как и то, что жена, то есть фрау Гесс, тоже ничего не знала».

Несомненно, что на образ мыслей Гесса повлияли астрологи, с которыми он часто консультировался, а также его прежний наставник, директор Геополитического института в Мюнхене доктор Карл Хаусхофер. Он считал Британию и Германию нордическими странами, которые должны жить в мире. (Уже говорилось ранее, что главным Хаусхофер считал союз континентальных держав (Германии и России) плюс Японию против англосаксонского блока (Англии, США и их союзников. — Ред.) Расследование показало, однако, что Гесс подготовил свой полет самостоятельно.

Но как объяснить это странное событие немецкому населению и мировой общественности? Гесс ведь не был рядовым нацистом. Он был, вероятно, самым старым и самым близким

другом Гитлера. Сам фюрер выбрал его в качестве своего заместителя по руководству нацистской партией и преемником на посту главы государства после Геринга. Нацистам следовало дать такое объяснение этому полету, чтобы оно не вызвало переполох.

Через два дня после того, как Гесс вылетел из Аугсбурга, англичане все еще хранили молчание по поводу того, что он содержится у них под стражей. Поэтому 13 мая немецкие газеты опубликовали нижеследующее сообщение: «Член партии Гесс, которому фюрер запретил полеты из-за многолетней прогрессирующей болезни, нарушил этот запрет и в субботу 10 мая воспользовался самолетом. В 6.00 вечера он вылетел на самолете из Аугсбурга и с тех пор пропал без вести. Письмо, которое он оставил, свидетельствует, судя по его путаному содержанию, о признаках его психического расстройства. Существует опасность, что членом партии Гессом овладела навязчивая идея. Весьма вероятно, что во время полета он потерпел крушение и погиб. Фюрер приказал немедленно арестовать адъютантов Гесса, которые только одни знали об этом полете и о запрете таких полетов».

На это сообщение англичане откликнулись первым заявлением о том, что заместитель фюрера находится в их распоряжении. Перед тем как они могли добыть у него опасные признания или выдумать их в пропагандистских целях, нацистам пришлось выпустить другое, более откровенное сообщение: «Насколько можно судить по документам, оставленным членом партии Гессом, он жил, по-видимому, в состоянии галлюцинаций, под воздействием которых полагал, что может наладить дружественные отношения между Англией и Германией. Установлен факт, что Гесс, согласно сообщению из Лондона, выпрыгнул из самолета близ города, в который пытался прилететь, и был обнаружен там в травмированном состоянии. Национал-социалистическая партия сожалеет о том, что этот идеалист пал жертвой собственных галлюцинаций. Это, однако, не повлияет на продолжение войны, которая была навязана Германии».

Таким образом, Гесс был охарактеризован как психически неустойчивый субъект. Министр иностранных дел фон Риббентроп не стеснялся резких слов, когда летал в Рим, чтобы сообщить Муссолини о случившемся событии. «Он сумасшедший», — говорил фон Риббентроп, согласно свидетельству его переводчика, доктора Пауля Шмидта. По возвращении в Берлин один старик, помогавший Шмидту в садовых работах, сказал: «Вы уже поняли, что нами управляют

безумцы?»

Это была естественная реакция. Ведь если Гесс свихнулся и все же был допущен к выполнению обязанностей заместителя фюрера, то как это отражалось на других нацистских лидерах и их режиме? Данный эпизод поставил Гитлера в крайне неловкое положение, тем более что он случился в канун осуществления плана «Барбароссы».

Были и такие люди, которые спрашивали себя, не подвело ли фюрера умение разбираться в людях, до сих пор безупречное, когда он публично обозвал своего заместителя психически неуравновешенным, нанеся ущерб престижу нацистского режима. Глава управления внешней разведки ведомства Гиммлера Вальтер Шелленберг сказал рейхсфюреру СС, что считает немцев слишком умными, чтобы пичкать их рассказами о душевной болезни Гесса. «Это влияние Бормана, — ответил быстро Гиммлер. Он бросил на Шелленберга продолжительный взгляд и затем добавил: — Сейчас с этим ничего не поделаешь».

Гиммлер не вдавался в подробности. Способность Бормана влиять на Гитлера воспринималась теперь в высокопоставленных нацистских кругах как общепризнанный факт, но сказать точно, что именно делал Борман, не представлялось возможным. Борман действовал в тени: тонкими намеками, наветами, высказанными в удобное время, беседами наедине.

Однако Борман высказал свое мнение о полете Гесса в письме, отосланном Гиммлеру: «Возможное объяснение причин полета содержится уже в первых заявлениях адъютантов Пинтша и Ляйтгена, генерала Хаусхофера, а также в одном из первых писем самой фрау Гесс. Р. Г. хотел блеснуть, поскольку страдал от комплекса неполноценности. Фактически, реальные причины названы фюрером. Лишь теперь стало известно, что Р. Г. лечился снова и снова от полового бессилия, даже в то время, когда у него родился сын Буц («карапуз» по-немецки, имя сына Рудольфа Гесса Вольф Рюдигер. — Ред.). Р. Г. полагал, что своим поступком докажет свое мужское достоинство самому себе, супруге, партии и народу…»

Между тем англичане сначала поместили своего необычного пленника в военный госпиталь близ Лох-Ломонда, затем в лондонский Тауэр и, наконец, в строго охраняемый загородный дом Митчет-Плейс близ Олдершота. Обломки «Мессершмитта-110», с которого совершил прыжок с парашютом Гесс, были выставлены на обозрение на Трафальгарской площади с целью способствовать продаже военных облигаций.

Продолжительные допросы англичанами Гесса показали, что, страдая определенной формой психического расстройства, он был

тем не менее искренен в осуществлении своей мирной миссии. Гесс выбрал для этого герцога Гамильтона, с которым временно встречался в 1936 году на Олимпийских играх, потому что рассчитывал на помощь герцога в организации переговоров с влиятельными правительственными деятелями, способными выслушать его идеи. Заместитель фюрера сообщил герцогу, что прибыл с «гуманной миссией» и что, по его убеждению, Гитлер может уничтожить Великобританию, но не хочет этого. Фюрер предпочитает заключить мирное соглашение с Великобританией, что развяжет ему руки в континентальной Европе.

Выдвигая свои предложения, Гесс, несомненно, полагал, что понимал образ мыслей Гитлера лучше, чем кто-либо еще. Если бы его драматическая миссия закончилась успешно, он бы исполнил сокровенные желания фюрера, а также восстановил себя в том положении, с которого его вытеснил Борман. Англичане, однако, были полны решимости воевать с нацистами и не были готовы вести переговоры на основе предложений, с которыми прибыл Гесс. «Я никогда не придавал этому эпизоду большого значения», — писал Черчилль позднее. Не было предпринято никаких попыток использовать Гесса в политическом торге или пропагандистских целях. По окончании допросов его заключили в обычную тюрьму для военнопленных.

В Германии аппарат заместителя фюрера Гесса был упразднен. Гесса в качестве заместителя фюрера и его преемника после Геринга не заменил никто. Его имя исчезлов названиях улиц и государственных зданий. Вскоре Гесса практически забыли, а его сенсационная авантюра имела лишь один, но осязаемый результат.

29 мая 1941 года специальной директивой Гитлера было объявлено, что бывший аппарат заместителя фюрера заменит партийная канцелярия под его личным руководством. Главой партийной канцелярии станет Мартин Борман.

Теперь Борман в возрасте 41 года обладал реальной властью, которой терпеливо дожидался. Гитлер объявил, что возобновит личное руководство нацистской партией, оружием, которое он выковал и использовал для достижения власти. Однако он был слишком перегружен своей новой ролью Верховного главнокомандующего, чтобы заниматься этим. Вскоре фюрер признает, что «полностью потерял из виду партийные организации».

В действительности контроль над всем партийным механизмом рейха и оккупированных территорий приобрел Борман. Все партийные функционеры либо назначались им, либо продолжали работать по его усмотрению, и все они подчинялись

его приказам. Борман мог продвинуть или разрушить любую карьеру внутри партии. То же касалось военной и правительственной сфер. Приобретя столь огромную власть, он нес ответственность перед одним Гитлером. Только фюрер мог отменить его приказы или уволить его самого.

Борман преуспел также в овладении другой, менее определенной формой власти. Она не будет оформлена до 12 апреля 1943 года, когда он получит официальное назначение в качестве секретаря фюрера. Титул секретарь фюрера звучал скромно. Но Бормана титулы не занимали. Он был озабочен реальной властью. А решающее значение должности секретаря фюрера в диктатурах типа Третьего рейха едва ли можно переоценить. Обладатель этой должности имел гораздо больше влияния, чем любой рейхсмаршал, министр иностранных дел, фельдмаршал или рейхсфюрер СС. Ведь фюрер был высшим авторитетом в нацистской Германии. Источник этой власти нельзя определить в разумных понятиях, он покоился на убеждении в том, что фюрер обладает качествами, недоступными обычным людям.

За спиной Гитлера продолжалась борьба за власть между различными партийными функционерами, учреждениями и фракциями, между военным министерством, министерством юстиции и СС, сферы компетенции которых перекрывали друг друга. В конце концов их конфликты разрешал Гитлер, который таким образом осуществлял контроль над самыми важными процессами и учреждениями в Третьем рейхе.

Но для того чтобы встретиться с Гитлером и вынести предложение, требующее его решения, необходимо было связаться с Борманом. Именно он, не имевший вначале официальной власти, а затем ставший секретарем фюрера, решал, с какими докладами следует ознакомиться Гитлеру и с какими людьми ему нужно встретиться. Борман присутствовал почти при всех встречах, а затем формулировал на их основе рекомендации, считавшиеся рекомендациями фюрера.

Другие лидеры нацистов стали бояться и ненавидеть Бормана. Они не знали, что он докладывает о них фюреру или какой из их проектов он счел достойным внимания фюрера. Те же, кто впал в немилость к Борману, с успехом отстранялись от источника высшей власти.

Для тех народов, которым еще предстояло попасть под оккупацию гитлеровцев, Борман был еще более зловещей фигурой. Он не был тем помощником, который готов умерить военные авантюры или жестокие расовые идеи фюрера. Конечно, если бы Борман попытался это делать, то вряд ли удержался бы

на своем посту. Но имеется свидетельство того, что Борман не был карьеристом, одержимым лишь амбициями и стремлением добиться личной власти. Он был искренне и фанатично предан тому, что требовала идеология национал-социализма и его вождь, Адольф Гитлер.

Эта идеология полагала, что главной целью природы, а следовательно, и человеческой деятельности является производство и усовершенствование биологически более высоких форм жизни. Наиболее ценные расы человечества должны умножаться и продвигаться. Здесь Борман внес личный вклад: они с женой постепенно произвели на свет десять детей.

Дети Бормана представляли одну из двух основных расовых групп, признававшихся нацистами, — расу арийцев, в которую входили скопом германские и нордические народы. Для нацистов, подобных Борману, вторую группу составляли все другие расы, такие как монголоидная, негроидная, семитская и славянская, которые объявлялись низшими, пригодными лишь для обслуживания арийцев. (Автор дает неверную информацию по поводу славян. Славяне, как и германцы, происходят из одного индоевропейского края. Немцы, в частности, проводили широкую программу онемечивания польских детей. Многие аристократические семьи Пруссии имели славянские корни (например, фон Белов). У самого Гитлера имелась чешская кровь (Непомуки). Планировалось «расово чистых» славян онемечить, остальных (с примесями) — уничтожить либо использовать в нужных немцам видах деятельности. Этой части населения планировалось давать минимальное необходимое образование, поддерживать нездоровый и распутный образ жизни — водка, табак, пропаганда противозачаточных средств и т. д. — с целью постепенного (в течение нескольких поколений, примерно ста лет) вымирания, освобождая землю для германцев. — Ред.) В частности, евреи считались заклятыми врагами и подлежали уничтожению.

Как упоминалось ранее, Борман дал выход своим антисемитским настроениям еще в 1920 году, когда вступил в обскурантистскую организацию под названием Объединение против засилья евреев. Теперь в должности главы канцелярии нацистской партии он получил возможность потешить свой давний предрассудок в прямой и зловещей форме. У него также был шанс потешить свою неприязнь к христианству. Как и многие нацистские лидеры, Борман называл себя gottgläubig, верующим в Бога, но врагом церкви. В 30-х годах, даже в качестве официального функционера обскурантистской партии, он делал все возможное для преследования католиков и протестантов. Он

презирал христианство, как коррупционную и расслабляющую силу, которая мешает воспитанию нового человека с нордическим характером.

Одним из первых шагов Бормана после назначения главой канцелярии нацистской партии было направление своему гаулейтеру 6 июня 1941 года секретной директивы «Отношение национал-социализма к христианству», в которой он выразил свой взгляд на этот вопрос.

«Национал-социалистическое и христианское учения непримиримы, — разъяснял Борман в своей грубоватой и тяжеловесной бюрократической манере. — Христианские церкви опираются на неопределенность человеческих существ и пытаются прйвить эту неопределенность возможно более широким массам населения, поскольку только таким способом христианские церкви сохраняют свое влияние… Наша национал-социалистическая идеология значительно превосходит христианские концепции, которые в своих существенных положениях заимствованы у евреев. Также и по этой причине мы не нуждаемся в христианстве… Человек ничего бы не знал о христианстве, если бы это учение с детства не вдалбливали ему в голову пасторы. Так называемый «Боже милостивый» никоим образом не дает знать о своем существовании молодым людям заблаговременно, но на удивление, несмотря на свое всемогущество, оставляет разъяснение этого на усмотрение пасторов. Если, следовательно, в будущем наш молодой человек больше ничего не будет знать об этом христианстве, доктрины которого значительно уступают нашим, то христианство исчезнет само собой… Впервые в немецкой истории фюрер осознанно и полно держит руководство нацией в своих руках. В лице партии, ее составных частей и приданных организаций фюрер создал для себя и руководства Германским рейхом инструмент, который делает его независимым от церкви. Все факторы влияния, которые могли бы нанести ущерб или повредить руководству народом, осуществляемому фюрером при помощи НСДАП (национал-социалистическая рабочая партия Гитлера. — Ред.), должны быть уничтожены. Люди все больше и больше должны отделяться от церквей, их органов и пасторов…»

За этой директивой не последовали какие-нибудь особые рекомендации в плане ее выполнения. Потому что экстремизм Бормана обернулся большим промахом. Фюрер не хотел прибегать к принуждению, когда миллионы солдат и офицеров были еще привержены к различным церквям. Реализации идей Бормана, которые Гитлер разделял, пришлось дожидаться установления нацистского «нового порядка» в Европе.

Полный текст директивы Бормана каким-то образом стал известен церковным властям, что вызвало раздражение рейхсминистра пропаганды и общественного просвещения. Прагматичный Геббельс записал в дневнике: «Наши зарубежные враги, к сожалению, получили доступ к циркулярному письму Бормана по вопросу о церкви. Почему вообще Борман в такое время делает заявление по этому вопросу? Это отнюдь не проблема чрезвычайной важности, от которой зависит успех войны».

Этот инцидент лишь послужил очередным свидетельством экстремизма Бормана. Ирония состоит в том, что это качество вредило самим нацистам. Если Гитлеру сопутствовали продолжительное время успехи, он действительно нуждался в близком советнике, который мог бы, по крайней мере, умерить его собственный радикализм. Даже если бы такой советник продержался на своем месте недолго, он все же мог бы предостеречь фюрера относительно непрактичности жестокого обращения с «неполноценными» народами и немедленного осуществления расовых и религиозных идей нацистов. Жестокость лишь провоцировала сопротивление и потерю людей, которых с большей пользой можно было употребить для других целей. Более важную проблему представляли серьезные изъяны в военном положении нацистской Германии накануне начала реализации плана «Барбаросса», которые уменьшали шансы успеха операции.

Ни экономика Германии, ни ее вооруженные силы не были готовы к продолжительной войне. Великобритания все еще держалась, между тем люфтваффе были отвлечены от нанесения воздушных ударов по Англии из-за подготовки подавляющей части авиации к вторжению в Россию. Королевский флот оставался сильным и боеспособным. Большое количество оружия поступало в Великобританию из нейтральных Соединенных Штатов.

Операция «Наказание» («Расправа»), нацистский удар по Югославии, послужила причиной отсрочки начала осуществления плана «Барбаросса». Были потеряны четыре-пять недель хорошей погоды, решающее условие для эффективности стратегии блицкрига. А нападая на своего русского союзника, немцы сталкивались с населением, численность которого превосходила их собственную численность в соотношении три к одному. (Сильное преувеличение. Население СССР в июне 1941 года составило около 195 миллионов.

Население Германии с Судетами и Австрией, Эльзасом и Лотарингией было не менее 85 миллионов. Население Германии

и оккупированных стран к июню 1941 года — 117,3 миллиона (в 1937 году было 66 миллионов). Плюс население прямых союзников Германии, напавших вместе с ней на СССР (Финляндия, Румыния, Венгрия, Словакия, Хорватия). Плюс добровольцы со всей оккупированной Европы. Реально нашей стране, как и в 1812 году, пришлось сражаться почти со всей Европой. — Ред.)

Теперь, когда Гитлер приобрел так много за столь малую цену, он мог бы извлечь пользу из совета умерить свое стремление к захвату большего жизненного пространства для германского народа на востоке, отсрочить на более благоприятное время авантюру, которая должна была «заставить мир затаить дыхание».

Естественно, со стороны Бормана подобных советов не последовало. Но ведь бывший артиллерист, пусть и не участвовавший в боевых действиях Первой мировой войны, мог бы иметь хотя бы малое представление о глобальной военной стратегии. Бывший управляющий поместьем и глава Кассы взаимопомощи партии понимал, хотя бы немного, необходимость огромного экономического потенциала для ведения большой войны. Но бюрократ, который сосредоточился на внутренних делах нацистской партии и не посещал страны, оккупированные нацистами, не был способен понять, что даже те русские, которые отвергали коммунизм, могут оказать сопротивление жестокому агрессору, напавшему на их родину.

В действительности Борман понимал одно: фюрер всегда прав. 20 июня 1941 года новый глава канцелярии нацистской партии обнаружил Гитлера в задумчивом состоянии. Борман сказал: «На вас лежит огромное бремя забот — успех этой великой кампании целиком зависит от вас одних. Провидение выбрало вас своим орудием для создания будущего мира. Никто не знает лучше меня о том, что вы посвятили всего себя решению этой задачи, что вы изучили эту проблему в мельчайших деталях. Убежден, что вы все тщательно спланировали и что ваша миссия обязательно завершится успехом».

22 июня, в 3.30 утра, по всей протяженности границы, разделяющей нацистскую Германию с ее союзниками и Советскую Россию, началось осуществление «великой миссии». Более трех миллионов немецких солдат (всего план «Барбаросса» должны были осуществлять 5,5 миллиона солдат и офицеров в Германии и ее союзников, около 4300 танков и штурмовых орудий, около 5 тысяч самолетов. — Ред.) двинулись на восток в бескрайние просторы России: группа армий «Север» — в направлении Ленинграда, группа армий «Центр» — в направлении Москвы и

группа армий «Юг» — в направлении Украины и гор Кавказа.

Глава 7
Коричневое преосвященство

У Сталина не было планов отпора вторжению, несмотря на многочисленные признаки агрессии со стороны Гитлера. (Были отработанные планы, но они оказались на практике нереалистичными. — Ред.) Красная армия, лучшие генералы которой подверглись Сталиным чистке по политическим соображениям и которая проводила обычные приграничные учения, была отброшена внезапным ударом немцев (потерпела поражение в тяжелых приграничных сражениях. — Ред.).

Генерал Франц Гальдер, начальник Генштаба сухопутных сил, был уверен в том, что будет в Москве в августе. 3 июля он сделал в дневнике следующую запись: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена… Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель».

По мере стремительного продвижения немецких войск согласно плану в официальных кругах Германии царили ликование и оптимизм. 8 июля генерал Гальдер счел своевременным начать планирование мер по расквартированию немецких войск в России на предстоящую зиму в качестве оккупационных, а не боевых сил (строительство зимних бараков для войск вне населенных пунктов. А населенные пункты в случае возникновения беспорядков беспощадно бомбить. — Ред.).

14 июля сам Гитлер полагал, что «военное управление Европой после завоевания России позволит провести существенную демобилизацию армии».

Весь ход событий, казалось, подтверждал, что фюрер непостижимым образом оказался столь же прав, отдав приказ о вторжении в Россию, как и в принятии своих предыдущих важных решений. 16 июля немецкие войска заняли Смоленск. Он находился в 450 милях от исходного рубежа вторжения и лишь в 200 милях от Москвы. В этот день Гитлер созвал совещание, чтобы подтвердить свои соображения относительно России. Больше не вызывало сомнений, что Россия будет завоевана. Вопрос состоял в том, как ею управлять, когда она станет частью нацистской империи.

Совещание проводилось в личном поезде фюрера близ его новой полевой штаб-квартиры Wolfsschanze («Волчье логово») близ Растенбурга в Восточной Пруссии. Волчье логово пряталось в лесу, в одной из отдаленных частей рейха. Его наземные постройки напоминали дачи в альпийском стиле. Их защищали батареи противовоздушной обороны и тройное кольцо войск охраны СС. Этот мрачный объект был изолирован от внешнего мира.

На совещании присутствовал Борман. Были вызваны также Розенберг, Кейтель, Геринг, а также Ганс Хайнрих Ламмерс, глава рейхсканцелярии. Совещание длилось с 3 до 8 часов вечера, но взгляды Гитлера можно было подытожить в коротких конфиденциальных замечаниях, которые записал Борман:

> «В то время как германские цели и методы не следует раскрывать перед всем миром, все необходимые мероприятия — расстрелы, выселения и т. д. — мы, во всяком случае, должны и можем предпринимать. В повестке дня: первое: завоевание страны; второе: управление ею; третье: эксплуатация ресурсов».

Некоторые из этих «необходимых мер» уже принимались эйнзацгруппами СС, которые следовали за наступавшей армией. Группа «Д» во главе с доктором Отто Охлендорфом, имевшим университетские степени по экономике и праву, действовала в южном секторе. В первый год операции группа «Д» согнала и расстреляла около 90 тысяч мужчин, женщин и детей. Большинство жертв были евреями.

Новый тип войны был столь ужасен, что удручал даже тех, кто ее вел. Наконец, после массовых расстрелов в Минске генерал СС фон дем Бах-Зелевски посоветовал Гиммлеру посмотреть в глаза личного состава эйнзацгруппы, чтобы «увидеть, как он потрясен. Эти люди не излечат свои нервы во всю оставшуюся жизнь. Мы выращиваем здесь неврастеников и дикарей».

После этого Гиммлер заявил на встрече с командирами спецподразделений, что он понимает, насколько неприятными являются их обязанности, но это необходимость, которая не должна мучить их совесть. «Клоп или крыса имеют право на существование, — разъяснял далее рейхефюрер СС, — так же как чертополох имеет право расти. Но люди уничтожают паразитов и выдергивают чертополох. Это — самозащита, иначе паразиты уничтожат людей, а чертополох погубит урожай».

Убийства продолжались. Армейское командование, подчиняясь приказам, не вмешивалось, хотя оно рекомендовало солдатам «не проявлять любопытства к подобным процедурам» и

запретило «распространение фотографий и сообщений о таких событиях». Один ветеран-нацист счел массовые расстрелы столь омерзительными, что выступил с протестом. Это был Вильгельм Кубе, гаулейтер Белоруссии. Кубе являлся давним антисемитом и обладателем нацистского ордена Крови от 1923 года, присуждавшегося за участие в пивном путче. В 1936 году он впал в немилость после того, как написал анонимное письмо председателю партийного суда Вальтеру Буху с намеками, что жена Буха была частично еврейкой. Фрау Бух являлась бабушкой детей Бормана, и Кубе оказался на время в концентрационном лагере. Наконец его реабилитировал Гиммлер. Даже такой упертый нацист, как Кубе, был потрясен массовыми убийствами, совершавшимися эйнзацгруппами СС в его провинции. «Такими методами мы не добьемся мира и порядка в Белоруссии, — писал он своему начальнику Хайнриху Лозе, рейхе комиссару восточных территорий. — Хоронить живьем тяжелораненых, которые выползают из своих могил, столь бесконечная подлость, что о ней следует доложить рейхсмаршалу [Герингу]».

Геринг не смог бы совладать с методами СС, даже если бы хотел. Фюрер определил, что массовые убийства необходимы для того, чтобы открыть путь нацистскому «новому порядку». Тем самым вопрос был закрыт. Между тем германское наступление на восток продолжалось, несмотря на проливные дожди, превратившие твердую сухую землю в непролазную грязь, которая затрудняла продвижение танков и других транспортных средств, использовавшихся для блицкрига. В сентябре немцы объявили о захвате 600 тысяч военнопленных только в одном сражении, о разгроме сил Красной армии в Киевском котле. 3 октября Гитлер заявил в публичном выступлении: «Теперь я могу сказать это — до сих пор не мог, — что враг разбит и не сможет подняться снова». Через неделю фюрер поручил доктору Отто Дитриху, заместителю секретаря министерства пропаганды, объявить, что исход войны решен.

К этому времени нацисты захватили более 3 миллионов российских военнопленных. (По нашим данным, в 1941 году немцы захватили более 2,56 миллионов военнопленных, а всего за войну — более 4,5 миллионов. — Ред.) Их считали недочеловеками. После уничтожения евреев и коммунистов остальным пленным давали минимум еды и никаких медикаментов. Геббельс заметил в своем дневнике, что русские «не люди, но сборище животных».

Но когда нацистские армии продвинулись дальше в глубь СССР, некоторые офицеры ОКВ стали с беспокойством отмечать, что сопротивление русских усиливалось и принимало более

умелый характер. Тем не менее казалось, что реализация плана «Барбаросса» вскоре успешно завершится. И после этого утвердится нацистский «новый порядок». Одна Великобритания не могла надеяться на разгром нацизма. Соединенные Штаты оставались нейтральными, но, даже если бы они вступили в войну на стороне англичан, эти союзники столкнулись бы почти с неразрешимой задачей борьбы с нацистской империей, которая после победы над СССР имела бы население почти 400 миллионов человек и территорию, охватывающую почти всю Западную Европу, часть Северной Африки и обширные пространства оккупированной России.

Мартином Борманом владела навязчивая идея добиться того, чтобы этот «новый порядок» утверждался аппаратом нацистской партии, который он возглавлял, а не армией, СС или каким-нибудь другим ведомством. Чтобы предотвратить установление слишком большой власти Гиммлера на востоке, Борман воспользовался своим влиянием на Гитлера с целью назначения Альфреда Розенберга в качестве рейхсминистра оккупированных восточных территорий, сознавая, что Розенберг являлся довольно слабым человеком, которым легко манипулировать.

Геббельс отмечал в своем дневнике, что Розенберг был «хорошим теоретиком, но не практиком. Когда дело казалось организации, он совершенно терялся, кроме того, он вынашивал довольно наивные идеи». Эти идеи исходили из того, что многие украинцы изначально приветствовали нацистов как друзей, которые пришли освободить их от сталинского угнетения. Розенберг хотел опереться на их добрую волю для борьбы с кремлевским режимом. Вместо того чтобы следовать жесткой политике террора и подавления, он рекомендовал проведение умеренного курса с целью привлечения поддержки украинцев, татар, кавказцев и других нерусских народностей в борьбе против великороссов. Розенберг предлагал привлекать такую поддержку посредством уничтожения ненавистных колхозов, поощрения религиозной свободы и относительного местного самоуправления под контролем нацистов, а также отказа от методов террора, если их целями не являлись коммунисты и евреи.

Всему этому решительно противился Борман, одержимый идеей господствующей расы. Славяне, по его мнению, были «унтерменшами» (обычно переводят как «недочеловек», но точнее «младший, подчиненный человек». А вот евреев, цыган, негров, нацисты за людей просто не считали. — Ред.) и требовали адекватного обращения с ними без исключений. Поэтому Борман, ослабивший власть Гиммлера поддержкой назначения Розенберга, теперь занялся подрывом влияния последнего. Он

добивался этого путем убеждения Гитлера назначить рейхскомиссаром Украины Эриха Коха.

Хотя Кох формально подчинялся Розенбергу, он был человеком Бормана. Оба они хорошо знали друг друга со времени существования организации Россбаха. Кох был одним из тех, кто нес на похоронах гроб с телом нацистского мученика Альберта Лео Шлагетера, в нацистскую партию вступил под номером 90. Как и Борман, он был невысокого роста, с бычьей шеей. На его круглом розовом лице выделялись усики а-ля Гитлер. В своем сорокапятилетнем возрасте он занимал пост гаулейтера Восточной Пруссии и был тем человеком, которого Борман мог использовать в качестве инструмента осуществления своих идей.

Украина была самой большой советской республикой, полностью оккупированной немцами. В ней было много групп населения, настроенных антикоммунистически. Эта республика была крупнейшим поставщиком человеческих ресурсов и продовольствия (Украина была самой мощной металлургической базой страны, здесь было развитое машиностроение (в том числе военное) и другие отрасли промышленности. — Ред.) по сравнению с любой другой восточной территорией. Когда руководитель пресс-службы при министерстве Розенберга поздравил Коха с назначением рейхскомиссаром, охарактеризовав его как «начинание с целью вернуть национальный дух столь сильному и полезному народу, как украинцы», Кох ответил: «Дорогой мой, должно быть, вы вычитали это в какой-нибудь местной газете. Позвольте сказать вам одну вещь. Украинцев будут потчевать листьями дешевого табака для курения, водкой и кнутом, в то время как вы будете сидеть в укромном месте, распознавая славянскую душу».

В инаугурационной речи перед сотрудниками своего аппарата Кох заявил: «Господа, меня знают как свирепого пса. По этой причине меня и назначили рейхскомиссаром Украины. Свободной Украины нет. Нам нужно стремиться к тому, чтобы заставить украинцев работать на Германию, а не делать их счастливыми».

Кох оправдывал свое назначение. С тем большей энергией Борман препятствовал умеренному Розенбергу довести свои соображения до сведения Гитлера. Таким образом, нацисты утратили все шансы добиться сотрудничества украинцев в борьбе против Кремля. Для Бормана не имело особого значения то, что русские теперь противопоставили нацистской свирепости упорное сопротивление. Раз Красная армия будет, наконец, разбита, новые, германские хозяева страны смогут обращаться с ней как угодно. А этот момент казался не таким уж далеким.

Находясь вместе с фюрером в просто отделанной, изолированной от внешнего мира ставке Гитлера «Вольфшанце» («Волчье логово»), Борман по картам Гитлера наблюдал процесс осуществления плана «Барбаросса». Хотя глава партийной канцелярии мало смыслил в военной стратегии, он мог ясно видеть, что группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала Федора фон Бока подошла 20 октября к Москве на расстояние 40 миль. Сталин оставался в столице, но основные министерства и дипломатические представительства были эвакуированы из нее неделей раньше. Об этом германская разведка подробно сообщила в «Волчье логово». И фюрер заявил, что исход войны предрешен.

Германские офицеры и солдаты на полях сражений, однако, были не столь уверены в этом, как те, которые наблюдали за ходом военных действий по картам. Несмотря на внушительные потери, Красная армия каким-то образом вводила в сражение свежие дивизии. И их вооружение было намного лучше, чем это предполагала германская разведка. Танк Т-34, превосходивший все, чем обладали нацисты, стал неприятным сюрпризом. Линии снабжения немцев растянулись на значительные расстояния, они постоянно подвергались нападениям партизанских отрядов. В начале ноября ударили первые легкие морозы и посыпался снег.

«Затем погода внезапно испортилась, — свидетельствовал начштаба 4-й армии генерал Гюнтер Блюментрит, — и буквально через две недели на нас обрушилась со всей яростью русская зима. Столбик термометра внезапно опустился до 30 градусов мороза… Вопреки замедлению продвижения и нарастанию трудностей, две танковые группы продолжали пробиваться к Москве».

Теперь моторизованную германскую армию в летней форме атаковали порывы ледяного ветра, которые носились по заснеженным полям. Отказывало стрелковое оружие, застывало масло в моторах танков, артиллерия не могла стрелять. Сотни тысяч профессиональных, столь нужных на фронте солдат, не обеспеченных зимним обмундированием, получили обморожения или даже погибли от холода. Дыхание тех, кто продолжал наступление, казалось, повисало в воздухе, с ресниц и ноздрей свисали сосульки. Наказание за потерю четырех недель хорошей погоды в ходе операции «Наказание» (другое значение — «расправа») против Югославии в апреле 1941 года теперь было взыскано полностью.

Однако Гитлеру и Борману в «Волчьем логове», должно быть, казалось, что успех в осуществлении плана «Барбароссы» близок, как никогда. 1 декабря группа немецких армий начала

наступление на Москву с рубежей, отстоявших от советской столицы на 30 миль. На следующий день разведывательный пехотный батальон фактически достиг московских пригородов, откуда можно было видеть шпили кремлевских башен. (Ближе всего немцы подошли к Москве в районе деревни Крюково в 23 километрах к северо-западу от Москвы. Однако, если следовать исторической правде, еще 16 октября, в критическое для обороны Москвы время, когда основные силы советских войск Западного и Резервного фронтов погибли или были пленены под Вязьмой, а от Калинина (Твери) до Калуги Москву прикрывали всего 90 тысяч советских воинов, отряд немецких мотоциклистов утром едва не въехал в Москву, но был уничтожен на Химкинском мосту у нынешней границы города. В Москве в этот день, 16 октября, началась паника, вскоре жестко подавленная. — Ред.)

Однако главные силы наступавших на 200-мильном фронте войск с севера, юга и запада от Москвы были остановлены. 5–6 декабря сто дивизий Красной армии, силу которой недооценили нацисты, предприняли массированное контрнаступление под Москвой. (Западные историки, а также немецкие генералы и фельдмаршалы (в своих мемуарах) любят считать дивизии Красной армии. Но советская дивизия осенью — зимой 1941 года (даже и позже) не менее чем в два раза уступала немецкой. У Красной армии, перешедшей в контрнаступление под Москвой, почти не было перевеса в силах. — Ред.) Немецкие войска впервые за войну были отброшены на широком фронте.

Генералы рекомендовали Гитлеру отступить, остановиться на надежном зимнем рубеже и перегруппироваться. Он не прислушался ни к одной из рекомендаций и отдал приказ замерзающим истощенным войскам, «несмотря ни на что, стойко держаться на любой позиции и в наиболее неблагоприятной обстановке». Приказу подчинились, возможно предотвратив катастрофическое поражение.

Теперь Гитлер начал искать козлов отпущения за провал плана «Барбаросса». Его ярость и разочарование обратились против генералов. 19 декабря он принял отставку главнокомандующего сухопутными силами, фельдмаршала Вальтера фон Браухича, охарактеризовав его как «бесполезного, трусливого негодяя… простофилю». Гитлер взял на себя командование вермахтом. Уйти в отставку вынудили командующих тремя группами армий. Уверенность в успешном исходе блицкрига сменилась признанием реальности длительной войны.

1941 год закончился без установления «нового порядка» в Европе. Вместо этого в борьбу с нацистской Германией вступили,

помимо Великобритании, Советский Союз и Соединенные Штаты, которым Гитлер объявил войну почти сразу же после нападения японцев на Пёрл-Харбор (нападение произошло 7 декабря, а 11 декабря Германия и Италия объявили США войну. — Ред.).

Тем не менее нацисты овладели обширными территориями на востоке. Снег и холод помешали также и Красной армии. Она не смогла окружить и уничтожить сколько-нибудь крупную группировку войск оккупантов. (Под Ельцом были окружены и уничтожены основные силы двух пехотных дивизий XXXIV армейского корпуса. В районе Демянска было окружено 6 дивизий (100 тысяч), но позже немцам удалось деблокировать Демянский котел. — Ред.) Гитлер был убежден, что новое наступление, которое начнется после прихода весеннего тепла, покончит с Россией. Германская армия оставалась внушительной ударной силой, несмотря на унижение и увольнение стольких опытных генералов, несмотря на общие потери численностью более миллиона человек (на 5 марта 1942 года, согласно дневнику Гальдера, сухопутные войска Германии на Восточном фронте потеряли 1 005 636 человек, в том числе 210 572 убитыми и 47 303 пропавшими без вести, остальные — раненые, больные — не учитывались. — Ред.)

Но один человек извлек пользу из провала первой фазы «Барбароссы». В Компьенском лесу Гитлер выглядел всемогущим и уверенным в себе. Теперь он все больше искал поддержку со стороны кого-то, кто бы не подвергал сомнению его решения и выполнял его приказы быстро и энергично. В эту зиму разочарований и ожиданий Мартина Бормана стали называть, правда, его отсутствие, «коричневым преосвященством» за троном фюрера (по аналогии с отцом Йозефом в 1577–1638 годах, который был доверенным лицом и советником могущественного «красного преосвященства» кардинала Ришелье, главного духовника французского короля Людовика XIII, которого кардинал полностью контролировал. Теневой деятель, капуцин, искушенный в тайной дипломатии и силовой политике, отец Йозеф получил прозвище «серое преосвященство» из-за цвета своего облачения. Цвет мундира нацистской партии, который носил Борман, естественно, был коричневым. — Ред.).

Эта позиция открыла неограниченные возможности, несмотря на то, что произошло, когда наступило жаркое лето 1942 года. Нацисты сохраняли контроль над большей частью континентальной Европы, для высадки на которую англичане и американцы не располагали достаточными силами. Подводные лодки потопили больше кораблей в Атлантике, чем союзники строили на своих верфях. Роммель и его Африканский корпус,

казалось, были близки к захвату дельты Нила.

Но именно Россию фюрер считал главным театром военных действий. Здесь он возобновил свое амбициозное планирование. Северный участок Восточного фронта у Ленинграда и Москвы должен сохраняться. Основной удар должен быть нанесен на юге, в коридоре между реками Северский Донец и Дон. Целью наступательной операции было ослабление боеспособности России посредством захвата оставшейся части индустриального комплекса в Донецком бассейне, нефтяных скважин Кавказа, пшеничных полей Кубани и Придонья. Захват Сталинграда перекрыл бы последний удобный маршрут, по которому осуществлялись нефтяные поставки в Центральную Россию.

В начале июня 1942 года немецкая армия возобновила свое наступление, стремительность и ярость которого напоминали первые блицкриги. 16 июля Гитлер переехал из «Волчьего логова» в Восточной Пруссии в новую ставку близ Винницы на Украине. Здесь он следил по картам за быстрым развитием возобновившегося наступления с растущим оптимизмом и возбуждением. С ним находились офицеры Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ) и Генштаба, а также Борман.

Борман был единственным нацистским лидером, постоянно пребывавшим в «Вервольфе» («Оборотне»), как называлась ставка фюрера близ Винницы. Гиммлер расположился в 80 милях (120 километрах) в стороне в собственной штаб-квартире СС, устроенной в здании бывшей советской военной академии в Житомире. Геббельс оставался в Берлине, занятый делами его министерства пропаганды и общественного образования. Геринг сторонился «Вервольфа», насколько мог. Фюрер был недоволен им из-за провала попыток люфтваффе принудить Британию к капитуляции. Это недовольство превратилось в гнев, когда королевские ВВС осуществили в ночь на 30 мая бомбардировочный налет на Кельн — впервые, в количестве тысячи бомбардировщиков (в дальнейшем такие налеты, уничтожавшие целые города, станут обычными. — Ред.).

Другие нацистские лидеры занимались делами, которые держали их вдали от «Вервольфа». Здесь Гитлер сосредоточился почти полностью на военных вопросах. Борман разрабатывал методы обращения с российским населением, которое проживало на территориях, удерживавшихся германскими войсками. Усердно разжигая ненависть фюрера к славянам, Борман продолжал поддерживать жестокую политику Эриха Коха вопреки более умеренному подходу Альфреда Розенберга.

Ни Борман, ни Кох не извлекли никаких уроков из опыта

предыдущего года. Не было предпринято никаких попыток вбить клин в отношения между оккупированными народами, особенно в отношения между украинцами и советской властью. Однажды Кох заявил: «Если я обнаружу украинца, удостоившегося сидеть за одним столом со мной, то, видимо, застрелю его». Когда Розенберг упрекнул его за распространенную практику порок украинцев кнутом, Кох ответил: «Верно, около двадцати украинцев полицейские однажды выпороли за саботаж строительства важного моста через Днепр. Я ничего не знал об этом. Если бы знал, сколько упреков вызовет эта мера, то, вероятно, расстрелял бы этих украинцев за саботаж».

22 июля Борман сам проехал по деревням и колхозам, расположенным вокруг Винницы. Он был поражен и удручен при виде большого числа голубоглазых полнощеких детишек. Возвратившись вечером в «Вервольф», он сказал фюреру: «По сравнению с ними наши дети выглядят захудалыми птенцами. Любопытно увидеть, какими будут эти дети, когда станут взрослыми украинцами, с их вульгарными, невыразительными лицами. Меня крайне удивило то, что на этих открытых обширных пространствах так много детей и так мало взрослых. Такая рождаемость может однажды породить трудную проблему, поскольку как раса они гораздо плодовитее нас…» Если этим людям позволить под германским присмотром — то есть в гораздо лучших условиях — размножаться слишком быстро, это нанесет ущерб нашим интересам, поскольку расовое давление этих проклятых украинцев создаст реальную угрозу. Наши интересы заключаются как раз в обратном. А именно в том, что эти территории, до этих пор русские должны быть со временем заселены большим количеством немецких колонистов, но не представителями местного населения.

Гитлер согласился с Борманом и разразился бурным монологом относительно того, как нужно обращаться, по его мнению, со славянами. Борман, в уже знакомой манере, отредактировал замечания фюрера и отослал на следующий день краткое изложение их Розенбергу в качестве политической директивы ставки Гитлера. В частности, Борман отмечал: «Славяне должны на нас работать. Когда в них нет пользы, они могут гибнуть. Поэтому обязательная вакцинация и германские медицинские услуги излишни. Плодовитость славян нежелательна. Они могут использовать предохранительные средства и практиковать аборты, и чем больше, тем лучше. Их образование опасно. Им достаточно считать до ста. В лучшем случае допустимо образование, которое делает из них хороших слуг для нас. Каждый образованный человек — потенциальный

враг. Мы сохраняем для них религию как отвлекающий фактор. Что касается еды, они не должны иметь ее больше, чем необходимо. Мы — хозяева, наши интересы приоритетны». Это фактически разрешило проблему несоответствия подходов Коха и Розенберга. Наконец Борману удалось так искусно скомпрометировать Розенберга в глазах Гитлера, что тот отказывался иметь с ним дело как с рейхминистром по оккупированным восточным территориям. Между тем Борман задействовал другого своего фаворита. Им стал Фриц Заукель, бывший моряк и рабочий шарикоподшипникового завода, который с 1927 года занимал пост гаулейтера Тюрингии.

В марте 1942 года Заукель по протекции Бормана был назначен уполномоченным по обеспечению рабочей силы для германской промышленности. Это звание маскировало подлинную природу функций Заукеля, которая заключалась в том, чтобы устраивать облавы на русских и отправлять их в Германию на принудительные работы.

Когда Заукеля назначили на должность, в рейхе работало около 50 тысяч остарбайтеров (рабочих с востока). Перед тем как его казнили, число подневольных рабочих достигло почти 3 миллионов (на работы в Германию было вывезено 5,27 миллиона, из них умерло 2,6 миллиона. — Ред.). Набор восточных рабочих напоминал время работорговли. Русских граждан отлавливали наугад в собственных домах, на улицах, рынках и в церквях. Проводилась охота на людей в буквальном смысле этих слов. Нежелание подчиниться приказам отправиться на работы в Германию каралось поркой, сожжением домов и даже целых деревень.

Положение восточных рабочих было, однако, не столь тяжелым, как положение военнопленных. Рабочие считались полезными для нацистов, и, как бы варварски с ними ни обращались, большинство из них пережило войну. Из пяти же миллионов солдат, захваченных немцами, едва ли выжил миллион. (Из военнопленных 1941 года мало кто выжил. В дальнейшем немцы их использовали, так сказать, «рачительнее». Из 4 миллионов 559 тысяч советских воинов, пропавших без вести (в основном плен), вернулось 1 миллион 836 тысяч. Плюс 939 700 человек было призвано в армию снова при освобождении. Следовательно, погибло 1 миллион 783,3 тысячи (в это число входит и некоторое количество предателей Родины, а также бежавших после войны на Запад). — Ред.) Одним из тех, кто не выжил, был старший сын Сталина Яков (от первой жены Сталина, урожденной Сванидзе. Ее брат (грузин, женившийся на еврейке) — дед известного телеведущего Николая Сванидзе. —

Ред.).

Рейхсмаршал Геринг, обсуждая тему русских военнопленных с графом Чиано, жаловался министру иностранных дел Италии на то, что, «…съев все, что возможно, включая подошвы своих ботинок, они начали есть друг друга, и, что более ужасно, они ели также немецких охранников».

Трагическая судьба, которая выпала военнопленным, не планировалась, однако, заранее. Рассчитывая на короткую военную кампанию, нацисты не составляли планов на содержание миллионов военнопленных, большинство из которых погибло от голода, болезней, неадекватных укрытий и скорее от общего небрежения, чем злонамеренного умысла. Не так обстояло дело с другим контингентом восточных жителей.

В своей записи в дневнике от 27 марта 1942 года Геббельс отмечал: «Начиная с Люблина евреи генерал-губернаторства (Польши) теперь вывозятся на восток. Процедура несколько варварская и не может быть описана здесь более определенно».

По мере продолжения «процедуры» развивался и блицкриг. 23 августа 6-я немецкая армия достигла Волги к северу от Сталинграда. Она прошла около 500 миль (около 800 километров) с исходного рубежа на Украине (несколько меньше — около 650 километров. — Ред.). В то же время группа армий «А» повела бои в 50 милях (около 10 километров) от основных нефтяных месторождений Советов на Кавказе. (До основных советских нефтепромыслов в Баку было далеко. Автор имеет в виду нефтепромыслы Майкопа и Грозного — месторождения второго порядка. — Ред.)

За линиями фронтов производили свою ужасную работу эйнзацгруппы СС. Тысячи русских военнопленных умирали каждый день под открытым небом. Восточных рабочих отлавливали, погружали в переполненные товарные вагоны и отправляли в Германию. В результате люди искали спасение в присоединении к борьбе против нацистов. Находились даже некоторые нацистские функционеры, которые сомневались в практической целесообразности жестокой политики. Инспектор по Ьооружениям на Украине писал начальству: «Если мы перестреляем евреев, позволим военнопленным умереть, заставим голодать городское население и, вероятно, потеряем в следующем году часть сельского населения из-за голода, то возникает вопрос: кто будет что-нибудь производить на этой территории?»

Подобные возражения мало значили для Гитлера и Бормана, засевших в ставке «Вервольф». Они просматривали военные карты и видели на них, что решающая победа, которая приведет к

установлению «нового порядка», недалеко. 21 августа нацистские флаги были водружены на обеих вершинах горы Эльбрус, высочайшего пика Европы (5642 метра и 5621 мемтра). (Восхождение горных егерей под руководством гаутмана Грота имело сакральный смысл. Эльбрус — священная гора древних арийских народов, главными наследниками которых считали себя германские нацисты. — Ред.)

Через два дня 6-я армия подошла к Сталинграду. Фюрер приказал взять этот крупный индустриальный город, растянувшийся вдоль берегов Волги на 30 миль (почти 50 километров), к 25 августа.

Глава 8
Слухи о положении евреев

Некоторые из немецких генералов пытались дать понять Гитлеру, что германские войска после потерь, понесенных минувшей зимой, не настолько сильны, чтобы развивать два мощных наступления в различных направлениях, на Сталинград и Кавказ одновременно. Генералы советовали ему сосредоточиться на одной главной цели. В частности, Франц Гальдер, начальник Генштаба, пытался указать на растущую опасность советского контрнаступления против германских войск на северном фланге, растянувшемся на сотни миль от Украины до Сталинграда. Этот растянувшийся фланг удерживался лишь итальянскими, румынскими и венгерскими дивизиями. (Автор дает несколько упрощенную картину. — Ред.)

Но фюрер при поддержке Бормана не внимал ни одному из советов. Гальдер отметил в своем дневнике, что «…его решения утратили всякую связь с принципами военной стратегии и оперативного искусства, которые признавались прежними поколениями. Они были продуктом сильной натуры, следующей кратковременным импульсам, натуры, которая не признавала границ возможного и которая принимала желаемое за действительное».

Группа армий «А» к 10 сентября все еще не заняла нефтяные месторождения Кавказа. (Немцы захватили только нефтяные скважины Майкопа, выведенные из строя советскими войсками (и советскими спецслужбами). — Ред.) Как раз в этот день Гитлер сметил ее командующего фельдмаршала Вильгельма Листа. Это встревожило фельдмаршала Кейтеля. «Я не мог понять, — писал он позднее, — кто интригует против Листа, командующего армиями высочайшего уровня, который особо проявил себя во Франции и на Балканах. Мне кажется, что эта охота на ведьм началась со стороны политиков, Гиммлера или Бормана. Другого объяснения найти не могу».

Сам Кейтель, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), жаловался на то, что «не может никому отдать приказ… кроме моего шофера и денщика». Фюрер, по его мнению, страдал «патологическим заблуждением, что его генералы плетут против него заговоры и пытаются саботировать его приказы под жалкими, по его мнению, предлогами».

24 сентября Сталинград (значительная часть. — Ред.) все еще

оставался под контролем русских. Гитлер отреагировал на это смещением начальника Генштаба Гальдера. «Вы и я страдаем нервным расстройством, — говорил фюрер генералу Гальдеру на их последней встрече. — Половиной своего нервного истощения я обязан вам. Так продолжаться не может. Нам нужен сейчас национал-социалистический задор, а не профессиональное мастерство. Я не могу ожидать его от офицера старой школы, каким вы являетесь».

Вскоре после этого фюрер отказался от прежней практики обедов со штабными офицерами за общим столом. Он принимал пищу либо в одиночку, либо с Борманом. Никаких записей разговоров, которые велись в это время, не сохранилось, но всем обитателям ставки «Вервольф» было очевидно, что Борман остался единственным человеком, которому доверял фюрер.

Битва за Сталинград продолжалась. Сражались за каждый квартал, каждый дом, в подвалах и канализации, на территории взорванных заводов, в клубах жгучего, ослепляющего дыма. К началу октября нацисты контролировали большую часть центра города, почти все южные его районы. Через развалины немцы штурмовали промышленные районы в северной части города.

Борман наблюдал за развитием боев по картам в ставке «Вервольф», но у него были там и другие дела. Одно из них касалось «процедуры», которую упоминал Геббельс в своем дневнике. Хотя мероприятие было секретным, слухи о нем стали распространяться по рейху. Чтобы устранить недопонимание и помочь партийному руководству бороться со слухами, Борман издал еще одну из своих многочисленных директив. Она была помечена 9 октября 1942 года и озаглавлена «Подготовительные меры для решения еврейской проблемы в Европе — слухи о положении евреев на востоке».

Борман писал:

«В ходе работы по окончательному решению еврейской проблемы имело место обсуждение населением различных районов рейха «весьма строгих мер», принятых против евреев, особенно на восточных территориях. Расследование показало, что такие разговоры — в большинстве своем основанные на искажениях и преувеличениях — возбуждались солдатами-отпускниками из различных подразделений, дислоцирующихся на востоке и имевших возможность видеть эти мероприятия воочию.

Понятно, что не все немцы по крови могут продемонстрировать достаточное понимание относительно необходимости таких мероприятий, особенно те категории населения, которые не имели возможности видеть собственными

глазами большевистские злодеяния.

Для противодействия формированию слухов в этой связи, которые часто носят преднамеренный и предосудительный характер, передаются для информации нижеследующие разъяснения нынешнего состояния дел.

Приблизительно 2000 лет ведется до сих пор безуспешная война против иудаизма. Лишь с 1933 года мы стали находить способы и средства полного отделения иудаизма от немецких масс…

Поскольку даже наше следующее поколение не будет достаточно близко знакомо с этой проблемой и не сможет больше видеть ее достаточно ясно на основе опыта прошлого и поскольку этот вопрос, который сейчас начали решать, требует прояснения, проблема в целом должна быть все-таки разрешена нынешним поколением.

Полное удаление или изъятие миллионов евреев, проживающих на европейском экономическом пространстве, является поэтому настоятельной необходимостью в борьбе за безопасное существование немецкого народа.

Начиная с территории рейха и кончая остальными европейскими странами, включенными в окончательное решение вопроса, евреи в настоящее время переселяются в большие лагеря, которые уже построены или будут построены на востоке, где они либо будут использованы на работах, либо отправлены дальше на восток. Старые евреи, так же как те из них, которые имеют высокие военные награды, такие как Железный крест 1-го класса или Золотая медаль доблести и т. д., в настоящее время расселяются в городе Терезинштадт (Терезин), расположенном в Протекторате Богемии и Моравии (крепость Терезин, построенная для защиты Австрийской империи Габсбургов в конце XVIII века, в годы Первой мировой войны уже была концлагерем для русинов из Закарпатья и русских пленных. В годы Второй мировой войны здесь создали лагерь для евреев, с жестким порядком и принудительным трудом. Более 150 тысяч евреев прошли через Терезин, примерно пятая часть их здесь попрощалась с жизнью. — Ред.).

Сама природа вопроса предполагает, что такие проблемы, которые отчасти весьма трудны, могут решаться лишь с беспощадной суровостью в интересах конечной безопасности народа».

Так Борман разъяснял «вопрос», о подлинной сути которого имел полное представление. Он понимал, что означают такие вводящие в заблуждение фразы, как «либо отправлены дальше на

восток», и что предпринимается для «окончательного решения еврейской проблемы» по мере приближения Сталинградской битвы к кульминации.

Еще до войны большинство австрийских и немецких евреев были лишены нацистами гражданских прав и вынуждены были эмигрировать. После начала войны многие тысячи из них, которые не смогли эмигрировать, погибли в концентрационных лагерях. Но Восток, под которым нацисты подразумевали Польшу, Прибалтийские страны и оккупированную территорию России, был перед войной средоточием расселения евреев в Европе. Более трех миллионов евреев проживало в Польше, полтора миллиона — на оккупированной территории России. Массовые расстрелы восточных евреев эйнзацгруппами СС происходили начиная с завоевания Польши. В России применялась другая технология уничтожения: передвижные газовые камеры («душегубки» — машины-фургоны), в которые евреи загонялись и уничтожались выхлопными газами по дороге к коллективным захоронениям. (По иронии судьбы «душегубка» была изобретена евреем И. Бергом, начальником АХО управления НКВД по Москве tt Московской области.

С 1936 года такие машины с надписью «Хлеб» везли, например, с Лубянки в крематорий Донского монастыря «классово чуждых» людей, которых по прибытии оставалось только выгрузить и сжечь. В 1939 году Берга расстреляли. — Ред.) Но решение использовать геноцид в качестве активной и тщательно разработанной нацистской политики, очевидно было принято лишь летом 1941 года.

Обсуждение этого решения велось в строго секретной обстановке, очевидно, исключающей записи на бумаге. В нем, видимо, принимали участие лишь Гитлер, Геринг, Борман, Гиммлер и Рейнхард Гейдрих, руководитель Главного управления имперской безопасности (РСХА), которому предназначалась роль центральной фигуры в «окончательном решении» еврейского вопроса.

31 июля 1941 года Геринг, получивший, несомненно, устные указания Гитлера, отослал Гейдриху письменную директиву: «В дополнение к заданию, порученному вам 24 января 1939 года, по разрешению еврейской проблемы посредством эмиграции и выселения… я настоящим приказываю вам осуществить все необходимые приготовления организационного, финансового и материального характера для полного разрешения еврейского вопроса в пределах немецкого влияния… Кроме того, приказываю вам передать мне, возможно скорее, генеральный план, содержащий организационные и практические меры,

необходимые для реализации искомого окончательного решения еврейского вопроса».

Гейдрих взялся за выполнение директивы с присущими ему административной сноровкой, воображением и свирепым рвением. В течение шести месяцев были полностью задействованы организация и материальные возможности, необходимые для осуществления «искомого окончательного решения». На востоке было создано определенное число лагерей уничтожения. Самым большим из них был лагерь Аушвиц (Освенцим) в 37 милях (около 60 километров) к западу от Кракова. Евреев доставляли в сортировочные центры лагерей, где те из них, то не прошел отбора на подневольную работу, умерщвлялись, а их тела сжигались в крематориях. Комендант Аушвица, Рудольф Хёсс, был приятелем Бормана со времени существования организации Россбаха и убийства Кадова.

Гейдрих прекрасно справлялся со своей работой. Ему удавалось все, за что он брался. Тридцативосьмилетний Рейнхард Тристан Гейдрих представлял собой, в отличие от многих других нацистских лидеров, образец физически крепкого нордического типа. Он был высоким, стройным блондином с голубыми глазами, взгляд которых пронзал и гипнотизировал. Отличился как хороший летчик, атлет и опытный фехтовальщик. Его отец завоевал репутацию отличного преподавателя музыки, а Гейдрих, слывший отличником в школе, блестяще играл на скрипке.

Сначала Борман был одним из стойких приверженцев Гейдриха. Но энтузиазм вскоре пропал, когда он начал распознавать в хладнокровном, способном заместителе Гиммлера еще более опасного соперника, чем сам рейхсфюрер СС. 27 сентября 1941 года Гейдриха назначили исполняющим обязанности имперского протектора Богемии и Моравии (большая часть предвоенной Чехии в составе Чехословакии) в дополнение к его другим обязанностям. Это было еще одно назначение, сделанное не без влияния Бормана на Гитлера. Все сообщения Гейдриха из имперского Протектората Богемии и Моравии поступали к фюреру через его союзника Бормана. Однако Гейдрих настолько преуспел в претворении в жизнь «окончательного решения» и управлении протекторатом, что вызвал восхищение Гитлера, а следовательно, зависть и ревность Бормана. Последствия были обычными.

Гейдрих в сопровождении главы управления внешней разведки СС Вальтера Шелленберга прибыл в ставку «Вервольф», чтобы лично доложить фюреру об экономических проблемах Протектората. Им пришлось долго ждать перед бункером Гитлера. Наконец появился фюрер. Его сопровождал Борман.

Гейдрих приветствовал Гитлера нацистским приветствием, затем подождал немного, готовясь спросить разрешение на доклад. Но Гитлер лишь бросил короткий взгляд на Гейдриха. Затем на его лице появилось выражение недовольства. Борман взял фюрера за руку и уверенно и непринужденно повел его обратно в бункер. Гейдрих подождал возвращения Гитлера, но тот больше не вышел.

На следующий день Борман встретился с Гейдрихом и сообщил ему, что фюрера его доклад больше не интересует. Наблюдая их встречу, Шелленберг подумал, что, в то время как Борман самым любезным тоном сообщал об отказе фюрера от встречи, «Гейдрих питал к нему невыразимую ненависть».

По возвращении в Прагу Гейдриха повезли теплым солнечным утром 27 мая 1942 года из его замка за городом через пригороды в аэропорт. Это был его обычный маршрут. Его низкий, зеленый, двухдверный «Мерседес-Бенц» легко узнавали. На каждом из его крыльев развивались вымпелы, один обозначал имперский протекторат, другой — СС. Гейдрих особо не заботился о мерах безопасности, ехал с открытым верхом машины. Он сидел на переднем сиденье рядом со своим шофером, сержантом Кляйном. Когда шофер сбавил скорость, чтобы сделать поворот, неожиданно возник человек и попытался обстрелять автомобиль из автомата «Стэн» через переднее стекло.

Автомат в руках нападавшего отказал — заклинило затвор. Вместо того чтобы увеличить скорость, Кляйн почти остановил машину, когда Гейдрих схватился за револьвер. Второй нападавший в это время закатил под багажник машины большой серый металлический шар. Шар оказался гранатой Миллса специальной конструкции. Взрыв разворотил заднюю часть «Мерседеса» и заставил его остановиться.

Кляйн выпрыгнул из дымящегося автомобиля и погнался за одним из нападавших, так и не догнав его. Гейдрих погнался за другим налетчиком, стреляя в него из своего револьвера, пока не расстрелял все патроны. Налетчик убежал, полагая, что имперский протектор успешно избежал смерти при покушении на его жизнь. Затем Гейдрих вернулся к машине и неожиданно повалился на ее капот. На самом деле он был тяжело ранен. От взрыва гранаты разлетелись осколки стали, частицы конского волоса и другого материала сиденья машины. Все это глубоко проникло в легкие и селезенку Гейдриха. Прибывшая полиция доставила его в госпиталь. Несмотря на тщательный уход, какой только могла позволить медицина Третьего рейха, Гейдрих через девять дней умер в сильной агонии. Он был единственным нацистским лидером, убитым за все двенадцать лет

существования Третьего рейха.

Первой реакцией Вальтера Шелленберга на это событие была мысль о том, что убийство является следствием заговора Бормана. Это лишь подтверждает то, что даже информированные нацисты были готовы поверить в версию о способности Бормана уничтожать своих соперников. На самом деле покушение совершили два чешских агента-добровольца. Их обучили, оснастили и выбросили с парашютами англичане. Позднее они оказались среди 120 членов чешского сопротивления, укрывавшихся в церкви и обнаруженных службой СС. Эсэсовцы всех их уничтожили.

Гиммлер тянул восемь месяцев после гибели амбициозного Гейдриха с назначением преемника на пост руководителя Главного управления СС имперской безопасности, и наконец был найден посредственный функционер, которого можно было легко контролировать. Доктор Эрнст Кальтенбруннер, адвокат и ветеран нацистского движения в Австрии, был человеком пугающей наружности. Его рост составлял почти 7 футов (больше 2 метров). Его мощные, широкие плечи и могучие руки заканчивались маленькими, изящными ладонями, пожелтевшими от никотина. Его вытянутое бесстрастное лицо покрывали шрамы, полученные в результате студенческих дуэлей. Это был заядлый курильщик, начинавший принимать алкоголь рано утром и доходивший до невменяемого состояния, перед тем как упасть ночью в постель. Кальтенбруннер походил на хладнокровного интеллигента Гейдриха лишь в рвении, с которым осуществлял «окончательное решение» еврейского вопроса. Это был не тот человек, которого Борману следовало опасаться.

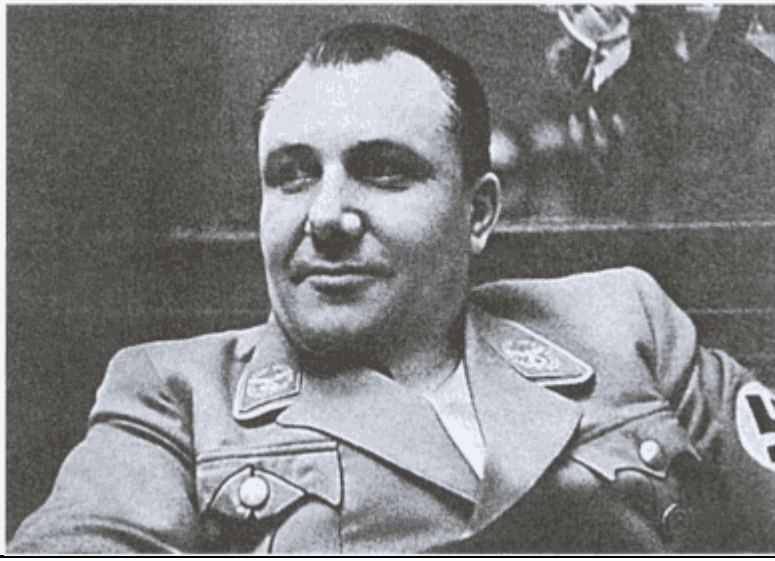
Дело Гейдриха пережило его самого. Он так эффективно проявил себя технологом «окончательного решения», что запущенный механизм уничтожения бесперебойно работал на полных оборотах даже тогда, когда Борман почувствовал необходимость издать директиву, направленную на противодействие слухам о «положении евреев на востоке».

Герда Борман, которая была столь же привержена нацизму, как и ее муж, однажды писала ему: «Каждый ребенок должен понимать, что евреи являются абсолютным злом в этом мире и что с ними следует бороться любыми средствами». На что Мартин Борман ответил: «Совершенно верно».

Однако Борман никогда не утруждал себя личной проверкой конечных результатов подобного образа мышления.

Мартин Борман в начале 1930-х гг.,

когда он был молодым нацистским функционером

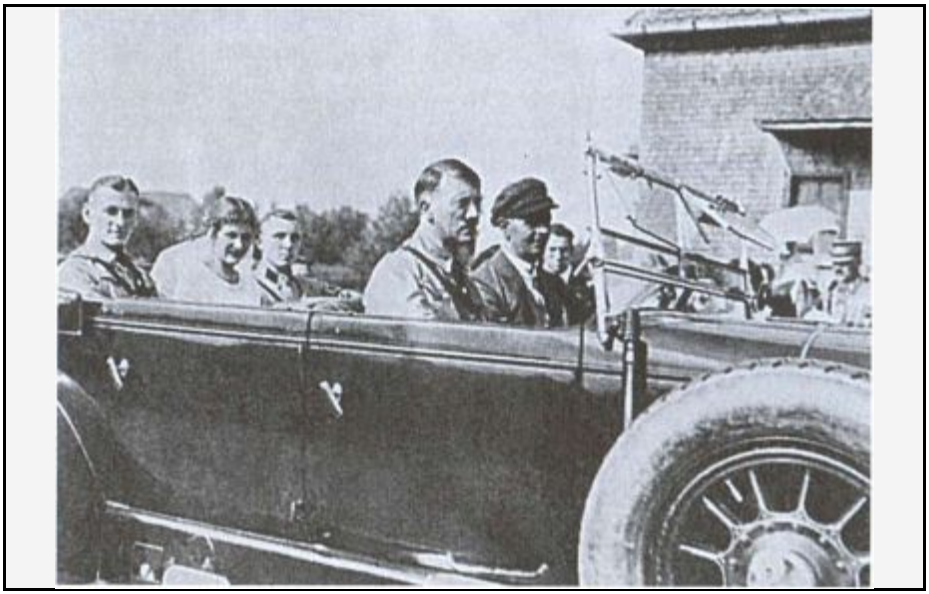


Мартин Борман в 1935 г.,

когда он стал главой канцелярии нацистской партии. Он снят во время приема партийных функционеров в имперской канцелярии

Мартин Борман в 1944 г.

Он — глава канцелярии нацистской партии и секретарь фюрера



Женитьба Бормана в 1929 г.

На заднем сиденье: отец невесты, майор Вальтер Бух; невеста, Герда Бух; жених, Мартин Борман. На переднем сиденье: рядом с шофером — свидетель (Гитлер)

Гитлер и Борман

на фоне дома Бормана в Оберзальцберге в предвоенное время

Мартин Борман и Рудольф Гесс в 1935 г.

Перерыв в ходе Мюнхенской конференции 1938 г.

Впереди: Гитлер и Борман. Позади в черной форме: Гиммлер

Борман, Гитлер и Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел Третьего рейха, вероятно, во время войны

Борман, генерал от авиации Карл Боденшац, адъютант Гитлера, и Геринг в «Вольфшанце» («Волчьем логове») в Восточной Пруссии в 1944 г.

Геринг, Гитлер и Борман

в «Волчьем логове» в Восточной Пруссии в июле 1944 г., вскоре после неудачной попытки группы армейских офицеров уничтожить фюрера взрывом бомбы

Борман, фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, и Гитлер

в «Волчьем логове» в Восточной Пруссии в 1944 г.

В Освенциме тысячи евреев (и неевреев. — Ред.) ежедневно отправлялись на тот свет.

Иногда заключенных подвергали «допросам с пристрастием» на «качелях Богера». Это был один из видов пыток. Жертве приказывали поместить связанные руки на согнутые колени. Затем между локтями и коленями вставляли стержень, концы которого помещали на столы. Пленник повисал беспомощно между столами, головой вниз и так раскачивался, пока по его ступням, ягодицам и гениталиям били кнутом.

Ни Гитлер, ни Борман не присутствовали во время таких сцен. Нет документированных свидетельств о том, что кто-нибудь из них посещал Освенцим или какой-нибудь другой концентрационный лагерь. Запустив план «окончательного

решения», Гитлер поручил его выполнение подчиненным. Он был слишком озабочен своей ролью Верховного главнокомандующего и достижением решающей победы в Сталинграде, чтобы утруждаться инспекционными поездками туда, где еврейская проблема, видимо, успешно решалась. Борман же, как обычно, следовал примеру фюрера.

В последний день октября 1942 года Гитлер, Борман, личный состав Генштаба и Верховного главнокомандования вермахта оставили ставку «Вервольф» на Украине и перебрались в «Вольфшанце» в Восточной Пруссии. Девять десятых Сталинграда теперь находилось в руках немцев. Хотя Гитлер осознавал опасность, угрожающую северному флангу (а также южному флангу — и там и там позиции занимали румынские армии, хотя в тылу их размещались и немецкие соединения. — Ред.) немецкой 6-й армии, он убеждал себя, что русские не будут наступать здесь и что зимнее наступление русских, скорее всего, произойдет на северном и центральном участках Восточного фронта. Эту проблему ему удобнее было решать из Восточной Пруссии.

Гитлер был так невнимателен к разведывательным донесениям о действительной подготовке русскими контрнаступления через реку Дон в тыл 6-й армии, что 7 ноября отправился поездом в Мюнхен. Там, вечером 9 ноября, он намеревался выступить с ежегодным обращением к ветеранам нацистской партии в связи с очередной годовщиной пивного путча.

Гитлер, действительно, произнес зажигательную речь в пивном зале L wenbrau. Он убедительно говорил об обстановке в Сталинграде. Затем они с Борманом и генералами Верховного командования вермахта и Генштаба потянулись в Берхтесгаден. Это дало возможность Борману провести некоторое время с женой и детьми. Он мог также поразмышлять над сообщениями о высадке 7 ноября британских и американских войск под командованием генерала Эйзенхауэра во французской Северной Африке и их продвижении к границе с Тунисом. Под Эль-Аламейном в Египте британская 8-я армия под командованием генерала Монтгомери была близка к разгрому потрепанного Африканского корпуса Роммеля. (В ходе наступления 23 октября — 4 ноября 1942 года британские войска (10 дивизий и 4 отдельные бригады, всего 230 тысяч человек, 1440 танков, 2311 орудий и 1500 самолетов) прорвали фронт немцев и итальянцев (на 60 километров фронта 4 немецкие и 8 итальянских некомплектных дивизий, всего около 80 тысяч человек, 540 танков, 1219 оружий и 350 самолетов). Роммель был вынужден спешно отступать, бросив итальянцев, потеряв 55 тысяч убитыми,

ранеными и пленными, 320 танков и около 1000 орудий. — Ред.) И, усиливая недовольство Гитлера и Бормана фельдмаршалом Герингом, люфтваффе оказались неспособными противодействовать бомбардировкам самолетами британских королевских и американских ВВС германских городов и промышленных центров, ежедневно наращивавших военное производство. Требование Гитлера напасть на Россию до уничтожения Британии теперь выглядело непоправимой ошибкой.

Но предстояло узнать о вестях похуже, вестях достаточно скверных, чтобы поколебать веру в фюрера и нацистский «новый порядок» даже таких упертых его последователей, как Мартин Борман. В Бергхофе 19 ноября Гитлер узнал, что ударные группировки Красной армии, прорвав фронт, повели наступление к северу и югу от Сталинграда. 22 ноября он вернулся с Борманом в «Вольфшанце». Вечером того же дня Гитлер узнал, что Красная армия окружила двадцать немецких и две румынские дивизии между Волгой и Доном (кроме того, в окружение попали 100-й хорватский полк и 149 отдельных немецкие частей всех родов войск. — Ред.).

Имелся лишь один способ спасения 230-тысячной 6-й армии (в окружение попало 330 тысяч. — Ред.). Она должна была пробиться из Сталинграда и соединиться с 4-й танковой армией, располагавшейся в 30 милях (около 50 километров). Гитлер не пожелал этого, хотя наступала другая суровая русская зима. Он приказал голодным, измученным войскам, не имевшим зимней одежды (ко второй зиме немцы подготовились. — Ред.), оставаться на месте и сражаться до последнего человека. Трагический итог был неизбежен.

«Мы остались одни, без помощи извне. Гитлер оставил нас на произвол судьбы», — писал немецкий солдат в письме, доставленном на последнем самолете, вылетевшем из Сталинграда в январе 1943 года. Другой солдат писал: «Правда состоит в том, что это самая удручающая борьба в безнадежной обстановке. Страдания, голод, холод, отрешенность, сомнения, отчаяние и ужасная смерть». И еще письмо: «Я верил фюреру и его словам. Ужасно, что здесь сомневаются в нем, и стыдно слушать то, что говорят, не имея возможности возразить, потому что факты на их стороне».

3 февраля 1943 года младший лейтенант Герберт Кунц пролетел над Сталинградом на бомбардировщике «Хейнкель». Он был последним немецким пилотом, летавшим в небе над городом. Когда он опустился сквозь плотный туман на высоту 300 футов (чуть больше 9 метров от земли), дымка неожиданно рассеялась. Кунц ясно увидел разрушенный и заваленный

обломками город, в котором сохранились лишь отдельные стены и трубы. Однако он не обнаружил где-либо признаков боев. (Все было кончено 2 февраля. Только за период с 24 января по 2 февраля погибло более 100 тысяч немцев. В нем сдалось 91 тысяча. — Ред.)

В тот же день немецкое радио прервало передачи продолжительной и приглушенной дробью барабанов. Диктор зачитал мрачным голосом специальное коммюнике Верховного главнокомандования вермахта:

«Битва за Сталинград завершилась. Верная присяге сражаться до последнего дыхания, 6-я армия под беспримерным командованием фельдмаршала Паулюса была побеждена превосходящими силами противника и неблагоприятным стечением обстоятельств».

За сообщением последовало исполнение второй части Пятой симфонии Бетховена и объявление четырехдневного траура.

Полный разгром 6-й армии произвел глубокое и удручающее впечатление на Гитлера. (Были разгромлены также 4-я танковая немецкая, 3-я и 4-я румынские и 8-я итальянская армии. Немцы и их союзники потеряли убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,5 миллиона солдат и офицеров — 1/4 часть сил, действовавших на советско-германском фронте. — Ред.) Но эта катастрофа, как случилось прежде с неудачей первой фазы осуществления плана «Барбаросса», не поколебала веру Мартина Бормана в фюрера и снова произвела любопытный побочный эффект, усиливший влияние Бормана.

Глава 9
Секретарь фюрера

После Сталинграда Гитлер стал отшельником. Пламенный оратор произнес всего четыре речи на публике. Он редко выходил за пределы своей отдаленной ставки «Вольфшанце». Там он выслушивал только тех, которые говорили ему то, что он хотел слышать, и оберегали его от реальности (это не вполне соответствует действительности, Гитлер, в частности, принимал героев-фронтовиков и имел с ними откровенные беседы. — Ред.).

Борман, Кейтель и Йодль были единственными важными нацистскими персонами, с которыми Гитлер виделся регулярно. Гиммлер, Геббельс, Геринг и разные военачальники наведывались в «Вольфшанце» периодически, как и некоторые другие лица, чье сотрудничество с Гитлером не позволяло избегать личных встреч с ним.

Всем посетителям необходимо было сначала получить аудиенцию у Бормана. Затем процедура посещения предусматривала прибытие на третий пояс безопасности. Он представлял собой забор из колючей проволоки, по которой пропускали электрический ток. В проходе через этот пояс охранники СС проверяли документы. Если документы были в порядке, посетитель проезжал по узкой асфальтированной дорожке в такую темную глубину леса, что туда даже в середине лета редко проникали солнечные лучи. С поздней осени до начала весны видимость затрудняли либо снег, либо испарения от сырой земли. По обе стороны дорожки виднелись долговременные огневые точки и патрульные СС с собаками. Противопехотные мины, естественно, были скрыты от наблюдения.

Проехав 2 мили, посетитель попадал на второй пояс безопасности, где его ожидали, получив телефонный звонок с контрольно-пропускного пункта третьего пояса безопасности. Проехав второй забор из колючей проволоки, через которую проходил электрический ток, посетитель вскоре замечал первые признаки человеческого обитания. Справа от дорожки находилось несколько невысоких бетонных сооружений, тщательно закамуфлированных при помощи краски и кустов, посаженных на крышах сооружений. Ими заменили прежние дачи в швейцарском стиле из опасения воздушных налетов. В сооружениях помещались информационное бюро главы пресс-службы рейха, радио- и телефонная станция, а также жилые помещения Кейтеля,

Йодля и менее высокопоставленных офицеров. По мнению Йодля, общая атмосфера «Вольфшанце» выражала нечто среднее между монастырем и концентрационным лагерем.

Слева от дорожки находились еще два бетонных сооружения. В одном помещались сотрудники СС, в обязанности которых входила охрана фюрера. В другом квартировал Мартин Борман. От его жилища всего на несколько сот ярдов отстоял первый пояс безопасности. Это был еще один забор из колючей проволоки с пропущенным по ней электрическим током, высотой 7,5 футов (2,3 метра). Лишь немногим людям позволялось увидеть всего три здания за забором.

Одно здание представляло собой большую одноэтажную деревянную постройку, укрепленную бетонной обшивкой. В этом здании помещался оперативно-картографический центр, в котором ежедневно проводились совещания по военным вопросам. Рядом располагался большой деревянный питомник. Здесь обитала Блонди, немецкая овчарка, подаренная Борманом Гитлеру с целью взбодрить его после Сталинграда. Овчарка была единственным живым существом, к которому фюрер был способен проявлять подлинную нежность.

Последнее здание представляло собой бункер фюрера № 1, бомбоубежище, вырытое в земле и защищенное слоем бетона толщиной 5,5 метра. Три его помещения были обставлены в основном простейшими видами мебели. Здесь проживал человек, который подошел очень близко к осуществлению своего стремления стать хозяином Европы и который продолжал упорствовать в реализации планов установления нацистского «нового порядка».

Посетитель, который наблюдал фюрера в дни его триумфа, был бы шокирован внешним видом Гитлера. В 1943 году ему исполнилось 54 года, но выглядел он по крайней мере на десять лет старше. Лицо фюрера приобрело пепельный цвет и осунулось. Глаза с налетом усталости и изможденья пытливо смотрели на посетителя, но все же излучали странный магнетизм. Ходил он сутулясь. Левая рука и нога дрожали. Борясь с дрожью, Гитлер прислонял левую ступню к любому удобному объекту и придерживал левую руку правой. Вспышки его гнева были внезапными, частыми и ужасными.

Одну из этих вспышек пережил генерал Хайнц (Гейнц) Гудериан. Позднее он писал: «Подняв сжатые в кулаки руки, со щеками полыхающими от гнева, дрожа всем телом, этот человек остановился передо мной, вне себя от ярости и полностью потеряв самоконтроль. После каждой вспышки гнева Гитлер мерил крупными шагами от края до края ковер, затем внезапно

останавливался передо мной и бросал мне в лицо новые обвинения. Он почти переходил на крик, глаза, казалось, вываливались из орбит, на висках вздувались вены».

Неудачи и нагрузки, выпавшие на долю Гитлера, сломили бы многих из людей, но он усугублял их нездоровым образом жизни. Фюрер покидал подземный бункер лишь для военных совещаний или для коротких прогулок с Блонди. Такие выходы были его единственным физическим упражнением. Поздно вечером в бункере фюрера собирались на чай несколько его ближайших соратников. В это время Гитлер часами рассуждал на разнообразные темы, например о своей юности в Вене, первых годах борьбы нацистской партии, значении истории, судьбе человека, музыке Вагнера, расах. Не допускалось никакого упоминания о войне.

Борман позаботился о том, чтобы эти «застольные беседы» записывались от руки подобранной им стенографисткой. Как единственный надежный толкователь мыслей фюрера, Борман прочитывал записи его монологов, иногда поправляя их или добавляя собственные комментарии перед тем, как их хранить у себя. В конце концов «застольные беседы», формально известные как «Записи Бормана», составили 1045 печатных страниц, во главе которых он написал: «Записи чрезвычайной важности для будущего. Хранить самым тщательным образом».

Гитлер часто говорил до зари. Затем спал до начала военных совещаний в полдень. Кроме того, он попал в полную зависимость от врача-шарлатана, вульгарного и раболепствующего доктора Теодора Мореля, который промышлял изготовлением патентованных лекарств под патронажем фюрера.

Морель опробовал на своем пациенте по крайней мере двадцать восемь микстур, часть из них полезных, часть — вредных. Группа профессиональных врачей сочла, что одно из лекарств Мореля, состоявшее из смеси белладонны и стрихнина, постепенно отравляло фюрера. Гитлер отмахнулся от нее и продолжал пользоваться услугами Мореля, который услужливо снабжал своими снадобьями большинство других представителей узкого круга собеседников в «Волчьем логове». Борман воздерживался от употребления этих снадобий. В свои 43 года, здоровый и крепкий, хотя и мучившийся иногда головными болями, глава партийной канцелярии держался подальше от гротескового шарлатана, который прислуживал слабеющему фюреру.

Несмотря на частое употребление лекарств и ведение нездорового образа жизни, нельзя исключать того, что моральная и физическая деградация Гитлера происходила главным образом

из-за прозаического нервного расстройства, которое поражает, без всяких предварительных симптомов и признаков, миллионы людей в возрасте 50–60 лет. Из множества врачей, лечивших Гитлера в то или иное время, ни одному не было позволено подвергнуть его тщательному клиническому обследованию. Но некоторые врачи полагали, что он демонстрировал очевидные внешние симптомы болезни Паркинсона.

Конкретная причина болезни фюрера неизвестна. Она не связана с каким-либо видом деятельности, конкретным местом проживания или расовой принадлежностью. Она подкрадывается медленно и незаметно. По мере прогрессирования эта болезнь характеризуется дрожью конечностей и онемением определенных мышц. Пораженные нижние конечности больного не дают ему возможности бегать. Такой больной страдает припадками тревоги и нервной депрессии, а также часто дает волю истерическим вспышкам.

Онемение затрагивает, в частности, лицевые мышцы, вызывая неподвижность, квалифицируемую как явная «маска Паркинсона». Болезнь серьезно снижает дееспособность, но редко приводит к фатальному исходу. Нет проверенных способов лечения, которые могут замедлить течение болезни или избавить от нее.

Стал ли Гитлер жертвой болезни Паркинсона, или его недуг имел неизвестное происхождение, но он перестал быть человеком, каким его знали прежде. И по мере усиления болезни фюрер все больше попадал под влияние своего энергичного секретаря. Теперь Борман полностью доминировал в окружении Гитлера. Постоянно находясь при фюрере или появляясь по первому требованию, Борман стал единственным каналом связи с Гитлером, хранителем его секретов, лицом, издающим от имени вождя приказы.

«Предложения Бормана так точно формулируются, — заметил однажды Гитлер одному помощнику, — что мне нужно только сказать «да» или «нет». Вместе с ним я справляюсь за десять минут с горой документов, из-за которых другие отнимают у меня целые часы. Когда я прошу его напомнить мне о делах шестимесячной давности, то могу быть уверенным, что он выполнит это».

Вальтер Шелленберг, начальник политической разведки службы безопасности (6-е управление РСХА), признавая таланты Бормана, весьма цинично оценивал способ их реализации. «Он обладал способностью упрощать сложные вопросы, коротко о них докладывать и выделять существенные моменты в нескольких ясных фразах, — вспоминал позднее Шелленберг. — Он делал это настолько умело, что даже его самые короткие доклады

содержали в подтексте решение».

Подталкивал ли Борман фюрера к тому, что хотел сам? Гитлер так не думал. Фюрер не терпел жалоб в адрес своего секретаря. «Я знаю, что он груб, — говорил Гитлер, — но все, за что он берется, выполняется. Я могу вполне опереться на это. Со своей грубостью и беспощадностью он всегда следит за тем, чтобы мои приказы выполнялись». Видимо, фюрер полагал, что Борман единственный человек, на которого он всегда мог рассчитывать. Прежние друзья и сторонники не оправдали его ожиданий, а некоторые из них выбыли из строя.

Эрнста Рёма убили по приказу Гитлера. Гаулейтера Франконии Юлиуса Штрайхера, развратника, садиста, совершавшего марш вместе с Гитлером, Гессом и Герингом во время пивного путча 1923 года, пришлось отстранить от должности в 1940 году, когда его поведение приняло слишком скандальный характер даже среди нацистов. Гесс содержался пленником в Англии. Геринг сильно располнел и стал слишком много потворствовать своим желаниям. Его облачения становились все более экстравагантными. Во время визита в Италию Геринг, по описанию министра иностранных дел этой страны Чиано, появлялся в «большой соболиной шубе, чем-то среднем между той, что носили автолюбители в 1906 году, и той, что надевали проститутки во время посещения оперы». Геринг больше не воспринимался Гитлером всерьез после того, как люфтваффе оказались неспособными доставлять грузы продовольствия и всего остального окруженным в районе Сталинграда. Но он продолжал вести сибаритский образ жизни, и Борман, живший в суровой обстановке «Вольфшанце», презирал Геринга за это. Фрау Геринг была убеждена, что Борман устроил прослушивание телефонов Геринга в Берхтесгадене и слышал все их приватные разговоры с мужем.

Военные стали теперь просто послушными исполнителями воли Гитлера или объектами его мстительной злобы. Гиммлер, «верный Генрих», до определенной степени сохранял расположение фюрера, но даже его положение не было прочным. Почему — полагал, что знал это обергруппенфюрер (соответствует генералу рода войск в вермахте и генерал-полковнику в Красной армии. — Ред.) Готтлоб Бергер, руководитель Главного административного управления СС (то есть заведовал и всеми концлагерями). «В 1942 году началось это ужасное недоверие Гитлера, — рассказывал Бергер позднее, — и в ряд лиц, не заслуживающих доверия, он включил также Гиммлера. Борман делал вид, что не замечает этого. Некоторые люди называли такую политику умной, но я скажу, что это крайне

недостойная политика. Ведь он искусно ухитрялся добиться всего, представляя многие вещи Гитлеру в определенном свете. До этого Гиммлер ощущал себя весьма могущественным деятелем, и вдруг он почувствовал, что это совсем не так… В это время он был так не уверен в себе, что хотел как-то связаться с Борманом или, скорее, подчиниться Борману».

Реалистичный Геббельс начал поиски компромисса с Борманом без особой надежды на успех. «Я заметил впервые, — писал в своем дневнике секретарь Геббельса Рудольф Заммлер, — что Геббельс признается доверенным лицам в своем бессилии одолеть Бормана. Он стремился не допустить, чтобы между ним и главой партийной канцелярии возникло хоть какое-то недоразумение. Как он непоследователен! Еще позавчера он пренебрежительно отзывался о среднем интеллектуальном уровне Бормана. Он называл его примитивным гэпэушником. (ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) являлось в СССР в 1923–1934 годах ведомством, перед которым стояла задача борьбы с контрреволюцией, включая шпионаж. До 1923 года называлось ГПУ, до 1922-го (с декабря 1917-го) — ЧК. В 1934 году ОГПУ было упразднено и создано ГУГБ (Главное управление государственной безопасности в системе НКВД СССР). — Ред.) Сегодня обнаруживается, что он боится Бормана».

Менее высокопоставленные, чем Геббельс, фигуры старались лишний раз не встречаться с Гитлером, которого опекал Борман. Одним из таких людей был Генрих Хоффман, личный фотограф Гитлера и человек, который познакомил фюрера с Евой Браун. Хоффман был закадычным другом Гитлера со счастливых предвоенных времен. Для близких друзей фюрер был тогда обаятельным парнем, верным дружбе, любящим собак и детей. Он удовлетворялся простыми удовольствиями, такими как венское печенье и конфеты.

Когда военная ситуация ухудшилась, Борман решил, что весельчак Хоффман отнимает у Гитлера слишком много времени. Он избавился от Хоффмана тем, что заставил ипохондрика Гитлера поверить ложной версии, будто его придворный шут болел заразной болезнью. Но однажды Хоффман все-таки прибыл в «Вольфшанце» из Вены, где отобедал с гаулейтером города, своим племянником Бальдуром фон Ширахом. Фотограф передал Гитлеру послание от фон Шираха. Суть послания заключалась в том, что Борман взял на себя ответственность рекомендовать гаулейтеру забыть об организации противовоздушной обороны Вены, поскольку это посеет среди населения города ненужное беспокойство.

«Гитлер, видимо, отнесся к этому посланию как к завуалированной критике Бормана, — писал позднее Хоффман, — потому что он набросился на меня с резкой отповедью. «Усвой это с полной ясностью, Хоффман, и скажи своему племяннику! — кричал фюрер. — Мне нужен Борман, чтобы выиграть эту войну! Совершенно верно, он беспощаден и груб… но остается фактом, что все, один за другим, не смогли беспрекословно подчиняться моим командам — но только не Борман!»

Голос Гитлера усилился до крика. Он пытливо взглянул мне в лицо, как если бы его слова относились ко мне лично. «Каждый, не важно кто, должен ясно понимать одно: кто выступает против Бормана, выступает также против государства! Я их всех перестреляю, даже если их десятки тысяч, так же как перестреляю тех, которые мямлят о мире! Будет гораздо лучше, если несколько тысяч жалких и тупых ничтожеств будут ликвидированы, чем семидесятимиллионный народ потащат к гибели».

Раньше я не слышал, чтобы Гитлер говорил в таком тоне, никогда в жизни я не видел таких диких и ненавидящих глаз».

С начала 1943 года Борман стал членом «комитета трех», куда входили также Кейтель и Ганс Хайнрих Ламмерс, глава имперской канцелярии. Все предложения относительно военных усилий должны были пройти экспертизу «трех мудрецов с Востока», как называл их Геббельс. Члены комитета решали, какие из предложений следует передать на рассмотрение Гитлера.

Геббельс не был способен использовать какого-либо из «трех мудрецов» в своих интересах, поэтому он попытался, без успеха, подтолкнуть Геринга к использованию его номинальных возможностей для преодоления их влияния. 2 марта 1943 года Геббельс отразил в своем дневнике мнение Геринга о тех, кто заместил его в качестве доверенных лиц фюрера: «Он ненавидит Ламмерса до глубины души. Считает его бюрократом, пытающимся увести рейх назад в распоряжение министерской бюрократии… Кейтель, по мнению Геринга, абсолютный нуль, его нельзя воспринимать всерьез… Что касается Бормана, Геринг не уверен в его подлинных намерениях. Несомненно, однако, что он преследует амбициозные цели…»

Ни Геббельс, ни Геринг, ни кто-либо еще не был в состоянии определить «истинные намерения» Бормана. Он ни с кем не был искренен, кроме Гитлера. Его частые беседы с фюрером проходили в приватной обстановке и не записывались. Таким образом, только сам Борман и Гитлер были единственными

людьми, способными точно охарактеризовать роль Бормана в Третьем рейхе — был ли он просто фанатически преданным помощником фюрера или он преследовал свои собственные цели.

Не в характере Бормана было выдавать, хотя бы намеком, свои личные чувства, кроме как собственной жене. Она жила в их комфортабельном доме недалеко от Бергхофа в Оберзальцберге, пока он находился с фюрером. Жене Бормана ее муж казался не циничным интриганом, а образцовым супругом и отцом, любящим ее и Гитлера.

Герда Борман оставалась верной женой нациста, родив десять детей, один из которых умер в младенчестве. Она соглашалась с мужем в том, что евреи ответственны за большинство пороков мира. Соглашалась с ним в том, что их детям не следует позволять заражаться «ядом» христианства.

Во время долгой разлуки Борманы переписывались. В его письмах Герда читала о том, что он восхищается и любит ее. Он адресовал ей разные нежные слова: «моя любимая девочка», «моя любимая Герда», «любимая, сладкая, дорогая женушка», «Мамочка». Она могла прочесть, что является самой «прекрасной» из всех женщин и «славной, чудной женщиной, бесконечно любимой».

У Герды Борман не было оснований подозревать супруга в неверности. Не было у нее также оснований подозревать, что ее муж был виновен в «грязных, лживых и тайных поступках в отношении фюрера», о которых позднее говорил Герман Геринг.

В июне Гитлер прибыл на несколько недель в Бергхоф. Разумеется, Борман сопровождал его. Когда они вернулись в Восточную Пруссию, Герда Борман писала мужу о «чудных неделях, которые нам выпало провести вместе… Мы так любим тебя, все мы. Твоя мамочка и все твои дети».

Борман мог тоже вспоминать эти недели с нежностью, поскольку, вернувшись в Восточную Пруссию, он и Гитлер стали получать все более мрачные военные вести. Еще в мае был разбит Африканский корпус, британские и американские войска взяли в плен 275 тысяч солдат стран оси. (По одним данным, 240 тысяч, по другим, более достоверным, — 130–150 тысяч — Ред.) Теперь, в июле, они захватили Сицилию и приготовились вторгнуться на территорию Южной Италии. 5 июля в России была предпринята еще одна попытка наступления (грандиозная Курская битва 5 июля — 2 августа 1943 года. — Ред.). Она быстро выдохлась, и Красная армия перешла в контрнаступление. Но 9 августа Борман писал жене: «Восхитительно наблюдать полное спокойствие на лице фюрера в связи с фантастическими осложнениями на востоке, юге и так далее! Предстоящие месяцы обещают быть

очень трудными, настало время держаться с железной решимостью…»

Теперь действительно настало время поисков способа окончания войны, прежде чем Германия не дошла до полного разрушения. Но Гитлер, погруженный в свой мир фантазий, все еще верил в возможную победу. А Борман, видимо, еще верил в фюрера. Оба они находились в относительной изоляции в «Волчьем логове». Они не совершали инспекционные поездки на линию фронта или к дымящимся развалинам немецких городов, разрушавшихся в результате воздушных налетов, предотвратить которые ослабевшие люфтваффе больше не могли. (Гитлер, ранее весьма активно перемещавшийся, в том числе и в прифронтовых районах, с конца 1942 до ноября 1944 года в основном жил в «Волчьем логове» (хотя, например, весной 1943 года вылетал в Запорожье, когда в нескольких километрах от него шли бои с прорвавшимися советскими танками), он был в курсе всех дел. Регулярно проводились встречи с фронтовиками-героями, где откровенно и подробно обсуждались нараставшие проблемы. — Ред.)

Борман, однако, узнавал косвенным путем о разрушениях, которые причиняли воздушные рейды авиации союзников, потому что 2 августа он писал жене: «Я просмотрел огромное число действительно ужасных фотографий из Гамбурга (около 700 бомбардировщиков королевских ВВС совершили ночные налеты на Гамбург 24, 27 и 29 июля. — Ред.), которые свидетельствуют о том, что случилась настоящая катастрофа. Людям нечем было дышать в задымленных убежищах — большой город был превращен в настоящее море огня, дыма, — и они выбегали на улицы, где был такой же огонь и дым. Там загорались шелковые чулки и платья женщин, они сгорали заживо или задыхались от дыма вместе с детьми…»

Борман отреагировал на такие фотографии, чтобы посоветовать жене найти убежище в Оберзальцберге на случай, если там прозвучит воздушная тревога. Война продолжалась. Продолжались и воздушные налеты. То же происходило с «окончательным решением». Товарные вагоны и вагоны для перевозки скота, набитые отловленными в облавах евреями, по распоряжению оберштурмбаннфюрера (подполковника) СС Адольфа Эйхмана, мелкого бюрократа, чье имя мало что значило для такого высокопоставленного деятеля, как Борман, регулярно прибывали в Аушвиц (Освенцим), Треблинку, Собибор и другие лагеря смерти на востоке. Из труб крематориев лагерей поднимался к небу густой черный дым, унося с собой запах горелой плоти. В Аушвице один еврей, понявший, что обречен,

написал кровью на стене барака: «Андреас Рапапорт — прожил шестнадцать лет».

28 октября Борман писал жене: «Моя милая малышка Герда, нежно признателен тебе и детям за прекрасные дни, которые вы мне подарили. Я переполнен счастьем оттого, что ты существуешь, ты и каждый из детей. Берегите себя».

Через месяц после написания этого письма Борман отправил директиву в штаб Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), порицая армию за отношение к русским военнопленным. В директиве отмечалось, что войска недостаточно жестоки. Некоторые из солдат, выделенных для охраны, позволяли себе защиту пленных. Этого нельзя допускать. Поэтому Борман распорядился изъять пленных из ведения армии и передать их под надзор СС.

28 ноября, в день, когда Борман отослал эту директиву в штаб ОКВ, Сталин, Рузвельт и Черчилль начали первое совещание «Большой тройки» на конференции в Тегеране. Они понимали, что впереди предстоит трудная борьба, но ее исход был предрешен. «Большая тройка» обсуждала будущее Восточной Европы и согласилась на том, что англо-американские войска высадятся на побережье Франции будущей весной. Попутно в Тегеране обсуждался вопрос о том, как поступить с нацистским руководством после войны.

Способ решения проблемы Сталиным был прост. Он выступал за расстрел 50 тысяч ключевых военных и гражданских функционеров. Черчилль возражал против массовых казней, но Сталин настаивал. «Должно быть расстреляно, — говорил он, — пятьдесят тысяч». — «Может, сорок девять тысяч будет достаточно», — предложил Рузвельт, вероятно, пытаясь в шутливой манере снять напряжение.

В Тегеране не было принято конкретных решений относительно послевоенной судьбы нацистского руководства. Но то, что его ждет какое-то наказание, было очевидно. Еще раньше, в октябре 1943 года, на Московской конференции в Москве представители СССР, США и Великобритании подписали Московскую декларацию, которая, в частности, содержала предупреждение: «Пусть те, чьи ряды еще не обагрены кровью невинных, избегают присоединяться к рядам виновных, так как союзные державы будут обязательно преследовать их в самых отдаленных уголках планеты и доставлять их к судьям, чтобы торжествовала справедливость».

Далее Московская декларация гласила:

«1. Военные преступники, которые упорствовали в

своих преступлениях на определенной территории, будут передаваться заинтересованным странам для суда в соответствии с их законами.

2. Военные преступники, чьи преступления не могут быть локализованы географически, поскольку затрагивают несколько стран, будут караться на основе общего решения союзников».

Московская декларация, однако, не оказала никакого влияния на деятельность Мартина Бормана. Когда наступил 1944 год, решающий год войны и судьбы нацистской Германии, он продолжал вести себя как человек, уверенный в том, что Третий рейх выживет. 30 мая 1944 года он разослал секретное письмо партийным функционерам, запрещающее полицейские меры и привлечение к уголовным судам немецких граждан за расправы (убийства) летчиков союзников, которые выбрасываются на парашютах и приземляются на германской территории.

В течение 1944 года Борман уделял также внимание двум личным проблемам. Одна из них касалась Генриха Гиммлера, рост «империи» СС которого угрожал верховенству Бормана и нацистской партии. Конфликт между двумя лидерами становился неизбежным, а его исход должен был определить, кто был в действительности второй самой могущественной фигурой в Третьем рейхе.

Другая проблема Бормана касалась его «любимой, сладкой и дорогой жены».

Глава 10
«Наша непоколебимая вера в конечную победу»

Борман временами находил возможности оставлять фюрера в его ставке в Восточной Пруссии и вылетать в Берлин для работы в здании партийной канцелярии. Во время одной такой поездки в октябре 1943 года он увлекся молодой и не слишком популярной киноактрисой, жениха которой убили на войне. Она была знакома с четой Борман. Во время очередной встречи с ней в Берлине Мартин Борман почувствовал, что пользуется взаимностью. Что последовало в результате такого увлечения, Борман описал в письме к жене 21 января 1944 года.

> «Я поцеловал ее без всяких церемоний и совершенно испепелил ее своей жгучей страстью. Безумно в нее влюбился. Устроил так, что мы встречались много раз, и затем овладел ею, несмотря на возражения. Ты знаешь силу моей воли, которой М. не могла долго сопротивляться. Теперь она моя, теперь — о, счастливчик! — это так, или, скорее, я чувствую себя повторно и невероятно счастливым в женитьбе… Что ты думаешь, любимая, о своем безумном парне?»

Герда Борман ответила на это известие через три дня, как подобает образцовой нацистской супруге: «Я сама так восхищена М., что не могу сердиться на тебя. Дети тоже любят ее, все как один». Фрау Борман сочла «тысячью несчастий», что М. лишена возможности рожать детей из-за того, что ее жених погиб на войне. Она полагала, что ее муж сможет исправить это. «Но затем, — писала она, — тебе придется позаботиться о том, чтобы М. рожала ребенка в один год, я — в другой, так что ты всегда будешь иметь новую жену».

Борман нашел эту идею «дикой», но его жена была вполне серьезна. «Мы поселим всех детей вместе в доме на озере, — писала она, — и та жена, которая не беременна, будет приезжать и оставаться с тобой в Оберзальцберге или Берлине». На такое предложение Борман ответил: «Этого не должно быть! Даже если две женщины самые близкие подруги. Каждая пусть остается сама собой. Встречайтесь, правильно, но не злоупотребляйте этим».

Герда Борман была так понятлива и так пропитана нацистской доктриной производства большого количества чисто

арийских детей, что сделала мужу 10 февраля новое предложение. Она пожелала, чтобы матери незаконных детей имели одинаковый статус с женщинами, состоявшими в законном браке. Фрау Борман предложила, чтобы ее муж заключил с М. Volksnotehe (вынужденный брак). Эта идея, предложенная фрау Борман для узаконивания двоеженства, уже осуществлялась, как она полагала, в ходе Тридцатилетней войны 1618–1648 годов из-за больших людских потерь (Германия тогда потеряла две трети (или больше) населения. Население Чехии уменьшилось в несколько раз. — Ред.).

Мартин Борман не стал осуществлять предложение жены, но оно послужило росту его уважения к ней. Когда она советовала спросить, действительно ли М. любила его, он ответил: «Полагаю, она очень любит меня. Конечно, ее любовь не столь глубока, как наша. Пятнадцать лет жизни в браке, богатой опытом взаимного общения, и десять детей — весомый фактор».

Почти до конца войны, пока позволяло изредка время, Борман поддерживал отношения с М. Но она разочаровывала его во многих отношениях, в отличие от жены. У М. было смутное представление о принципах национал-социализма, она обнаруживала пагубную склонность к христианству, пугалась воздушных налетов и проявляла признаки хандры и тревоги. Борман посылал жене письма, которые ему писала М., и копии писем, которые он писал ей. Время от времени Герда Борман развлекала М. или звонила ей по телефону в попытке очистить ее мысли от заблуждений в отношении войны и укрепить ее дух.

Проблема Бормана, связанная с «дядей Генрихом» (Гиммлером), решалась не так легко. К 1944 году Гиммлер стал, судя по всему, второй наиболее могущественной фигурой в Германии. Его «империя» СС контролировала все полицейские ведомства от гестапо до обычной полиции порядка. СС ведала концентрационными лагерями и лагерями уничтожения. Гиммлер мог, таким образом, решать судьбу миллионов людей более, чем какой-нибудь деятель, известный в истории. В 1944 году он получил также контроль над абвером (военной разведкой и контрразведкой), над лагерями военнопленных и программами производства ракет дальнего радиуса действия. Гиммлер стал главнокомандующим Резервной армией. Ему лично подчинялись 38 боевых дивизий СС (действительно, всего насчитывалось 38 дивизий СС (точнее, под номерами 1–38), но в это число входят и формировавшиеся в последние месяцы рейха, и расформированные и не принимавшие участие в боях. Всего формировалось не 38, а 43 дивизии, 6 из них были вновь расформированы, не приняв участия в боях. Из оставшихся 37

дивизий были: 11 добровольческих, одна из которых вообще не воевала, а 4 впервые приняли участие в боях в марте 1945 года; 11 дивизий войск СС, 7 из которых вообще не приняли участия в боях, только 15 дивизий действовали как обычные, 3 из которых впервые вступили в бой в марте 1945 года. Таким образом, в боях использовались 29 дивизий, 7 из которых впервые вступили в бой в последние недели войны. — Ред.). На эти хорошо подготовленные и вооруженные, фанатичные соединения численностью около полумиллиона специально отобранных солдат и офицеров можно было положиться. (Автор неточен. Численность войск СС в марте 1945 года составляла 829 400 человек (в июле 1944 года было 594 443 человека). — Ред.) Они были готовы сражаться, когда надо, до последнего дыхания.

Ни один нацистский руководитель не обладал более внушительной силой, чем Генрих Гиммлер. Если бы он воспользовался ею, чтобы отстранить от власти самого Гитлера, то, вероятно, сумел бы это сделать. Что касается Бормана, то любой конфликт между ним и рейхсфюрером СС, очевидно, завершился бы в пользу Гиммлера. Борман имел лишь одно преимущество над Гиммлером. К его мнению прислушивался фюрер.

Борману и Гиммлеру было суждено схлестнуться, когда Гиммлер получил в августе 1943 года еще одно назначение: он стал министром внутренних дел. К этому времени Борман контролировал через нацистскую партию и подчиненных ему гаулейтеров все внутренние дела Германии. Борман не собирался уступать хотя бы частичку своей власти Гиммлеру и СС, но он оставался достаточно благоразумным, чтобы не вступать в открытый конфликт с рейхсфюрером СС. Он решил загнать «дядю Генриха» в тупик игрой на его слабостях. Одной из этих слабостей было отношение Гиммлера к деньгам и детям.

Когда расовая чистота не вызывала сомнений, Гиммлер делал все возможное для поощрения деторождения. Он искренне любил детей, особенно светловолосых, и сам был хорошим семьянином. Слабость, которую Борман в нем заметил, проистекала из того, что у рейхсфюрера СС было две семьи.

В 1928 году, когда Гиммлер владел небольшой птицефермой на окраине Мюнхена, он женился на Маргрет фон Боден, прусской аристократке, которая была старше его на восемь лет. На следующий год у них родилась дочь Гудрун, единственный ребенок от этого брака. Но с повышением престижа и власти Гиммлер постепенно отдалялся от жены. Его официальная резиденция находилась в Берлине. Маргрет с Гудрун жили в Гмунде-ам-Тегернзе на берегу озера Тегернзе в Баварских Альпах

(в 55 километрах к югу от Мюнхена).

Во время войны любовницей Гиммлера стала его личная секретарша, родившая ему сына и дочь. Он полюбил ее на всю жизнь. Но из-за нежных чувств к дочери Гудрун и желания подать хороший пример рейхсфюрер предпочел не разводиться со своей женой. Вместо этого он обеспечивал две семьи, одну в Гмунде, другую — в Берхтесгадене, где жила его секретарша с двоими детьми. Это взвалило на рейхсфюрера СС определенное финансовое бремя.

Генрих Гиммлер был весьма щепетилен в финансовых вопросах. Рейхсмаршал Геринг тратил миллионы марок на свое пышное поместье Каринхалле. Охранники концентрационных лагерей СС могли сбывать на черном рынке золотые зубы, украшения и другое имущество жертв, отправленных в крематории. Но Гиммлер жил на свою скромную официальную зарплату, составлявшую около 9 тысяч долларов в год. Он мог бы решить свои финансовые проблемы по содержанию двух семей, черпая необходимые средства в любой из многочисленных экономических организаций СС, которые контролировали миллионы марок. Но Гиммлер пойти на это не мог.

> «Поэтому он попросил Бормана, своего главного соперника внутри партии, — вспоминал позднее Вальтер Шелленберг, — предоставить ему кредит в восемьдесят тысяч марок (приблизительно двадцать тысяч долларов) из партийных фондов. Совершенно непродуманный поступок».

Борман предоставил эти деньги под ростовщический процент. «Договоренность носила сугубо личный характер, и он (Гиммлер) хотел, чтобы об этом знали лишь они двое, — продолжает Шелленберг. — Ни при каких обстоятельствах он не желал обсуждать этот вопрос с фюрером».

Борман, имевший возможности обсуждать с Гитлером все вопросы, теперь имел на Гиммлера кое-какой компрометирующий материал и ждал другого случая, чтобы завлечь рейхсфюрера СС в западню. То, что Борман полагал свою игру стоящей свеч, кажется до странности необычным. Будущее Третьего рейха и властей предержащих зависело в данное время от способности германских вооруженных сил победить в войне. То, что это невозможно, было очевидно генералам, Альберту Шпееру, министру вооружений и военного производства, и даже Гиммлеру после высадки 6 июня союзников в Нормандии. Через три недели после 6 июня уже более миллиона солдат и офицеров союзных войск высадились на побережье Франции и стали осторожно продвигаться к западным

границам рейха.

«Американцы показывают себя паршивыми солдатами», — сообщает Борман жене. Его мнение о немецкой армии тоже весьма нелестное. 15 июля он пишет ей из «Вольфшанце» («Волчьего логова»): «Поразительно, что эта война все более явно показывает решимость сражаться до последнего фюрера и сторонников его партии, но не офицеров, которые должны были бы воевать тем яростней и напряженней, чем выше их звание. Фюреру пришлось лично приехать сюда, чтобы укрепить дух офицеров и их подчиненных, часто ослабевающий до отвращения…».

Через пять дней после написания этого письма полковник Клаус фон Штауфенберг подложил портфель, содержащий бомбу с часовым механизмом, под стол, вокруг которого проходило военное совещание с участием Гитлера. Бомба взорвалась в 12.42 дня. Гитлеру едва удалось избежать гибели от взрыва. Но поскольку все-таки это удалось (Гитлер уцелел чудом), попытка группы высокопоставленных офицеров и других противников нацизма избавить Германию от Гитлера и нацистского режима посредством государственного переворота провалилась. Если бы переворот состоялся, одним из первых шагов заговорщиков стало бы исключение из политической жизни страны нацистской партии посредством ареста и заключения в тюрьму всех гаулейтеров силами войск командующих местными военными округами. Вместо этого Борман смог сообщить своим гаулейтерам по телетайпу в 9.20 утра в день неудачного покушения, что «… провал этой попытки убийства означает спасение Германии, поскольку теперь надежды, возлагавшиеся на генералов-предателей, развеяны».

Неудача заговора 20 июля 1944 года закрепила победу нацистской партии над тем, что было некогда могущественной и самостоятельной силой — немецкой армией. Заговорщики и их семьи были арестованы и уничтожены, хотя Борману пришлось отменить один из своих приказов — приказ гаулейтерам арестовать всех командиров военных округов. Нацисты еще нуждались в офицерском корпусе для ведения войны. Но с этих пор нацистское приветствие стало обязательным «как знак непоколебимой верности армии фюреру и тесного единства армии и партии». Была также достигнута одна из долговременных целей Бормана. Нацистские политические функционеры были приданы всем военным штабам для обеспечения идеологического воспитания офицеров и солдат.

Однако 7 октября Борман пребывал в удрученном состоянии. Он писал жене, что заживет частной жизнью, когда уйдет на

пенсию после войны. Политическая жизнь его разочаровывала. «Я узнал, выше меры, что такое уродство, извращения, клевета, тошнотворная и фальшивая лесть, подхалимаж, неумение, глупость, идиотизм, амбициозность, тщеславие, жажда денег и т. д. и т. п., короче, все неприглядные стороны человеческой натуры… Нет — я остаюсь, пока фюрер Адольф Гитлер нуждается во мне, — а затем исчезну с политической арены! Это решение бесповоротно!»

Но пока до этого не дошло, война продолжалась, и Борман продолжал свои интриги в борьбе за власть. 18 октября его назначили политическим и организационным руководителем фольксштурма (ополчения). Каждый способный косить оружие человек от 16 до 60 лет призывался служить в этом ополчении. В конце концов большинство этих малообученных и плохо вооруженных подростков и стариков погибнет, пытаясь задержать наступление Красной армии.

В декабре Гитлер, Борман и окружение отправились в Кельштайнхаус («Орлиное гнездо»). Гитлер планировал крупное контрнаступление на Западном фронте в районе Арденн, которое должно было начаться за несколько дней до Рождества. Борман все еще обдумывал способы обойти Гиммлера. 10 декабря Гиммлера назначили главнокомандующим группой армий «Рейн». Ни по своей подготовке, ни по естественным наклонностям он явно не подходил для этой должности. По мнению начальника Генштаба сухопутных войск (с июля 1944 по март 1945 года. — Ред.) генерала Гейнца Гудериана, Борман порекомендовал Гитлеру сделать такое назначение, чтобы выставить напоказ некомпетентность Гиммлера в качестве командующего боевыми частями. Гиммлер, действительно, не оправдал своего назначения.

Наступление в Арденнах, хотя и застигло вначале союзников врасплох, тоже провалилось (в наступательной группировке немцев было около 250 тысяч человек, 900 танков и штурмовых орудий, 800 самолетов и 2617 орудий. Потери немцев — около 82 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести; союзников — 77 тысяч. — Ред.). Потраченные зря на Западе живая сила и материальные средства оставили Восточный фронт в опасной степени уязвимым. 12 января 1945 года 180 дивизий Красной армии начали наступление в Польше (Висло-Одерскую операцию начали 2 миллиона 204 тысячи солдат, 33,5 тысяч орудий, свыше 7 тысяч танков и САУ, 5 тысяч боевых самолетов. Немцы здесь (до 560 тысяч солдат, около 5 тысяч орудий, 1220 танков и штурмовых орудий) были смяты. — Ред.). 21 января Гиммлера назначили командующим группой армий «Висла». Этой понесшей

большие потери группе армий поручили сдерживать наступление Красной армии на Берлинском направлении. Борман обеспечил такое назначение. Таким образом, рейхсфюрер СС находился вдали от Гитлера и вновь обнаружил свою некомпетентность в военных делах. 1 января Красная армия, достигнув своими танковыми клиньями реки Одер, захватила первый плацдарм в 60 километрах от Берлина. Гиммлера пришлось заменить профессиональным военным. Им стал генерал-полковник Хейнрици.

В то же самое время Альберт Шпеер послал Гитлеру доклад, который начинался следующими словами: «Война проиграна…» Фюрер оставил его без ответа. В середине февраля Шпеер задумал ликвидировать Гитлера, Бормана и Геббельса (министр пропаганды Геббельс, поняв, что фюрер не пойдет на переговоры о мире, тоже решил идти до конца).

> «Я думал, что другого выхода нет, — позднее писал Шпеер. — В отчаянии решился на такой шаг, ибо мне было очевидно с начала февраля, что Гитлер вознамерился продолжать войну любой ценой, безжалостно и без учета трагической судьбы немецкого народа. Мне было ясно, что с поражением в войне он связал собственную судьбу и судьбу немецкого народа. Понятно также, что война проиграна настолько, что следует даже соглашаться на безоговорочную капитуляцию».

К этому времени Гитлер и его ближайшее окружение переселились в систему бункеров под имперской канцелярией в Берлине. Никто не мог войти в бункер фюрера без того, чтобы его сначала не обыскали охранники СС на предмет обнаружения оружия или взрывчатки. Но, как архитектор, который хорошо знал бункеры, Шпеер помнил, что они имели вентиляционную установку. Его замысел заключался в том, чтобы пустить смертоносный газ в вентиляционную систему, которая находилась в саду имперской канцелярии. После того как Шпеер добыл газ, он осмотрел в середине марта вентилятор и обнаружил, что он был окружен, по личному приказу Гитлера, защитной трубой высотой 4 метра.

Шпееру пришлось отказаться от своего плана покушения. Но 18 марта он передал фюреру другой доклад. В нем подчеркивалось, что Германия не сможет продолжать войну более двух месяцев. «Если война проиграна, — ответил Гитлер, — то нация должна тоже погибнуть. Это неизбежно. Нет необходимости принимать во внимание основные потребности

народа ради продолжения его крайне примитивного существования…»

На следующий день Гитлер издал свой «приказ Нерона». По свидетельству Шпеера, в приказе предписывалось взорвать «все промышленные предприятия, все важные электростанции, системы водо — и газоснабжения… все крупные магазины, торгующие продовольствием и одеждой… Военным властям следовало уничтожить все мосты, железнодорожные сооружения, а также каналы, все корабли, все товарные вагоны и локомотивы…». Разрушения, не входившие в компетенцию военных, должны были произвести гаулейтеры Бормана.

23 марта Борман лично издал директиву своим гаулейтерам. Всех немцев, а также иностранных рабочих и военнопленных следовало переселить с востока и запада в еще не оккупированные центральные районы рейха. «Миллионы людей, — писал позднее Шпеер, — должны были переселяться пешком. Им не полагалось никакого обеспечения, да это и невозможно было сделать в сложившейся обстановке. Выполнение приказов Бормана привело бы к невообразимой голодной катастрофе».

Эти приказы не были, однако, полностью выполнены в результате действия двух факторов. Одним из них было быстрое занятие германской территории союзными войсками. Другим — взаимодействие Шпеера с определенным числом командующих местными воинскими частями в предотвращении осуществления разрушений согласно распоряжениям гаулейтеров Бормана.

Шпеер был единственным высокопоставленным представителем германского руководства, который посмел в присутствии Гитлера оспорить целесообразность решения фюрера продолжать войну. Борман не только уклонился от этого, но делал все возможное для продолжения безнадежной борьбы.

«Борман следил за тем, чтобы Гитлера не информировали о реальной внутренней политической обстановке, — свидетельствовал генерал Гудериан, который был смещен в марте с поста начальника Генштаба после серии бурных споров с фюрером по поводу военной стратегии. — Он [Борман] препятствовал встречам с Гитлером даже гаулейтеров. Так, возникла абсурдная ситуация, когда гаулейтеры… приходили ко мне, представителю офицерского корпуса, к которому они относились столь недоверчиво, и просили моей помощи в организации приема Гитлером, поскольку Борман постоянно мешал их попыткам добиться встречи с фюрером по обычным партийным каналам.

Чем более Гитлер впадал в хандру, а военная обстановка

становилась хуже, тем меньше людей могли встретиться с диктатором. Все надлежало делать через циничного маклера фюрера — Бормана, и его методы становились все более успешными.

Я неоднократно вступал с ним в острые конфликты из-за его постоянного саботажа необходимых военных мер ради той темной политической игры, которую он вел…»

Гудериан не знал определенно, какую именно игру ведет Борман. Но каковы бы ни были его конечные цели, одна тайна Бормана легко раскрывается. Он стал правой рукой фюрера и мог влиять на него разными способами. Однако партийный секретарь не был способен манипулировать своим господином, когда тот принимал какие-нибудь важные решения. Власть Бормана не распространялась на фюрера, который оставался абсолютным хозяином Третьего рейха даже в это время.

«Все находились под его чарами, слепо подчинялись ему и не имели собственной воли — для этого явления можно было бы подыскать какой-нибудь медицинский термин», — отмечал Шпеер.

Перед лицом грядущей катастрофы и Борман явно оставался под чарами Гитлера. 5 января глава канцелярии нацистской партии писал жене: «Мы должны радоваться, что у нас есть фюрер. Ведь наша непоколебимая вера в окончательную победу зиждется, в значительной степени, на том, что он существует, — на его гениальности и твердой, как скала, решимости». 2 февраля Борман описал ей обстановку в его берлинских кабинетах: «Здание партийной канцелярии тоже представляет собой печальное зрелище — все вывески сбиты, окна разбиты, а двери сломаны…. Целый день мы занимались уборкой осколков стекла и деревянных обломков». Однако в письме, помеченном другим днем, Борман отказывается признать неизбежность поражения: «Все, кто еще уверяют, что у нас есть шанс, должно быть, большие оптимисты! Но мы как раз и являемся ими! Просто не могу поверить, что Судьба продвинула наш народ и нашего фюрера так далеко по этому славному пути только для того, чтобы бросить нас и наблюдать, как мы исчезаем навсегда…»

К 2 апреля военная обстановка настолько ухудшилась, что даже оптимизм главы канцелярии нацистской партии начал угасать (1 апреля союзники на Западном фронте замкнули кольцо окружения вокруг рурской группировки немцев (18 дивизий, 325 тысяч человек. — Ред.). В этот день он написал свое последнее письмо жене: «Но мы не должны падать духом. Что бы ни случилось, мы обязаны выполнить свой долг. И, если нам суждено, подобно древним нибелунгам, погибнуть в зале вождя

Аттилы, мы пойдем на смерть с гордо поднятыми головами!..»

Борман вскоре получил бы возможность оправдать эти слова, если бы остался в Берлине. 16 апреля ровно в 4 часа утра 20 тысяч артиллерийских орудий Красной армии с оглушающим, потрясающим землю грохотом начали артподготовку наступления с плацдарма в 38 милях (около 60 километров) к востоку от города. (Всего к началу Берлинской операции было сосредоточено 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов и 2 миллиона 500 тысяч солдат и офицеров Красной армии против 1 миллион солдат и офицеров, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 самолетов вермахта. — Ред.) Артобстрел стал сигналом к началу решающего штурма столицы Третьего рейха.

На следующий день Гитлер приказал нацистскому функционеру отправиться из Берлина в Бадгастайн в Австрии. Ему надлежало переправить золотые резервы нацистов из Бадгастайна в соляные шахты Центральной Германии. Борман передал затем ему запечатанный пакет для сохранения в безопасном месте. В пакете находились записи приватных монологов Гитлера за период с 4 февраля по 2 апреля. Эта последняя запись размышлений фюрера, равно как его прежние «застольные разговоры» в Восточной Пруссии и на Украине, была отредактирована и снабжена аннотациями Борманом для потомства. Ценные картины, монеты и произведения искусства, предназначавшиеся для музеев Гитлера в Линце, уже были укрыты в соляных шахтах близ Зальцбурга. (Опасаясь осложнений в отношениях с союзниками, функционер пожелал сохранить анонимность. Его рассказ, однако, счел достоверным Х.Р. Тревор-Ропер в своем введении к книге под названием «Завещание Адольфа Гитлера — Документы Гитлера и Бормана, февраль-апрель 1945 г. Лондон, 1961 г.». В ней содержится перевод документов на английский язык, сфотографированных во время обнаружения в Германии после войны. — Ред.)

К середине дня 20 апреля самолеты британских и американских ВВС в течение двух часов бомбили центр Берлина в условиях ясной, солнечной погоды. Фельдмаршал Кейтель наблюдал, как бомбардировщики «летели над головой в строгом порядке, как будто происходил военный парад в мирное время, и сбрасывали в унисон бомбы». Наземные части Красной армии достигли восточных пригородов Берлина и стали окружать город.

Но когда наступило 21 апреля, Гитлер не предпринял попытки покинуть Берлин, и Борман, как обычно, остался рядом с ним. Несмотря на серьезность положения, у Бормана или тех, кто оставались в бункере рейхсканцелярии, не было никаких

оснований полагать, что они не смогут выбраться и примут насильственную смерть. 21 апреля еще были возможности уйти из Берлина, который еще не был полностью взят в кольцо (Берлин был полностью окружен советскими войсками 25 апреля. — Ред.). На случай угрозы полного окружения города Красной армией имелся план эвакуации из бункера. Гитлер вместе с Борманом, Кейтелем и прочими мог отправиться в Берхтесгаден. В таком случае руководство сопротивлением вермахта осуществлялось бы из двух центров. Один из них сформировался бы вокруг фюрера в горах юга Германии, другой — на морском побережье в районе Киля под командованием гроссадмирала Карла Дёница.

Это был вполне осуществимый план, и у Бормана были все основания верить, что он будет вскоре выполнен. Но здесь секретарь ошибся в оценке своего шефа.

Глава 11
Душеприказчик

Наперекор очевидным фактам, фюрер отказывался допускать, что падение Берлина неизбежно. 21 апреля он неожиданно придумал план спасения города. Успех плана строился в расчете на способность 11-й танковой армии нанести внезапный контрудар к северу от Берлина и приостановить наступление русских.

11-й танковой армией командовал генерал-лейтенант СС Фриц Штайнер (на наших оперативных картах показана как армейская группа Штейнера. — Ред.), награжденный Рыцарским крестом. Все войска в зоне действий 11-й танковой армии (армейской группы Штейнера) были переданы под его командование для обеспечения мощи его наступления, имевшего целью соединиться с другими формированиями, пытавшимися спасти Берлин, прорываясь с юго-востока и юго-запада.

В течение утра 22 апреля Гитлер напряженно ждал новостей о наступлении Штайнера. Фюрер знал, что русские прорвали внешний оборонительный обвод и проникли в северные районы Берлина. Но никто не мог ему предоставить достоверной информации о Штайнере.

О Штайнере не было ничего не известно в 3 часа дня, когда Гитлер начал военное совещание чуть ли не в истерическом состоянии. В ходе совещания ему сообщили, что Штайнер наступления не предпринимал. Для Штайнера причина была очевидной. «Я был генералом, — вспоминал он позднее, — без войск».

Гитлер давно потерял доверие к вермахту. Но теперь, считал он, собственные элитные боевые части СС фюрера предали его. То, что это случилось, то, что Штайнер не подчинился прямому приказу, стало окончательным ударом.

Фюрер пришел в ярость на грани полного нервного срыва. В течение следующих пяти часов он выкрикивал слова, которые, должно быть, вызывали шок у Бормана и других его слушателей: война проиграна, вокруг него одно предательство и некомпетентность, его миссия провалилась, он останется в Берлине и будет защищать город до последнего издыхания. Гитлер пожелал, чтобы по радио передали, что он застрелится, если Берлин падет.

Однако Гитлер никого не принуждал разделить его участь. Каждый, кто хочет покинуть имперскую канцелярию, сказал он,

волен это сделать. Он, в частности, настаивал, чтобы Борман и Кейтель отправились в Берхтесгаден.

Герхард Хергезель, один из двух стенографистов штаба Верховного главнокомандования, был свидетелем таких сцен. «Подлинно решающее совещание, — вспоминал он, — состоялось позже после полудня. Оно длилось всего лишь около пятнадцати минут». Присутствовали только Гитлер, Борман, Кейтель, Йодль, Хергезель и другой стенографист по имени Хаген. По свидетельству Хергезеля, который сохранил свою запись, «Гитлер снова выразил решимость остаться в Берлине и сказал, что хочет умереть там. Он считал, что этим окажет величайшую услугу чести германской нации. На этом совещании имело место сильное противодействие его желанию остаться в канцелярии. Кейтель говорил с ним в действительно резких выражениях, напомнив, что его новое решение противоречило прежним планам. Борман поддерживал Кейтеля не менее энергично…».

Но Гитлер имел в виду именно то, что сказал. Когда он занимал определенную позицию, не зафиксировано свидетельств того, чтобы Борман, Кейтель или какой-нибудь другой человек отговорили его от нее. Решение фюрера поставило Бормана перед ужасной личной дилеммой. Его семья проживала в Берхтесгадене, и, если бы наступил конец войны, было бы легче, разумеется, ускользнуть и скрыться оттуда, чем из подземного бункера, окруженного войсками Красной армии. А из всех нацистских руководителей Борман располагал наилучшими шансами успешно скрыться. «Никто в партии или среди людей не знал его, — писал Альфред Розенберг. — Никто не мог отождествить его имя с какой-либо концепцией, идеей, достижением, конкретной личностью».

Имелись в наличии и средства для финансирования исчезновения Бормана. Его советнику по экономическим вопросам, доктору Гельмуту фон Гуммелю, была передана в Берхтесгадене коробка, содержавшая 2200 золотых монет. Это было значительное состояние. Агенты Гуммеля реквизировали золотые монеты из одной из соляных шахт близ Зальцбурга. С тех пор они не обнаруживались.

Но бежать в Берхтесгаден без Гитлера означало бы бросить источник силы Бормана и центр власти Третьего рейха. Изолированный в бункере от реальности, завороженный ложными надеждами, внушать которые сохранял способность фюрер, Борман мог полагать, что этот человек, переживший ранее так много кризисов, мог найти выход и из этого кризиса. А если бы и не нашел, все-таки именно фюрер решал вопрос о преемнике и будущем нацизма.

Два главных соперника Бормана, претендовавшие на роль преемников, видели последний раз Гитлера 20 апреля, на его 56-й день рождения. Маршал Геринг, встретивший тогда «холодный прием», отправился в Берхтесгаден. Там, вдали от фронта, он был волен плести любую паутину интриг.

Генрих Гиммлер, все еще пользующийся доверием значительной части сил СС, отбыл в Хохенлихен, свое убежище к северу от Берлина. Там он возобновил мирные переговоры (которые нерешительно начал в феврале) с графом Фольке Бернадотом, вице-президентом шведского Красного Креста и племянником короля Густава V. Рейхсфюрер СС вынашивал теперь безумную идею спасения Германии от русских, предлагая переговоры о сепаратном мире с британскими и американскими властями. Гиммлер обсуждал также с Норбертом Мазуром, представителем шведской секции Всемирного еврейского конгресса, возможность освобождения тех евреев, которые еще оставались в распоряжении СС. Рейхсфюрер СС сообщил Мазуру, что хотел бы «оставить прошлое в прошлом». О своих инициативах Гиммлер не поставил в известность Гитлера или Бормана.

Кейтель, несмотря на свои заверения в стремлении остаться, а также Йодль, Шпеер, фон Риббентроп и сотни функционеров меньшего ранга покинули имперскую канцелярию до окончания войны. Однако Геббельс в ответ на просьбу Гитлера переехал в бункер вместе с женой ишестью детьми во второй половине дня — после истерики Гитлера. Как гаулейтер и имперский комиссар обороны Берлина, Геббельс едва ли мог покинуть город, в то время как битва за него приближалась к кульминации. Как пропагандист же, который неоднократно заверял берлинцев, что русские никогда не победят их, Геббельс оказался заложником собственных слов. Он остался бы все равно. Ведь Геббельс уже решился доказать свою верность фюреру тем, что останется с ним до конца и покончит жизнь самоубийством, если Гитлер поступит так же.

Борман не вынашивал столь мрачных мыслей. Но, как деятель, который интриговал и добивался статуса ближайшего доверенного лица Гитлера, он тоже оказался заложником своих прежних поступков. Тем не менее Борман мог бы найти оправдание для расставания с Гитлером. Он видел, что ничего не предпринималось для предотвращения бегства других нацистских лидеров и бюрократов из различных министерств, что Гитлер не порицал их. Более того, Гитлер приказал Борману отправиться в Берхтесгаден. Теперь ему следовало решить самому — подчиниться приказу, что выглядело бы определенным маневром

до провала наступления Штайнера, или остаться.

Человек, который однажды написал жене, что Гитлер «… действительно величайший человек из тех, кого мы знали… Я действительно невероятно счастлив находиться рядом с ним», сделал свой выбор. Борман остался. Он и Геббельс стали таким образом единственными из высших нацистских руководителей, которые находились с фюрером в его последние дни.

Теперь с фюрером оставались не более 700 человек, большинство из которых видели его редко, если вообще когда-либо видели. Эти мужчины и женщины помещались в ряде бункеров под старой и новой имперской канцелярией, здания которой были превращены бомбардировками союзников в горящие развалины. Это были чиновники, секретари, шоферы, ординарцы, слуги, эсэсовцы, входившие в отряд охраны, отряд сопровождения фюрера и боевую группу Монке. Последнему подразделению под командованием генерал-майора Вильгельма Монке было поручено защищать «Цитадель», правительственный квартал под таким кодовым названием.

Личный бункер фюрера состоял из восемнадцати небольших комнат. Помимо электростанции, туалетов, телефонного узла и одной ванной комнаты, имелась комната для овчарки Гитлера Блонди, для одного из ее щенков Вольфа, для личного камердинера Гитлера в течение одиннадцати лет Хайнца Линге. Ева Браун явилась из Берхтесгадена, по ее собственному настоянию, 15 апреля. Она заняла апартаменты, в которых сочетались гостиная, спальня и небольшая туалетная комната. Сам фюрер располагал спальней и кабинетом, в то время как его личный врач доктор Людвиг Штумпфеггер поселился в комнате рядом с пунктом оказания первой помощи. У Геббельса были спальня и кабинет. Его жена и шестеро детей жили в бункере (из которого был проход к Геббельсу), который состоял из двенадцати комнат, включая кухню, столовую и помещения для слуг. Никто, кроме Бормана, не имел постоянного контакта с Гитлером.

Борман проживал не в бункере фюрера, а в бункере партийной канцелярии, расположенном по соседству. Ему отвели, однако, кабинет, находившийся между кабинетом доктора Геббельса и электростанцией. Это позволяло ему находиться рядом с Гитлером во время прогулок фюрера, которые теперь занимали почти два или три часа в день.

Площадь кабинета Бормана составляла около 15 квадратных футов. От его стен из холодного серого бетона исходил влажный запах плесени, характерный для новой постройки. Борман дышал также спертым воздухом, который заполнял весь остальной

бункер. От расположенной рядом с ним электростанции он слышал постоянный грохот дизельного двигателя, который снабжал энергией вентиляционную и электрическую системы.

Одна из трех дверей кабинета Бормана открывалась в сторону кабинета Геббельса. Таким образом, Борман мог постоянно следить за перемещениями министра пропаганды, которого до последнего времени ему удавалось держать в стороне от фюрера, но с которым ему пришлось теперь заключить неудобный альянс.

Вторая дверь открывалась в сторону телефонного узла и центра связи, позволяя Борману контролировать все донесения, поступавшие в бункер. Третья дверь вела в комнату совещаний, в которой проходили встречи Гитлера со своим штабом. И, хотя его небольшой кабинет в 50 футах (свыше 15 метров) под землей лишь ненамного превосходил по размерам тюремную камеру, которую Борман занимал двадцать лет назад, когда отбывал срок за причастность к убийству Кадова, тем не менее секретарь фюрера и глава партийной канцелярии находился в самом центре власти Третьего рейха. То, что эта власть сократилась до пункта, где управление осуществлялось из ограниченного подземного помещения, было злой иронией, видимо не замечавшейся Борманом. Он работал, как прежде.

Борман строго контролировал всех посетителей, имеющих дела к фюреру. Большинство из них представляли собой незначительные персоны, которым приходилось ходить в бункер скорее по необходимости, чем по доброй воле. Это были два личных летчика Гитлера, его шофер, камердинер. Сюда входили агенты спецслужб, оберегавшие фюрера от покушений, секретари, многочисленные курьеры в МИДе и различных учреждениях вермахта.

Гитлер согласился, чтобы Борман регулировал визиты этих людей. Теперь для него имела значение лишь военная обстановка. В конференц-зал, расположенный в узком центральном проходе, который разделял бункер, постоянно тянулась вереница посетителей из военных чинов. Это были последние свидетели вспышек ярости Гитлера против своих генералов, военачальники, постоянно сменяемые в результате приказов и чисток, последовавших за провалом антинацистского заговора 20 июля 1944 года. Среди них — начальник управления кадров вермахта и адъютант Гитлера, генерал Вильгельм Бургдорф; командующий группой армий «Висла» генерал-полковник Готхард Хейнрици, ответственный за оборону против войск Красной армии восточного сектора Берлина; последний из многочисленных начальников Генштаба генерал Ганс Кребс и последний

комендант Берлина, генерал Гельмут Вейдлинг.

Военная обстановка, которую обсуждали вместе с фюрером эти генералы, быстро катилась к катастрофе. 23 апреля Гитлер взял себя в руки после нервного срыва предыдущего дня. Ему доложили, что Восточный и Западный фронт распадаются и что три четверти Большого Берлина окружены частями Красной армии.

Постоянно присутствовавший рядом с Гитлером Борман слышал эти доклады, которые могли означать только то, что конец нацистской Германии быстро приближается. И все же он, видимо, был более всего заинтересован в том, что всегда составляло предмет его главной заботы: ограждением Гитлера от тех, кто мог бы заменить его в качестве доверенного лица фюрера и, таким образом, подорвать нынешнее положение Бормана, а возможно, и надежды на будущее.

Геринг все еще оставался законно назначенным преемником. 23 апреля, во второй половине дня, он прислал из почти безмятежного Берхтесгадена телеграмму в осажденный бункер следующего содержания:

> «Мой фюрер! Поскольку Вы решили остаться на своем посту в крепости Берлин, не согласитесь ли Вы на то, чтобы я, как Ваш заместитель, в соответствии с Вашим указом от 29 июня 1941 года немедленно взял на себя руководство рейхом с полной свободой действий как внутри страны, так и за рубежом?
>
> Если к 10.00 вечера не поступит ответа, я буду считать Вас лишенным свободы действий. Я сочту тогда условия Вашего указа вступившими в силу и буду действовать в соответствии с доброй волей народа и Фатерланда. Вы должны понять мои чувства к Вам в эти самые трудные часы моей жизни, не могу найти слов, чтобы их выразить.
>
> Да благословит Вас Господь и дарует Вам возможность вернуться сюда, а как можно скорее.
>
> *Преданный Вам Герман Геринг».*

Геринг считал, несомненно, что поступает корректно, посылая такую телеграмму. Он хорошо знал о физической и моральной деградации Гитлера, знал, что Берлин невозможно было оборонять более недели. И вот около полудня 23 апреля к нему явился начштаба люфтваффе генерал Карл Колер, который совершил перелет прямо из Берлина. Колер рассказал о нервном срыве Гитлера в предыдущий день, его решении остаться в

Берлине и застрелиться, если город падет. Он упомянул и замечание фюрера: «Сейчас не стоит вопрос о войне, воевать почти нечем. Сейчас стоит вопрос о переговорах, которые Геринг может вести лучше меня».

Выслушав такой доклад, Геринг все еще старался не предпринимать поспешных действий. Он посовещался с рядом бюрократов в Берхтесгадене, в том числе с имперским министром Гансом Ламмерсом, экспертом по правовым вопросам, чтобы определить, сохраняет ли силу указ от 29 июня 1941 года о назначении Геринга преемником Гитлера. Геринг опасался, что Гитлер отменит указ и назначит своим преемником Бормана. Это было не так, но опасения Геринга относительно Бормана заставили его медлить. «Он мой смертельный враг, — говорил Геринг. — Он лишь ищет повода, чтобы устранить меня. Если я не начну действовать, они назовут меня предателем. Если же не стану действовать, меня будут ругать за то, что я оказался несостоятельным в решающий час». Наконец Геринг перешел к действиям.

Телеграмма рейхсмаршала сначала попала к Борману, как это было с большинством депеш, адресованных Гитлеру. Борман вел себя так, словно у нацизма было будущее и реальная власть, которую следовало унаследовать от Гитлера в случае его смерти. Кроме того, Борман был убежден, что эту власть не должен наследовать Геринг. В качестве меры предосторожности рейхсмаршал направил еще одну телеграмму адъютанту Гитлера от люфтваффе, полковнику Николаусу фон Белову. Геринг попросил также фон Белова удостовериться, что телеграмма была доставлена по адресу, и также убедить его прилететь в Берхтесгаден, если это возможно. Борман лишил фон Белова возможности связаться с Гитлером, фюрер так и не увидел этой телеграммы.

Затем Борман принес Гитлеру телеграмму Геринга, демонстрируя праведный гнев. Еще до того, как Гитлер мог осмыслить и прокомментировать ее текст, Борман указал на содержавшийся в телеграмме фрагмент: «Если к 10.00 вечера не поступит ответа, я буду считать Вас лишенным свободы действий». Несомненно, Геринг назвал крайний срок, поскольку полагал, что Берлин могли взять, а Гитлер мог погибнуть в любой момент. Он хотел получить указания для себя от самого Гитлера, пока этого не случилось.

Однако Борман, как обычно играя на легко возбуждаемых у фюрера подозрениях, заклеймил крайний срок, названный Герингом как ультиматум. И разве рейхсмаршал не давал шесть месяцев ранее пищу подозрениям, что он пытается начать

открытые мирные переговоры? Теперь он посмел прислать фюреру ультиматум, явно для того, чтобы захватить верховную власть и капитулировать, пока Гитлер еще жив. Рейхсмаршала, сказал Борман, следует казнить.

С подобной ориентировкой фюрер принялся изучать телеграмму. «Гитлер был взбешен, — вспоминал Шпеер, — и отзывался о Геринге в самых резких выражениях. Он говорил, что уже достаточно долгое время знает о слабостях Геринга, о его продажности и наркомании». К удивлению всех, Гитлер добавил: «И все же он может вести переговоры о капитуляции, независимо от того, что этим может заняться кто-нибудь другой».

Гитлер не последовал совету Бормана расстрелять Геринга. Однако он поручил Борману составить и отослать рейхсмаршалу следующий текст телеграммы:

> «Ваш поступок является актом государственной измены по отношению к фюреру и национал-социализму. Измена карается смертью, но с учетом ваших прежних заслуг перед партией фюрер не применит высшую меру наказания, если вы подадите в отставку со всех ваших должностей. Отвечайте, да или нет».

Вслед за этой телеграммой вскоре послали еще две: первая аннулировала указ Гитлера о назначении Геринга его преемником, вторая информировала Геринга о том, что:

> «…Я [Гитлер] передам свою власть только тогда, когда сочту нужным. До этого буду руководить Рейхом сам».

Борман ждал годы, чтобы сокрушить Геринга. Теперь это осуществилось, и вопрос о том, кто станет преемником фюрера, был открытым. И все же Борман не был удовлетворен. Рейхсмаршал, лишенный власти, оставался в живых и на свободе. Поэтому Борман, по собственной инициативе, радировал подполковникам СС в Берхтесгадене Бредову и Франку приказ арестовать Геринга за государственную измену. «Отвечаете за это жизнью», — пригрозил он эсэсовцам.

23 апреля в 7 часов вечера отряд эсэсовцев окружил дачу Геринга в Оберзальцберге. Франк и Бредов постучались в дверь. Ее открыл камердинер Геринга Роберт Кропп. Пройдя мимо камердинера с пистолетами в руках, Франк и Бредов арестовали Геринга. Ему запретили связь с семьей, штабом и вообще с внешним миром. Таким образом, бывший рейхсмаршал и преемник фюрера не слышал на следующий день объявление по

Берлинскому радио о том, что он ушел в отставку со своих постов «по причине болезни».

Фельдмаршал Кейтель «ужаснулся», когда узнал обстоятельства отставки Геринга. О них ему сообщил по телефону в штаб Верховного главнокомандования, расположенный вне Берлина, генерал Кребс из бункера рейхсканцелярии. Фельдмаршал предположил, что, очевидно, возникли недоразумения. После этого Борман подошел к телефону и прокричал, что Геринга отстранили «даже от работы в качестве главного охотника рейха». Эти вести произвели на Кейтеля удручающее впечатление. Для него это стало свидетельством «настроений отчаяния в имперской канцелярии и, особенно, роста влияния Бормана».

Борман тщетно уговаривал Гитлера перебраться из Берлина в еще не тронутый войной Берхтесгаден. Затем, 25 апреля, начиная с 10.00 утра, бомбардировщики союзников двумя последовательными волнами впервые подвергли бомбардировкам горный курорт Гитлера. Его дом в Бергхофе был разрушен во время беспрепятственного воздушного налета, длившегося почти час.

Геринг сидел в бомбоубежище своей собственной дачи, когда на нее сыпались бомбы и разрушали ее. Он не только выжил, но и уговорил эсэсовскую охрану доставить его в австрийский замок Маутерндорф, в трех часах езды от Берхтесгадена.

Воздушный налет союзников разрушил также дом Бормана. Его жена покинула Берхтесгаден в автобусе, на котором нанесли краской эмблему Международного Красного Креста. Она взяла с собой своих детей, а также некоторых местных детей, которым решила помочь. Вся эта группа, одетая как обычные беженцы, укрылась в отдаленном горном районе австрийского Тироля. Убежище подготовили для фрау Борман агенты ее мужа.

Когда 4 мая французские и американские солдаты вошли в Бергхоф, то обнаружили здесь только все еще тлевшие развалины, груды щебня и обломков. Офицеры разведки, следовавшие за боевыми частями, обследовали район Оберзальцберга в поисках следов присутствия Гитлера и Бормана. Эти офицеры не были уверены в том, что эти двое не прибыли сюда из Берлина, воспользовавшись смутной обстановкой. Гитлера не нашли. Обследование дома Бормана близ Бергхофа выявило лишь склад редких вин, сборников классической музыки и большое количество детских игрушек.

В ходе последующих поисков не удалось также обнаружить Бормана в Альпах, но вскрылся относящийся к нему интересный факт. Бергхофом владел скорее он, чем Гитлер. Весь комплекс

объектов собственности в Оберзальцберге, включавший восемьдесят семь зданий стоимостью более полутора миллионов марок, был зарегистрирован юридически на имя Бормана. Так же были оформлены место рождения Гитлера в Бранау и дом его родителей близ Линца.

25 апреля, в день бомбардировки союзной авиацией Оберзальцберга, Борман узнал в Берлине около часу ночи, что Красная армия полностью окружила столицу рейха. После полудня передовые части русских и американцев встретились на реке Эльбе в 75 милях (около 120 километров) от Берлина, разделив таким образом Германию надвое. Теперь единственным надежным способом выбраться из Берлина и попасть на любую из ограниченных территорий, где немецкие войска еще продолжали сражаться, был перелет на самолете.

Но Гитлер не воспользовался этим способом, и Борман остался вместе с ним. Фюрер, как обычно, проводил свои военные совещания, его настроение отчаяния сменилось решимостью. Сосредоточенно разглядывая огромные карты, он управлял передвижениями фантомных армий и приказывал переходить в наступление силам, слишком слабым для этого. Гитлер верил в способность 12-й армии под командованием генерала Вальтера Венка деблокировать Берлин и пророчил столкновение между британскими и американскими войсками, с одной стороны, и их советскими союзниками — с другой, которое могло спасти нацистскую Германию. Победа в последний час казалась ему еще возможной.

Гитлер, с подорванным здоровьем, с бледным лицом и дрожью в теле, с душевным состоянием близким к безумию, все еще сохранял экстраординарную способность внушать ложные надежды оставшейся группе своих последователей. И, по мнению свидетелей, ни один из присутствовавших в бункере людей не верил ему больше, чем Мартин Борман.

Капитан Герхард Болдт, молодой офицер, пять раз раненный в ходе войны в России и теперь служивший адъютантом генерала Кребса, около полудня 27 апреля встретил Бормана. Тот сообщил ему о скором освобождении Берлина 12-й армией генерала Венка. Затем Борман сказал: «Оставшись здесь и сохранив преданность фюреру в самое тяжелое время его существования, вы получите высокую должность в государстве, а также большие имения в награду за верную службу, когда битва победоносно завершится».

Болдт, знавший реальную военную обстановку, ужаснулся. «Неужели он верит в этот бред о «победоносной битве» сейчас, 27 апреля?» — спрашивал себя Болдт. Верил ли Борман на самом деле в то, что говорил, или его слова были просто «дьявольской

смесью притворства, мании величия и фанатичной глупости»?

Однако этой ночью, видимо, стала ослабевать даже вера Бормана. Войска Красной армии, которые днем раньше обстреливали имперскую канцелярию наугад, теперь подвергли ее беспрерывной массированной артиллерийской бомбардировке. Борман мог слышать, как массивная каменная кладка зданий имперской канцелярии раскалывается и рушится на территорию сада и двора над бункером. Он чувствовал ноздрями резкий запах серы и известковой пыли, который проникал в бункер через вентиляционную систему, он видел, как содрогались вокруг него толстые бетонные стены. Он знал также, что в этот день русские захватили два берлинских аэропорта, Темпельхоф и Гатов. Теперь оставался единственный, весьма опасный способ, который давал надежду на возможность выбраться из города: перелет на самолете, достаточно малом, чтобы подняться с импровизированной взлетной полосы и попытаться ускользнуть от русских, истребителей и огня зенитных батарей.

Борман оставался там, где был. Он сидел, большей частью, за столом в своем кабинете, похожем на тюремную камеру, «записывая для потомства, — по свидетельству летчицы-испытательницы Ханны Райч, — происходившие в бункере события». Ханна Райч (1912–1979; ее называли «валькирия рейха», награждена Железными крестами 2-го и 1-го класса. — Ред.) полагала, что Борман, закончив труд, намеревался тайком вывезти его, чтобы этот труд составил «одну из величайших глав истории Германии».

28 апреля, около 2 часов ночи, капитан Болдт перед отходом ко сну видел Бормана занятым другим делом. Он пьянствовал вместе с Кребсом и Бургдорфом. Это было необычным по двум причинам. Поскольку Гитлер никогда не пил, Борман следовал его примеру, по крайней мере когда находился рядом с фюрером. И, кроме того, генералы возражали Борману, хотя оба они приобрели свой высокий статус благодаря высокой оценке Борманом их особой преданности Гитлеру и нацизму.

Ганс Кребс носил монокль и обычно выглядел невозмутимым. Перед войной он был заместителем военного атташе немецкого посольства в Москве и говорил по-русски. Он занял свой пост благодаря способности сглаживать шероховатости военной обстановки во время докладов Гитлеру. Генерал Вильгельм Бургдорф, начальник управления личного состава сухопутных войск, связал свою судьбу с нацистами. Именно Бургдорф лично передал яд фельдмаршалу Роммелю, который был вынужден его принять после того, как был обвинен в причастности к заговору 20 июля.

Около 4.30 утра приятель-офицер разбудил Болдта, чтобы тот послушал кульминацию спора, происходившего, пока он спал. Болдт слышал, как сильно выпивший, раскрасневшийся Бургдорф кричал Борману: «Девять месяцев назад я взялся за свою работу со всей энергией и энтузиазмом. Пытался снова и снова координировать работу партии и вооруженных сил. Дошел до того, что товарищи по армии стали смотреть на меня косо и даже презирать. Делал невозможное в попытках устранить недоверие Гитлера и партийных руководителей к вооруженным силам. Наконец, меня назвали в армии предателем офицерского сословия. Сегодня я должен признать, что эти обвинения были справедливы, что мои усилия были бесполезны, мой энтузиазм был не только ложным, но наивным и глупым».

Бургдорф замолк, тяжело дыша. Кребс пытался успокоить его, призывая его поостеречься Бормана. Но Бургдорф потребовал, чтобы Кребс оставил его в покое, что он должен высказаться, поскольку, возможно, в последующие сорок восемь часов уже будет слишком поздно это делать. Бургдорф возобновил свой резкий разговор с Борманом.

> «Наши молодые офицеры начали войну с верой и энтузиазмом, уникальными в истории. Сотнями тысяч они шли на смерть с гордой улыбкой. Но во имя чего? Во имя любимого немецкого Отечества, во имя нашего величия и будущего? Во имя доброй, чистой Германии? Нет. Они умирали за вас, за вашу роскошную жизнь, за вашу жажду власти. С верой в благое дело молодежь восьмидесятимиллионного народа погибла на полях сражений в Европе. Миллионы невинных людей были принесены в жертву, пока вы, руководители партии, обогащались за счет достояния нации. Вы пировали, скапливали огромные состояния, грабили чужое имущество, купались в роскоши, обманывали и угнетали людей. Наши идеалы, мораль, вера, души были затоптаны вами в грязь. Люди были для вас лишь средством вашего ненасытного стремления к власти. Вы уничтожили немецкий народ. В этом ваша ужасная вина!»

Прежде никто не смел говорить так резко с Борманом, когда же Бургдорф закончил, его последние слова прозвучали «почти как проклятие». Воцарилось напряженное молчание, прерываемое лишь звуком тяжелого дыхания Бургдорфа. Затем Болдт услышал «бесстрастный, логичный и вкрадчивый» голос Бормана. Он ответил в лаконичной и непривычно мягкой манере: «Мой друг,

вам следовало бы быть разборчивей в обвинениях. Если кто-то и обогащался, то я, по крайней мере, к этому непричастен. Могу поклясться всем святым. Ваше здоровье, приятель!»

Через четыре дня больше не будет тостов за здоровье Бургдорфа. Его найдут застреленным. Но через семь часов после обличительной речи Бургдорфа против Бормана Болдт снова видел их вместе. Молодой капитан зашел с докладом в комнату совещаний Гитлера, где его взгляду открылись Бургдорф, Борман и Кребс, погруженные в легкие кресла и укрытые подушками и одеялами. Они спали и громко храпели. Гитлеру пришлось пробраться мимо их вытянутых ног, чтобы выслушать доклад Болдта.

Этот доклад, как и прочие доклады в оставшееся время 28 апреля, отображал мрачную картину. Части Красной армии пробились в центр Берлина, и некоторые из них продвинулись на дистанцию нескольких кварталов от имперской канцелярии. Никаких вестей не получено ни от 12-й армии Венка, ни от каких-нибудь других истощенных, понесших потери войск, которые, как еще надеялись обитатели бункера, могли прорвать окружение русских и освободить их. Генерал Вейдлинг больше не верил в такую возможность. Он полагал, что бункер будет захвачен через два дня, поскольку его потрепанные и малочисленные защитники израсходуют боеприпасы. Вейдлинг намеревался предложить Гитлеру на военном совещании, намеченном поздним вечером, прорываться на запад.

Русские снаряды продолжали рваться над бункером, выводя из строя систему коммуникаций. В результате оставался единственный надежный канал общения с внешним миром — центр радиотелефонной связи со штаб-квартирой гроссадмирала Дёница в Плёне близ Киля и балтийского побережья, почти в 200 милях (около 320 километров) к северо-западу от Берлина.

«Нехватка свежего воздуха становилась непереносимой, — вспоминал Болдт, — головная боль, прерывистость дыхания, потоотделение усиливались… люди… погружались в отупение». К ним не принадлежал Мартин Борман. Оставаясь активным, он в 8.00 утра отправил радиограмму Денницу:

> «Вместо того чтобы побудить войска спасать нас, командование хранит молчание. Видимо, лояльность сменило предательство. Канцелярия уже в руинах».

Поскольку молчание относительно сил спасения продолжалось, Борман послал Дёницу вторую радиограмму:

> «Шёрнер, Венк и другие должны доказать лояльность

фюреру, придя к нему на помощь как можно скорее».

Эта радиограмма тоже осталась без ответа. Кольцо окружения британскими и канадскими войсками собственного штаба Дёница, управлявшего остатками сил на севере, стремительно сужалось. И Денниц, и представители его объединенного штаба знали, что немецких войск, способных свободить Берлин, не существовало.

Гитлер и Борман могли этого со всей определенностью не знать. Из-за нарушения связи они не представляли реальную картину событий, происходивших вне подземного мира бункера. Войдя в него, ни один из них не заставил себя выйти наружу и оценить ход боев в самом Берлине.

Наконец, в 9.00 вечера снаружи пришла сенсационная весть. Она не имела отношения к войскам спасения или осуществлению решения Гитлера покончить жизнь самоубийством. Тем не менее эта весть позволила Борману пережить мгновения настоящей радости. Он сидел в кабинете ожидания перед совещательной комнатой фюрера, когда появился Хайнц Лоренц из министерства пропаганды. Лоренц занимался отслеживанием сообщений зарубежных средств массовой информации. Он имел при себе копии сообщений британского агентства Рейтер, которые считал достаточно важными, чтобы показать Гитлеру.

Фюрер проводил совещание, поэтому Лоренц передал переведенные копии сообщения Борману, Геббельсу и Вальтеру Хевелу из МИДа. Борман прочел, что Генрих Гиммлер предложил безоговорочную капитуляцию Германии правительствам Великобритании и США, но не России.

Геринг уже был устранен в качестве преемника Гитлера. Теперь, в результате утечки информации в прессу, которая донесла до обитателей бункера весть о переговорах рейхсфюрера СС, министра внутренних дел и начальника полиции Германии Гиммлера с Бернадотом, об этом впервые узнал и Борман. Ему не было необходимости истолковывать значение этого сообщения для Гитлера. Однако он позаботился о том, чтобы копия сообщения была немедленно передана фюреру его камердинером Хайнцем Линге.

Выжившие свидетели по-разному описывали реакцию Гитлера. Как бы он себя ни вел, «бесновался как сумасшедший» или воспринял новость с тупой отрешенностью, несомненно одно: неожиданное предательство «верного Генриха» стало сигналом конца. Он уединился с Борманом и Геббельсом на приватное совещание. Записей его нет, но, судя по событиям, которые вскоре последовали, совещание касалось вопроса о руководстве

нацистской Германии после смерти Гитлера.

Незадолго до полуночи Геббельс, Борман и Гитлер собрались на совещание. Генерал Вейдлинг представил тщательно разработанный план прорыва из района бункера рейхсканцелярии танковой группы из сорока машин вместе с фюрером. Гитлер не проявил к нему интереса. «Ваш план хорош, — сказал фюрер Вейдлингу. — Но какая от него польза? Даже если нам повезет, мы будем бегать от одного убежища к другому. Я не хочу, чтобы меня поймали в том или ином лесу».

Не будет ни прорыва, ни капитуляции, решил фюрер. Затем он наведался к Риттеру фон Грайму, которого назначили вместо Геринга в качестве главнокомандующего люфтваффе. Его ранили в правую ступню, когда он летел вместе с Ханной Райч в Берлин на легком самолете. Гитлер попросил Грайма совершить еще один перелет. Ему следовало обеспечить поддержку люфтваффе наземных сил, которые еще способны деблокировать Берлин. Грайм должен был удостовериться также в том, что Гиммлер будет арестован. Предатель не должен наследовать мне», — сказал фюрер. Фон Грайму вместе с Ханной Райч удалось вылететь из Берлина, но без всякой пользы, поскольку он не располагал средствами для выполнения порученных ему заданий (в мае 1945 года фон Грайм, не дожив до 53 лет, покончил с собой в американском госпитале, не пережив позора поражения. — Ред.).

После отлета фон Грайма Гитлер оформил браком свои тринадцатилетние отношения с Евой Браун (имеются в виду интимные отношения, а знакомы они были 15 лет. — Ред.). 16 лет назад Гитлер был свидетелем на свадьбе Бормана. Теперь Борман стал одним из двух свидетелей на свадьбе Гитлера. Другим свидетелем был Геббельс. На брачной церемонии больше никто не присутствовал, кроме Вальтера Вагнера, который руководил этим действом 29 апреля около часу ночи.

Вагнер представлял собой тридцативосьмилетнего мелкого нацистского служаку в управлении по правовым вопросам Берлина, которого выбрали наугад и спешно отправили проводить свадебную церемонию. Раньше он никогда не встречался с фюрером, не слышал о Еве Браун и не приглашался на официальные приемы. Вагнер оставил бункер, чтобы встать в ряды фольксштурма, и на следующий день был убит в бою. Его вдова позже прочла копию свидетельства о браке и сказала: «Поглядите. Это Вальтер женил. Гитлера. По почерку видно, как он волновался».

Приглашенных на прием угощали шампанским. Приглашены были Борман, Геббельс и его супруга, секретари Гитлера, фрау

Кристиан и фрау Юнге, Бургдорф, Кребс. Некоторые другие обитатели бункера тоже заходили время от времени на эту странную церемонию, в ходе которой жених предавался воспоминаниям о прошлой жизни и говорил о намерении совершить самоубийство. Около 2 часов ночи Гитлер, извинившись, откланялся и начал диктовать фрау Юнге в соседней комнате политическое завещание и личную волю.

В 4 часа утра документы были готовы. Борман, Геббельс, Кребс и Бургдорф подписали политическое завещание в качестве свидетелей. В его первой части Гитлер продекларировал, что «международное еврейство и его пособники» ответственны за войну и беды, которые она несет. Он также официально исключил Геринга из нацистской партии и аннулировал его право на наследование. Гроссадмирал Дёниц был назначен президентом рейха и Верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Во второй части завещания Гитлер исключил Гиммлера из нацистской партии и снял его со всех постов. «Геринг и Гиммлер, — диктовал фюрер, — секретными переговорами с врагом, без моего ведома и одобрения, а также своими незаконными попытками захватить власть в государстве навлекли на страну и весь народ несмываемый позор, не говоря уже о нелояльности ко мне лично».

Гитлер полагал, что знает, кто оставался лояльным. В новом кабинете Дёница он назначил Геббельса имперским канцлером. Руководителем партии, человеком, который должен быть непосредственно заинтересован в будущем нацизма, Гитлер назначил Мартина Бормана.

Далее фюрер отметил, что, хотя определенное число лиц, которых он назначил в новое правительство, таких «как Мартин Борман, доктор Геббельс и т. д… остались со мной по своей доброй воле и ни при каких обстоятельствах не захотели покинуть столицу рейха, но предпочли умереть здесь вместе со мной, я тем не менее прошу их подчиниться моим указаниям и таким образом поставить интересы нации выше собственных чувств».

В кратком изложении личного волеизъявления, которое последовало за политическим завещанием, Гитлер указал: «Моя собственность, имеющая какую-либо ценность, принадлежит партии или, если ее существование прекратится, государству. Если прекратит существование и государство, дальнейших указаний с моей стороны не потребуется…»

Душеприказчиком Гитлер, естественно, выбрал человека, которого считал наиболее преданным и надежным последователем. Предполагалось, что душеприказчик, по самой

природе своих функций, должен пережить своего завещателя.

> «В качестве душеприказчика, — продолжал фюрер, — я назначаю своего преданного товарища по партии Мартина Бормана. Ему передается правоспособность принимать все решения. Ему позволено передать моим родственникам все, что имеет ценность личного сувенира или необходимо для поддержания мелкобуржуазного образа жизни, особенно матери моей жены и моих преданных сотрудников обоего пола, которые ему хорошо известны. Основными из них являются мои бывшие секретари фрау Винтер и т. д., которые много лет оказывали мне поддержку своей работой».

Гитлеру пришел конец. В последнем параграфе своего волеизъявления он объяснил почему: «Моя жена и я выбрали смерть, чтобы избежать позора лишения власти и капитуляции. Мы хотим, чтобы наши тела были немедленно сожжены в месте, где я выполнял большую часть своей ежедневной работы во время двенадцатилетнего служения своему народу».

Борман подписал волеизъявление в качестве свидетеля. Так же поступили Геббельс и полковник фон Белов. Выполнив все формальности, Гитлер удалился на отдых. Борман и Геббельс не могли себе позволить этого. Обоим предстояло принять собственные решения относительно своего будущего.

Глава 12
«Обстановка в Берлине все более обостряется»

Доктор Йозеф Геббельс отправился в свои апартаменты подумать, а затем составить свое Приложение к Политическому завещанию фюрера.

«Фюрер приказал мне, — писал он, — в случае краха обороны столицы рейха оставить Берлин и принять участие в работе назначенного им правительства в качестве его руководителя.

Впервые в жизни я должен решительно отказаться подчиниться приказу фюрера… В обстановке предательства, которая окружает фюрера в эти наиболее критические дни войны, должен найтись кто-то, готовый остаться с ним безоговорочно до самой смерти… Я выражаю твердую решимость не покидать столицу рейха, даже если она падет, но предпочту, находясь рядом с фюрером, покончить с жизнью, которая не будет представлять для меня ценности, если я не смогу потратить ее на службе фюреру и рядом с ним…»

Борман тоже решил остаться с Гитлером до его смерти. Но он не собирался убивать себя. Гитлер приказал ему остаться в живых и продолжить руководство нацистской администрацией и политикой. Борман должен был попытаться это сделать.

Но прежде всего следует решить вопрос об уничтожении Геринга. Посреди окружающего его хаоса Борман нашел время послать телеграмму своим агентам в Берхтесгадене:

> «Обстановка в Берлине все более обостряется. Если Берлин и мы падем, изменники 23 апреля должны быть уничтожены. Господа, выполните свой долг! От этого зависят ваша жизнь и честь!»

К счастью для Геринга, его вывезли из Берхтесгадена в место, которое Борман не знал, и таким образом рейхсмаршал избежал казни эсэсовцами.

Затем Борман занялся проблемой доставки политического завещания и волеизъявления Гитлера Дёницу. Он вызвал своего личного помощника в течение многих лет полковника СС Вильгельма Цандера и передал ему копии документов с набросанными сверху небрежными надписями: «Дорогой гроссадмирал. Поскольку [германские] войска не смогли подойти и наше положение, видимо, безнадежно, фюрер продиктовал

прошлой ночью прилагаемое политическое завещание. Хайль Гитлер. Ваш Борман».

Цандеру предстояло пройти пешком опасный путь в 200 миль. Даже если бы он сумел его пройти, что сомнительно, ему потребовалась бы на это по крайней мере неделя. Тем не менее, Борман сразу не сообщил по радио весть о назначении Дёница, несмотря на возможность сделать это быстро. Это был первым из ряда хитроумных шагов Бормана в отношении гроссадмирала.

Хайнцу Лоренцу из министерства пропаганды тоже были переданы копии этих документов, как представителю Геббельса. Ему было поручено пробраться к Дёницу. Третий пакет документов вручили армейскому майору Вилли Йоханмайеру. Ему приказали доставить этот пакет вновь назначенному главнокомандующему сухопутными силами, фельдмаршалу Фердинанду Шёрнеру, чья группа армий «Центр» в Чехии еще сопротивлялась.

29 апреля около полудня Цандер, Лоренц и Йоханмайер покинули имперскую канцелярию. Перед отбытием Цандер позвонил по телефону в кабинет Бормана, чтобы попрощаться. Звонок вызвал лишь раздраженный вопрос, почему он еще не отбыл, и приказ сделать это немедленно.

Цандер и Лоренц не смогли добраться до Дёница, а майор Йоханмайер — до Шёрнера. Но всем трем курьерам удалось пройти через расположение русских войск численностью почти в два с половиной миллиона человек, которые занимали весь Большой Берлин, за исключением нескольких квадратных миль (автор приводит цифру «2,5 миллиона» — это численность всех советских войск, задействованных в Берлинской операции, от Балтийского моря до района Дрездена. В боях же по ликвидации берлинской группировки к 26 апреля принимали участие около 464 тысяч советских солдат и офицеров, свыше 12,7 тысячи орудий и минометов, до 2,1 тысячи установок реактивной артиллерии, около 1500 танков и САУ. Им противостояли 300 тысяч немецких солдат и фольксштурмистов, 3 тысяч орудий и минометов, 250 танков. — Ред.). Медленно двигаясь через леса, озера и реки, они испытали серию необычайных приключений и наконец оказались в Центральной Германии. На этой территории, занятой британскими и американскими войсками, им удалось выдать себя за иностранных рабочих.

Цандер дошел пешком до своей родной Баварии. Сначала он направился в Мюнхен, а затем в находившийся в 40 милях южнее городок Тегернзе, где спрятал документы. Личный помощник Мартина Бормана затаился и начал новую жизнь. Полковник СС Вильгельм Цандер превратился в баварского огородника по

имени Фридрих Вильгельм Паустин.

В самом бункере рейхсканцелярии все быстро приближалось к концу. 30 апреля, около 2.30 ночи, почти двадцать членов обслуживающего персонала Гитлера, большей частью женщины, построились в центральном проходе, где обычно принимали пищу. Гитлер в сопровождении Бормана вышел из своих личных апартаментов. С увлажненными глазами фюрер прошагал мимо строя. Некоторым из выстроившихся людей он пожал руки, другим что-то сказал. Это была прощальная церемония, и, завершив ее, Гитлер вернулся в свои апартаменты.

Борману, который думал скорее о сохранении жизни, чем о смерти, было чем заняться. 30 апреля, около 3.30 ночи, он послал радиограмму Дёницу: «Совершено новое предательство. Согласно передаче радио противника, Гиммлер через Швецию сделал предложение о капитуляции. Фюрер ожидает, что Вы Примите быстрые и беспощадные меры в отношении предателей».

За ней последовала другая радиограмма: «Дёниц! У нас крепнет впечатление, что «дивизии на Берлинском театре военных действий несколько дней стоят в бездействии. Все сообщения, которые мы получаем, контролируются, утаиваются и искажаются Кейтелем. Мы же имеем связь только через Кейтеля. Фюрер приказывает вам действовать немедленно и беспощадно против всех предателей. Борман».

К этой телеграмме, в которой еще не упоминалось ни слова о назначении Дёница, Борман добавил постскриптум, который явно отрицал приближение конца: «Фюрер жив и руководит обороной Берлина».

Пребывая в своей штаб-квартире, которая располагалась в тихом, живописном городе Плён, близ балтийского побережья, гроссадмирал Карл Дёниц был крайне озадачен телеграммами Бормана.

«Как можно, — недоумевал Дёниц, — ожидать от меня «принятия быстрых и беспощадных мер» против рейхсфюрера, в распоряжении которого вся полиция и СС?»

Гиммлер действительно находился на северной прибрежной территории и в сопровождении зловещего окружения эсэсовцев. У гроссадмирала и его штаба не было никакой вооруженной полиции, и он не имел полномочий, позволяющих ему принимать меры против рейхсфюрера. Более того, Дёниц ожидал, что Гиммлера назначат через несколько дней главой государства, и он готов был предложить свои услуги рейхсфюреру СС, если последний получит законное назначение. «То, что мне могут доверить эту миссию, — вспоминал Дёниц, — в голову не приходило».

Сдержанность Дёница понятна. С 1912 года он посвятил всю свою жизнь флоту. В Первую мировую войну служил на подводных лодках и, как признанный эксперт подводной войны, был назначен в январе 1943 года главнокомандующим ВМФ. Несмотря на то что Дёниц не был ревностным нацистом, он обнаружил качества, полезные для целей партии, снискал расположение Гитлера и служил ему с преданностью, не вызывавшей сомнений. Но у него совершенно не было опыта в проведении внутренней или внешней политики.

Для Гитлера этот на первый взгляд странный выбор, видимо, был вполне логичным. Фюрер хотел продолжения войны и после своей смерти. Он понимал, что вермахт не будет продолжать войну под руководством гражданских партийных функционеров, таких как Борман и Геббельс. Но под командованием уважаемого представителя высшего офицерства, однако, мог это делать. Люфтваффе и СС командовали, по мнению Гитлера, предатели. Сравнительно небольшой флот, однако, сохранял дееспособность и лояльность, равно как и его главнокомандующий. Почему бы не выбрать Дёница?

Борман, видимо, задавал себе такой же вопрос и легко отвечал на него. Изолированный в осажденном бункере, он едва ли мог претендовать на роль преемника фюрера. К тому же было бы гораздо лучше обременить Дёница продолжением войны и, если возникнет необходимость, ведением мирных переговоров. Гроссадмирал был, кроме того, можно сказать, «политическим неофитом». Когда Гитлер и Геббельс уйдут из жизни, ему потребуются услуги деятеля, искушенного в политических вопросах, деятеля, который, оставаясь в тени, направлял бы номинального главу государства в нужное нацистское русло. Под главенством Дёница для Бормана сохранялась бы возможность осуществлять власть, к которой он так привык.

Даже в этот период Борман вел себя в отношении Дёница так, будто тот был номинальным главой государства, поддающимся манипуляциям. Курьеры не добрались до Дёница, он ничего не знал об их судьбе. И 30 апреля, в 3.00 ночи, когда прошло более чем тридцать пять часов с тех пор, как Гитлер завершил составление своего политического завещания, Борман все еще не потрудился сообщить Дёницу, хотя бы намеком, о том, что тот является преемником фюрера.

Очевидно, Борман решил, что Дёницу следует подождать, пока Гитлер сведет счеты с жизнью. Затем гроссадмирал узнает о своем возвышении от нового главы кабинета. Таким образом, место Бормана в новом правительстве будет обеспечено с самого начала.

Но время быстро уходило. Чтобы маневры Бормана удались, Гитлеру следовало покончить жизнь самоубийством до того, как русские начали бы штурмовать бункер рейхсканцелярии и лишили бы Бормана шанса ускользнуть из него и остаться живым.

Гитлер начал то, что должно было быть его последним военным совещанием, в полдень 30 апреля. Ему сообщили, что войска Красной армии находятся в квартале от бункера рейхсканцелярии.

Русские знали, что Гитлер в Берлине, ибо эта весть передавалась по немецкому радио. Но они не знали точно, что он укрывался в бункере под зданием старой имперской канцелярии. Знай они точно, что именно здесь находится Гитлер, бункер был бы уже взят. Но 30 апреля уже было ясно, что части Красной армии полностью блокируют бункер уже на следующий день, не позже.

После совещания Гитлер не спеша съел свой обычный вегетарианский завтрак. Борман приказал полковнику Отто Гюнше, двухметровому эсэсовцу, адъютанту фюрера, доставить как можно больше бензина к входу в бункер. Гюнше передал приказ по телефону Эриху Кемпке, личному шоферу Гитлера в течение тринадцати лет, который заведовал автомобильным парком. Этот приказ удивил Кемпку. Он сказал, что будет трудно достать много бензина, но Гюнше настаивал.

Около 2.30 дня Гитлер закончил завтрак. В сопровождении Евы Браун он затеял затем другую прощальную церемонию. Фюрер пожал руку каждому, кто был рядом с ним в бункере, — они видели его живым в последний раз.

Среди них были Борман, Геббельс, Кребс и Бургдорф. Присутствовали также Гюнше; начальник секретной охраны бригадефюрер (генерал-майор) СС Йохан Раттенгубер; его заместитель, полковник СС Хёгль; секретарши Гитлера — фрау Юнге и фрау Кристиан; его повар, фрейлейн Манциали; его камердинер, Хайнц Линге. Кроме них были также статс-секретарь министерства пропаганды Вернер Науман; курьер по связям с МИДом Вальтер Хевел и курьер по связи с Дёницем вице-адмирал Эрих Восс.

Еще одним свидетелем прощания была секретарша Бормана фрейлейн Эльза Крюгер, тридцатилетняя уроженка Гамбурга. Как глава канцелярии нацистской партии, Борман однажды обзавелся четырьмя секретаршами. Одну он оставлял не очень занятой, чтобы записывать от руки его приказы и тексты телеграмм. «Все, что мне нужно было сделать, — вспоминала фрейлейн Крюгер, — это приготовиться морально к собственной смерти».

Гитлер уже приготовился. Закончив рукопожатия, он

уединился с Евой Браун в личном кабинете, оставив остальных дожидаться собственной судьбы.

Затем Борман попросил всех, кроме нескольких лиц, выйти из помещения. Камердинер Линге пошел в собственную небольшую комнату. Геббельс и Бургдорф ждали в центральном проходе. Гюнше и Борман заняли места перед закрытой дверью прихожей, ведущей в кабинет фюрера.

— Что будет с нами без него? — как-то спрашивал Борман жену.

Ответ на этот вопрос прозвучал в 3.30 ночи. Борман услышал одиночный выстрел из пистолета. По словам Гюнше, он первым ворвался в кабинет Гитлера. За Борманом последовали Гюнше с Линге.

Резкий запах цианида, которым отравилась Ева, ошеломил Бормана. Ева находилась в правом углу небольшого дивана. В левом углу Борман увидел распластавшегося Гитлера, из раздробленного черепа которого стекала кровь. На столике перед ним лежал револьвер, другой валялся под столиком на ковре. По свидетельству Гюнше, Борман не нашелся сказать что-нибудь. Ни слова не вымолвили другие свидетели события.

Гюнше поспешил в центральный проход. Там он увидел Эриха Кемпку, который только что прибыл, чтобы доложить о выполнении приказа. Канистры, наполненные пятьюдесятью галлонами бензина, стояли у входа в бункер. Гюнше сообщил остолбеневшему Кемпке, что Гитлер мертв и почему так срочно потребовался бензин.

Линге и личный врач Гитлера, доктор Штумпфеггер, понесли тело фюрера, завернутое в армейское одеяло, чтобы скрыть лицо, вверх по лестнице в сад канцелярии.

Следом шел Борман, несший на руках тело Евы Гитлер. Это зрелище потрясло Кемпку. «Ева ненавидела Бормана, — вспоминал Кемпка. — Он причинял ей много неприятностей. Она знала о его многолетних интригах в борьбе за власть. Теперь после смерти ее заклятый враг нес ее в последнее место упокоения. Борман не должен был сделать больше ни одного шага с Евой на руках». Кемпка подошел к Борману и без слов взял у него ее труп.

Тела Гитлера и его жены поместили в неглубокие ямы близ входа в бункер. Затем Гюнше, Линге и Кемпка обливали их бензином, в то время как в саду рвались русские снаряды.

Из входа в бункер Борман, Геббельс и доктор Штумпфеггер молчаливо наблюдали, как Гюнше поднес горящий факел к могилам. Трупы немедленно охватили языки пламени, возрастая в размерах. Пока пламя все выше поднималось в апрельском

воздухе, а интенсивность обстрела русской артиллерией усиливалась, Борман и его спутники стояли по стойке «смирно», вытянув правую руку в нацистском приветствии.

Гюнше, Кемпка и Линге подливали бензин, чтобы выполнить желание фюрера исключить возможность выставления его останков на какой-нибудь дикой русской выставке. Борман и Геббельс не стали задерживаться на лицезрении этой мрачной сцены. Они спустились по ступенькам в совещательную комнату бункера. Теперь им самим предстояло решать, что делать дальше.

Бургдорф, Кребс, Науман и несколько других лиц находились в конференц-зале, так же как и Артур Аксман. Он был лидером гитлерюгенда, члены которого также были брошены на защиту Берлина. Аксман выглядел толстым коротышкой, он был тридцатидвухлетним уроженцем Берлина. Три года назад он потерял руку в России. Глядя на Бормана, Аксман заметил, что лицо у того покраснело.

«Означает ли это, — строил догадки Аксман, — что он волнуется, несмотря на внешнее спокойствие? Силой Бормана была близость к Гитлеру. Теперь Гитлер мертв, и та же участь постигла его влияние».

Сам Борман, очевидно, так не думал. Пока оставалось время, он не торопился со своим уходом из бункера и попыткой добраться до Дёница или до какого-нибудь иного сомнительного места. Вместо этого они с новым рейхсканцлером Геббельсом стали разрабатывать план дальнейших действий.

Но прежде чем осуществлять этот план, Борману следовало кое-что разъяснить Дёницу. И вот примерно в 6 утра, в то время как пламя продолжало жарить труп Гитлера, Борман послал телеграмму:

> «Гроссадмиралу Дёницу.
>
> Вместо бывшего рейхсмаршала Германа Геринга фюрер назначает своим преемником вас, господин гроссадмирал. Подтверждение этого в письменной форме последует с курьером. Отныне вы Уполномочены принимать любые меры, которые требует обстановка.
>
> *Борман».*

«Эта телеграмма привела меня в полное замешательство», — вспоминал Дёниц. Он послал радиограмму в бункер и адресовал ее фюреру.

> «Моя лояльность к вам безусловна. Сделаю все возможное для освобождения вас в Берлине. Если судьба

все-таки заставляет меня управлять рейхом в качестве назначенного вами преемника, я продолжу войну до итога, достойного уникальной героической борьбы немецкого народа».

Борман получил эту радиограмму. По собственной прихоти, он преднамеренно воздержался от информирования Дёница о смерти Гитлера и о том, что гроссадмирал, следовательно, уже является законным главой государства. Но это ключевое упущение составляло суть плана.

Геббельс и Борман решили, что наступило время не сдаваться русским, но вести с ними переговоры. Генерал Кребс, говоривший по-русски, был выбран переговорщиком. Ему поручили сообщить русским военным властям, что Гитлер мертв, и передать им имена тех лиц, которые назначены в новое правительство. Ему следовало также передать письмо, написанное и подписанное Геббельсом и Борманом, которое содержало аналогичную информацию и адресовалось Сталину. По существу, Кребса уполномочили договориться о перемирии — с тем, чтобы новое правительство смогло быть сформировано и повести дальнейшие переговоры.

План был иллюзорным. Русским ничего не было нужно, кроме безоговорочной капитуляции. Геббельс и Борман сидели в бункере как в западне, и русские могли захватить их в любое время, теперь точно зная их местоположение. Но в этом последнем приступе фантастического осмысления реальности Геббельсу терять было нечего. В случае провала мирного предложения он приготовился осуществить свое прежнее решение — покончить жизнь самоубийством.

Для Бормана ситуация выглядела иначе. Он был полон решимости жить дальше. Если план осуществится, его признают полномочным членом нового правительства и, возможно, обеспечат гарантией безопасного ухода из Берлина. Тогда он отправится к Дёницу в качестве привилегированного эмиссара.

Но пока реакции русских на миссию Кребса не было, Борману приходилось воздерживаться от информирования Дёница о смерти Гитлера. Страх, который внушал всем Борман, и власть, которой он пользовался, исходили от близости к фюреру. И если Дёниц узнает, что Гитлер мертв, он может не пожелать принять Бормана в качестве своего советника. Дёниц даже может воспользоваться услугами Гиммлера — для формирования правительства без Бормана.

С русскими связались по радио, и они согласились принять германского представителя. Около полуночи Кребс отправился

пешком по развалинам на позиции русских в указанном месте. Его сопровождали два солдата, переводчик и начштаба коменданта Берлина генерала Вейдлинга полковник Теодор фон Дуфвинг.

Кребс был полноватым мужчиной среднего роста. Бритоголовый, он имел на лице шрамы от недавно залеченных ран, полученных во время воздушного налета в марте, кребс был одет в кожаный плащ, на шее — Железный Крест. Однако для этого визита последний начальник Генштаба не взял с собой привычный монокль.

Когда Кребс ушел, Геббельсу и Борману ничего не оставалось, как только ждать реакции на его миссию. На рассвете следующего дня, 1 мая, они все еще не имели известий от Кребса или русских. В 7.40 утра Борман с понятным нетерпением отправил еще одну шифровку в Плён:

> «Гроссадмиралу Дёницу (секретно и лично).
>
> Волеизъявление вступило в силу. Выезжаю к вам возможно скорее. До моего прибытия вам, полагаю, следует воздерживаться от публичных заявлений.
>
> *Борман».*

Дёниц, конечно, ничего не знал о каком-либо волеизъявлении. Ему не сообщили еще о смерти Гитлера. И Борман, фактически, не стремился к нему «как можно скорее», поскольку решил дождаться каких-либо вестей от Кребса.

Вести пришли в середине утра, когда в бункере появился полковник фон Дуфвинг. Его с Кребсом принимал командующий 8-й гвардейской армией генерал-полковник Василий Чуйков. Кребс все еще вел переговоры с Чуйковым. Он не добился большого прогресса, поскольку позиция русских оставалась простой и непреклонной. Они заявили, что примут только немедленную и безоговорочную капитуляцию Берлина и обитателей бункера.

Фон Дуфвинг взглянул на Геббельса и нашел его спокойным, не подающим признаков страха. Полковник почувствовал, что, в противоположность Геббельсу, Борман дрожал и был озабочен лишь сохранением своей жизни. Однако ни Геббельс, ни Борман не согласились на капитуляцию. Вернулся Кребс. Когда он появился около полудня в бункере, то смог только повторить то, что уже сообщил фон Дуфвинг.

Это означало конец Геббельса. Он стал готовиться к сведению счетов с жизнью. Борман же начал планировать побег из бункера. Но сначала следовало сообщить Дёницу о реальной обстановке.

Теперь не оставалось причин, чтобы скрывать от него достоверную информацию. И вот в 2.46 ночи, через двадцать четыре часа после самоубийства Гитлера, в Плён была направлена радиограмма:

> «Гроссадмиралу Дёницу (лично и секретно).
> *Вручить только курьером.*
> Фюрер умер вчера, в 15.30. В своем завещании от 29 апреля он назначает вас президентом рейха, Геббельса — рейхсканцлером, Бормана — министром партии, Зейс-Инкварта — министром иностранных дел. Тесты завещания, по приказу фюрера, направляются вам и фельдмаршалу Шёрнеру, а также за пределы Берлина для сохранения в надежном месте. Борман постарается прибыть к вам сегодня для разъяснения обстановки. На ваше усмотрение оставляется форма и время объявления решения о вашем назначении вермахту и народу.
>
> *С подлинным верно — Геббельс, Борман».*

Теперь Дёниц узнал наконец, что Гитлер мертв и что он свободен в своих действиях. Дёниц прочел также, что Борман пытается к нему пробраться, чтобы «разъяснить обстановку». Относительно этой части замысла у Дёница было собственное мнение. Он стал отмежевываться от наиболее одиозных из оставшихся нацистских паладинов. Днем раньше он сообщил Гиммлеру, что не представляет себе, как он «мог бы использовать» в дальнейшем услуги рейхсфюрера СС. Теперь Дёниц издал приказ об аресте Геббельса и Бормана в случае их появления в Плёне.

«В тяжелой ситуации, в которой мы оказались, — вспоминал Дёниц, — я не мог позволить, чтобы меня обременяли вмешательством извне».

Борман, очевидно, намеревался добраться до Плёна. Конечно, он не знал о приеме, который ему готовится. Никто из обитателей бункера не мог припомнить, чтобы Борман называл какое-либо другое место назначения. Но тогда Борман делился сокровенными мыслями только с Гитлером, и если он держал в голове другой замысел, то не стал бы рисковать раскрытием его деталей.

Определенно лишь одно: Борман хотел выбраться из Берлина живым, и последний шанс для этого появился. У миссии Кребса был один осязаемый результат. Русские впервые получили представление о том, где находится бункер и кто в нем обитает. Их артиллерийский обстрел имперской канцелярии стал более

яростным и точным. Им противостояла лишь боевая группа Монке, наскоро сформированная часть из почти трех тысяч моряков, пожилых ополченцев, членов гитлерюгенда и эсэсовцев. У них заканчивались боеприпасы.

О спасении из осажденного бункера при дневном свете не могло быть и речи, поэтому Борману пришлось до ночи терпеть русскую канонаду и опасаться того, что русские могли захватить бункер в любой момент. Фактически, под его командой оставалось около шестисот солдат, партийные работники, госслужащие, секретари-женщины, которые остались в комплексе бункеров. Но со смертью Гитлера Борман больше не внушал беспрекословного подчинения. Он был одним из потенциальных беглецов, как и все другие, большинство из которых неистово носились вокруг «как цыплята с отрубленными головами», по выражению одного из обитателей бункера.

Возможен был лишь один план побега. Ушло время, когда можно было улететь на легком самолете или использовать какие-либо другие экзотические средства. Напротив канцелярии находилось метро. В разные промежутки времени ночью обитатели бункера покидали его, пробирались через ряд тоннелей и проникали в метро. Затем они шли по путям, не замечаемые русскими солдатами, которые находились над метро, пока не достигали станции Фридрихштрассе. Здесь они выходили на поверхность, надеясь оказаться на территории, еще удерживавшейся остатками боевой группы Монке. В нескольких ярдах от станции Фридрихштрассе находился мост Видендаммер, связывавший берега реки Шпре. При помощи отрядов боевой группы Монке беглецы перебирались через мост и затем уходили через северо-западные пригороды Берлина к Дёницу или в какое-либо другое безопасное место.

Для Бормана единственной альтернативой этому плану было бы самоубийство. Для понимания того, каковы были шансы у Бормана, имеют значение четыре человека: однорукий лидер гитлерюгенда Артур Аксман, Эрих Кемпка, доктор Людвиг Штумпфеггер и Вернер Науман.

Кемпке было 35 лет. Он родился в Рейнской области в шахтерской семье выходцев из Польши, одним из девяти братьев и сестер. В возрасте 14 лет бросил школу, чтобы стать учеником электромеханика. С 1932 года работал шофером Гитлера. Кемпка восхищался Гитлером, но к Борману относился иначе. «Те из нас, — вспоминал он, — которые работали долгое время рядом с этим дьявольским персонажем, ненавидели его».

Доктор Людвиг Штумпфеггер являлся компетентным врачом-ортопедом, специализировавшимся на восстановлении костей. Он

занял свой пост последнего личного хирурга Гитлера по рекомендации врача Гиммлера, доктора Карла Гебхардта, в клинике которого работал. Ростом в шесть с половиной футов (больше 2 метров), Штумпфеггер носил чин штандартенфюрера (полковника) СС. Он тоже восхищался Гитлером. Хотя Штумпфеггер не был таким шарлатаном, как прежние врачи Гитлера, он проводил медицинские эксперименты на узниках концентрационных лагерей. В последние несколько дней он снабжал обитателей бункера капсулами с ядом.

Вернер Науман, некогда статс-секретарь министерства пропаганды, был назначен Гитлером преемником Геббельса на посту главы министерства. Науман стал членом нацистской партии с 19 лет. Теперь, в 35 лет, он был магнетическим оратором с фанатичным блеском в глазах, завораживающих аудиторию.

Не каждый обитатель подземелья пожелал спасаться подобно Борману, Аксману, Кемпке, доктору Штумпфеггеру и Науману. Генералы Бургдорф и Кребс остались в бункере. На следующий день поисковая группа русских обнаружит их трупы. Вероятно, они застрелились.

Геббельс заметил, что не собирается проводить остаток жизни «таскаясь повсюду как вечный беглец». Он также расписался в своей решимости «покончить с жизнью, которая не будет иметь ценности для меня, если я не буду тратить ее на службе фюреру и рядом с ним…».

По крайней мере, этим словам он остался верен. Около 8.30 вечера Йозеф и Магда Геббельс отправились без сопровождения в сад имперской канцелярии. Их шестеро детей уже были отравлены ядом. В саду эсэсовец, подчинявшийся Геббельсу, выполнил его последний приказ. Он заключался в том, чтобы застрелить Геббельса и его жену.

Борман не проявил интереса к кончине Геббельса. Облить трупы нового рейхсканцлера и его супруги бензином и поджечь их выпало на долю адъютанта Геббельса, Понтера Швегермана. Пока трупы горели, Борман переместился в другой бункер под зданием новой имперской канцелярии. Отсюда должны были отправляться группы беглецов, поскольку полковник СС Гюнше предпринял меры для уничтожения самого бункера фюрера.

Эрих Кемпка, Артур Аксман и сотни других обитателей бункера опередили Бормана, который начал попытку собственного побега около 1.30 ночи. В небольшую группу Бормана входили доктор Штумпфеггер, Вернер Науман и Гюнтер Швегерман.

В ночь на 1 мая 1945 года Борману было уже 45 лет.

Несмотря на подземную жизнь, этот плотный, с бычьей шеей человек сохранял крепкое здоровье, позволявшее ему работать почти круглосуточно. Кроме большой родинки на левом виске и заметного шрама над правой бровью, не было признаков, отличающих его от обычных людей. У него были здоровые зубы, которые не имели особенностей, необходимых для опознания в будущем. Разумеется, ни русские солдаты, ни немецкие граждане не смогли бы опознать Бормана, поскольку он всегда предпочитал работать в негласной обстановке.

Борман не маскировался, но был одет в форму генерал-лейтенанта СС и кожаный плащ. В одном из карманов плаща хранилась копия последнего завещания, душеприказчиком которого он был. Возможно, при нем была капсула с ядом.

Фрейлейн Крюгер случайно встретила Бормана перед его побегом. «Ну, прощайте, — сказал Борман своей последней секретарше. — В этом предприятии теперь мало смысла, но я попытаюсь прорваться. Очень вероятно, что мне не повезет».

Борман направился к станции метро. Языки пламени от погребального костра Геббельса еще устремлялись в ночное небо. Пламя, частично уничтожившее тело фюрера, уже погасло.

Глава 13
Попытка побега

Борман вышел из подземелья станции Фридрихштрассе около 2 часов ночи. Во время войны он никогда не был на линии фронта. Более четырех месяцев Борман не покидал нереального мира имперской канцелярии. Теперь он вдруг оказался в эпицентре войны.

Сотни беженцев апатично брели по лестницам и платформам станции метро, в то время как Борман вышел из ночи, увидев каркасы разбитых зданий по обеим сторонам длинной улицы Фридрихштрассе. Электричества в Берлине не было, но небо освещали пожары в различных секторах города. Борман постоянно слышал звук стрельбы из стрелкового оружия и грохот артиллерии. Но он заметил, что территория вокруг станции метро удерживалась боевой группой Монке. До сих пор план побега осуществлялся успешно. Но теперь Борман видел, что в этом плане имелся изъян.

Прежние беглецы из бункеров имперской канцелярии толпились перед Видендаммерским мостом. Они не могли перебраться через него в северо-западные пригороды, и Борман мог ясно видеть почему. На мосту лежали десятки трупов. На дальней стороне моста виднелся барьер из противотанковых заграждений. За ним занимали позиции русские войска, засевшие в развалинах и подвалах по обе стороны улицы, периодически обстреливая анклав, удерживаемый немцами.

Аксман и Кемпка находились среди тех, которые остановились перед противотанковыми заграждениями. Борман сказал Кемпке, что хочет прорваться через заграждения, но Кемпка ответил, что сделать это невозможно без тяжелого вооружения. А его не было. Но вскоре после этого подъехали несколько немецких танков «Тигр» в сопровождении пехоты на бронетранспортерах. Кемпке показалось, что произошло чудо.

Бежать можно было только с территории на другой стороне реки. Без ее прохода беглецам грозил верный плен. Борман заметил разрыв в середине противотанковых заграждений. Он решил прорваться через него под прикрытием немецких танков. Небольшие группы беглецов прижимались к танкам и начали двигаться за ними через мост.

Кемпка заметил, как Борман побежал близко к левой стороне первого танка, у его башни. Прямо перед ним бежал Вернер Науман. Позади Бормана трусил доктор Штумпфеггер, а близ

левого заднего катка танка бежал Эрих Кемпка. Позади, еще дальше, следовали Аксман и другие группы беглецов.

Первый танк нырнул в проем между заграждениями. В темноте он продвинулся на несколько метров дальше. Затем Кемпка увидел вспышку, подобную молнии, и услышал оглушающий грохот. Танк с полным боекомплектом, который сдетонировал, разлетелся на куски. Кемпка считал, что танк был поражен выстрелом из ручного противотанкового гранатомета (советские воины захватили множество фаустпатронов, стрелявших кумулятивными гранатами, и активно их использовали. — Ред.), произведенным из одного из ближайших окон. Взрывной волной Кемпку отбросило в сторону и ударило о землю так, что он на время потерял сознание. Но до того как это случилось, Кемпка увидел Бормана, объятого пламенем.

Кемпка пришел в сознание, испытывая боль от осколочных ранении. Хотя и временно ослепленный вспышкой взрыва, он смог подползти к противотанковому заграждению. Он считал, что секретарь фюрера определенно погиб при взрыве. Затем к Кемпке вернулось зрение. Он пересек реку Шпре и отправился на запад.

Аксман тоже видел вспышку, слышал оглушающий грохот и упал на землю без сознания. Когда лидер гитлерюгенда пришел в себя, он вполз в воронку от разрыва снаряда. Там он увидел доктора Штумпфеггера, Наумана и Швегермана. С ними, по словам Аксмана, находился Мартин Борман. Он был жив и даже не ранен.

Люди в воронке отбросили всякую мысль о новой попытке пересечь Видендаммерский мост и вернулись на станцию Фридрихштрассе. Там Борман взял руководство на себя. Он повел Штумпфеггера, Наумана, Швегермана, Аксмана и адъютанта последнего, Вельцина, по путям.

Борман удалил знаки различия, чтобы выглядеть обыкновенным ополченцем. Так же поступили и те, кто шел за ним. Они пересекли Шпре по железнодорожному мосту. Он был звеном железнодорожной системы города, которая от подземной станции метро Фридрихштрассе переходила в наземные пути, идущие до станции Лертер. Когда беглецы двинулись по этим путям, по ним открыли огонь наугад из стрелкового оружия. Только благодаря темноте, считал Аксман, они избежали ранений.

Пройдя почти милю, группа беглецов приблизилась к станции Лертер. Борман дал знак остановиться. Станцию занимали русские. Чтобы избежать встречи с ними, шестеро беглецов перебрались через железные перила, прыгнули на край вала и спустились на улицу.

Они оказались возле русского контрольно-пропускного пункта. Русские солдаты окружили их. «Гитлер капут! Война закончена!» — вспоминал Аксман обращенные к ним слова. И для этих русских война действительно закончилась. Им осталось завершить зачистку некоторых очагов сопротивления и через несколько дней узнать о официальной капитуляции Германии.

Патрульные не проявляли никакой враждебности к людям, которых они приняли за разбитых ополченцев. Беглецам предложили сигареты, а Аксман показал русским свою искусственную правую руку, которую они с любопытством пощупали. Пока происходили эти события, глава канцелярии нацистской партии и доктор Штумпфеггер поспешили в восточном направлении, в сторону Инвалиденштрассе.

Патрульные подозрительно взглянули в их сторону и махнули рукой. Аксман боялся, что русские скосят их всех разом. Но ничего не случилось. Аксман, Вельцин, Швегерман и Науман побрели по Инвалидштрассе в западном направлении. И снова ничего не произошло.

Науман и Швегерман укрывались за некоторыми деревьями и кустами, отделившись от Аксмана и Вельцина, которые продолжали двигаться на запад, пока не услышали лязганье приближавшихся русских танков. Они повернули назад и пошли в обратном направлении по тому же пути. Слева от них виднелись серые руины зданий: старых казарм прусской армии, пожарного училища, почты. Справа располагались площадки Выставочного парка. Когда они почти прошли мост по железнодорожным путям к станции Лертер, Аксман заметил лежащих на мосту двух человек. Полагая, что они нуждаются в помощи, лидер гитлерюгенда наклонился к ним.

В этот момент он осознал, что видит перед собой доктора Людвига Штумпфеггера и Мартина Бормана. Они лежали на спине, вытянув руки и ноги, лунный свет освещал их лица. Аксман коснулся Бормана. Реакции не последовало. Он пригнулся ко рту Бормана. Не было никаких признаков дыхания. Однако не было и следов крови или ранения.

Это показалось странным. Возможно, Борман принял яд, строил догадки Аксман. Ведь он явно мертв. А может, просто потерял сознание? Но почему так совпало, что Борман и Штумпфеггер лежат без сознания в одинаковых позах, думал Аксман. Может, Борман притворился мертвым? В таком предположении не было смысла, поскольку он лежал у русского КПП под градом осколков снарядов и пуль, а русские танки приближались к его телу.

Внезапно русские открыли интенсивный огонь прямо по

мосту. Аксман и Вельцин были вынуждены скрыться во тьме. Таким образом, у Аксмана не было времени точно определить, видел ли он труп Бормана, хотя он был уверен в этом.

Но Кемпка и некоторые другие беглецы были убеждены, что Борман погиб во время подрыва танка. В любом случае Вельцин не мог подтвердить версию событий, изложенную Аксманом. На следующий день его арестовали русские, позже он умер в одном из их лагерей для заключенных. Если русские и допрашивали Вельцина, то не сообщили о его показаниях своим союзникам.

Однако Артуру Аксману удалось выбраться из Берлина и пробраться в Баварские Альпы, где он присоединился к подразделению гитлерюгенда и затем скрылся. Швегерман и Науман, расставшись с Аксманом, тоже выбрались из Берлина и дошли до западной части Германии, оккупированной британскими и американскими войсками.

Но немногие обитатели бункера, попытавшиеся спастись из подземелья имперской канцелярии, были столь же успешны, как члены небольшой группы Бормана Аксман, Кемпка, Швегерман и Науман. Членов других групп ожидала трагическая судьба. Заместитель бригадного генерала СС Раттенхубера, командир секретной охраны, полковник СС Хёгль был убит на Видендаммерском мосту. Самого Раттенхубера ранили и захватили в плен. Один из двух личных летчиков Гитлера, полковник СС Георг Биц, погиб. Другой летчик, генерал-майор Ганс Бауэр, получил ранение в левую ногу, которую пришлось ампутировать в русском плену. Гюнше, Монке, Линге и почти все другие беглецы из имперской канцелярии попали в плен.

2 мая 1945 года к полудню, когда генерал Вейдлинг сдал Берлин (последние очаги сопротивления. Только 2 май советские войска взяли в плен в Берлине 135 тысяч немецких солдат и офицеров. — Ред.), русские обнаружили трупы Геббельса и Гитлера. Но официально они отрицали это. На последовавшей пресс-конференции в Берлине 9 июня маршал Жуков заявил: «Мы не опознали тело Гитлера. Ничего не могу сказать о его судьбе. Он мог улететь из Берлина в последний момент. Состояние взлетной полосы позволило бы ему это сделать». Жуков явно выражал волю Сталина, который вынашивал странные идеи по этому вопросу (существует другая версия, что Сталин сначала приказал тщательно перепроверить, а затем засекретить место захоронения останков фюрера, чтобы в будущем избежать возможного поклонения «мощам» новых поколений нацистов. — Ред.). Только после смерти Сталина русские подтвердят, что 2 мая они обнаружили обугленное тело Гитлера.

Что касается Бормана, русские никогда не признавали, что

обнаружили 2 мая или позднее либо самого секретаря фюрера, либо его труп. В еще дымящихся развалинах Берлина, усеянного сбитыми самолетами, сгоревшими танками, разного рода оружием, трупами лошадей, солдат и мирных граждан, Борман исчез, очевидно, как пламя погребального костра фюрера. Но если он даже попал мистическим образом в неизвестную могилу или скрылся живым, его не забыли.

Геринг, например, не мог забыть Бормана. 5 мая Геринга освободил из-под стражи эсэсовцев в замке Маутерндорф проходивший мимо отряд люфтваффе. На следующий день Геринг послал телеграмму Денницу: «Адмирал, разве вам не известны интриги, угрожавшие безопасности государства, которые предпринимал рейхслейтер Борман, чтобы уничтожить меня? Все меры против меня были предприняты из-за направленной мною в полном согласии с моей лояльностью к фюреру просьбы прояснить, желал ли он, чтобы его приказ относительно преемственности власти вступил в силу… Меры против меня принимались на основе радиограммы, подписанной «Борман». Несмотря на мои требования, меня не допрашивали, никакие мои объяснения не принимались. Рейхсфюрер СС Гиммлер может подтвердить огромный размах этих интриг. Я узнал, что вы намереваетесь послать Йодля к Эйзенхауэру для переговоров. Думаю, в интересах нашего народа было бы, чтобы помимо официальных переговоров Йодля с Эйзенхауэром официально встретился я, как маршал с маршалом…»

Дёниц, который действительно готовился к переговорам о капитуляции, не потрудился ответить на эту телеграмму. Утром 7 мая была подписана безоговорочная капитуляция (в Реймсе; по настоянию Сталина была признана предварительной, и Акт безоговорочной капитуляции Германии был подписан в полночь 8 мая в юго-восточной части Берлина, в Карлсхорсте. — Ред.). На следующий день американские солдаты обнаружили Геринга в транспортной пробке на баварской дороге и привели в штаб, где сначала с ним обращались как с некоей знаменитостью.

Геринг хотел сдаться американцам. Генерал Колер узнал, что рейхсмаршал и его окружение попали в плен «с чувствами облегчения и юмора. Геринг перебрасывается шутками с американскими солдатами».

Начальник разведслужбы 7-й армии США, бригадный генерал Уильям Куин организовал встречу Геринга с журналистами. Ему задали вопрос, верит ли он, что Гитлер назначил Дёница своим преемником.

— Нет! — возразил Геринг. — Телеграмму Дёницу подписал Борман.

— Почему такая бесцветная личность, как Борман, имела такое сильное влияние на Гитлера? — последовал вопрос.

— Борман находился с Гитлером днем и ночью и постепенно подчинил его своей воле, которая регулировала всю жизнь Гитлера.

Таково было твердое убеждение Геринга по этому вопросу. По другому вопросу он выглядел менее уверенным.

— Вы знаете, что проходите по списку военных преступников?

— Нет, — сказал Геринг. — Я чрезвычайно удивлен этим и не могу представить почему.

Желание Геринга поговорить с Эйзенхауэром «как маршал с маршалом» не было удовлетворено. 21 мая его переправили в Бад-Мондорф в Люксембурге, где он содержался до последующего суда.

— Когда Геринг попался мне на глаза в Мондорфе, — говорил полковник Эндрюс Бартон, начальник отеля, служившего тюрьмой, — он выглядел ухмылявшимся неопрятным толстяком с двумя чемоданчиками, полными паракодеиновых таблеток. Я подумал, что он наркоторговец. Но мы сняли с него наркотический дурман и привели в человеческое состояние.

Не каждого человека, разыскиваемого Союзной комиссией по военным преступлениям, обнаружили и арестовали после капитуляции так быстро, как Геринга. Правительство Дёница продолжало действовать во Фленсбурге у границы с Данией, пока не было распущено союзниками 23 мая. Дёниц, Шпеер, Йодль и Кейтель были арестованы во Фленсбурге. Но другие известные нацисты исчезли в потоке беженцев, освобожденных военнопленных союзных войск и иностранных рабочих, а также бывших немецких солдат, в потоке, который выплеснулся из подземелий и развалин Третьего рейха.

«Крупнейшая в истории охота на людей идет от Норвегии до Баварских Альп», — заявил в палате общин британского парламента министр иностранных дел Великобритании Антони Иден. Тем не менее «охотникам» не удавалось вначале обнаружить многих из тех, которые разыскивались как главные военные преступники. Среди них были Эрнст Кальтенбруннер, Гиммлер, Бальдур фон Ширах, фон Риббентроп и Борман. У решительного и изобретательного человека, имевшего широкие связи и деньги, чтобы скрыться или даже выехать из Германии, оставалось достаточно много времени.

Доктор Эрнст Кальтенбруннер сменил Гейдриха на посту начальника Главного управления имперской безопасности, уголовной полиции и других полицейских учреждений. Конец

войны застал Кальтенбруннера в альпийском туристском селении Альт-Аусзе, у подножия австрийских Тотес-Гебирге (Мертвых гор). Затем он отправился в хижину в Мертвых горах, имея при себе армейскую расчетную книжку, которая удостоверяла его как офицера-медика. Книжка, заверенная фальшивой печатью, аккредитовала его при Международном Красном Кресте. 15 мая американские солдаты арестовали Кальтенбруннера только потому, что его выдал гид, который вел его по снегу в горную хижину.

Лишь 23 мая человек, носивший черную повязку на левом глазу и имевший документы на имя Генриха Хицингера, оказался в британском сборном контрольном лагере 031 близ Люнебурга. «Он выглядел небольшим, болезненным, неопрятно одетым», — вспоминает начальник лагеря, капитан Том Сильвестр, который вскоре получил от Хицингера признание подлинной идентичности: Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС.

В течение шестнадцати дней после капитуляции Германии Гиммлер и остатки его окружения бродили к югу от Фленсбурга. Дёниц больше не хотел иметь с ним дела. На мосту близ Бремерфёрде, в 90 милях к югу от Фленсбурга, они случайно остановились на британском контрольном пункте, где проходили проверку обычные немецкие солдаты, расходившиеся по домам.

Капитан Сильвестр передал Гиммлера начальнику разведки армии Монтгомери полковнику Майклу Мэрфи для дальнейших допросов (после того как Гиммлер назвал свое настоящее имя. — Ред.). Полковник Мэрфи и военврач капитан К. Дж. Л. Уэллс начали обычный осмотр своего пленника на предмет того, не прячет ли он капсулу с ядом для себя. Гиммлер, сбривший усики а-ля Гитлер, был вынужден раздеться догола. Вдруг, когда доктор Уэллс собрался поместить пальцы в рот Гиммлера, пленник раскусил маленький черный шарик. Он торчал, вспоминал Мерфи, «в зазоре между зубами на правой стороне нижней челюсти».

Несмотря на применение промывания желудка, рвотных средств и искусственного дыхания, Гиммлер через четырнадцать минут скончался. Таким образом, тайна характера человека, который непосредственно возглавлял организацию, уничтожившую миллионы людей, больше нельзя было раскрыть дальнейшими допросами. Гиммлера похоронили в могиле, местоположение которой англичане никогда не раскрывали, как русские не раскрывали место захоронения Гитлера.

Бальдур фон Ширах являлся предшественником Аксмана в качестве лидера гитлерюгенда, перед тем как стать гаулейтером и имперским комиссаром обороны Вены. Когда Красная армия

взяла город, он бежал в Швац в Тироле, отрастив бороду. Под именем Рихарда Фалька он столовался в фермерском доме и невероятным образом устроился переводчиком в одном американском подразделении. Лишь 5 июня фон Ширах добровольно раскрыл свою личность и сдался американским оккупационным войскам в Шваце.

Иоахим фон Риббентроп не опасался за свою жизнь до 14 июня. Бывший министр иностранных дел Третьего рейха, после того как Дёниц отверг его услуги, отправился на юг к Гамбургу. Под именем Райзер он попытался возродить свои старые деловые связи, которые имел в то время, когда он был виноторговцем. Он принялся прогуливаться вокруг Гамбурга, где располагалась штаб-квартира британских военных властей. На нем были темные солнцезащитные очки, черная фетровая шляпа и элегантный двубортный костюм. Бывшего министра иностранных дел арестовали только тогда, когда сын виноторговца, у которого «Райзер» пытался устроиться на работу, уведомил британские власти о подлинном его имени. При фон Риббентропе имелись письма, адресованные Монтгомери, Идену и «Винсенту» Черчиллю; капсула с цианистым калием и несколько сотен тысяч рейхсмарок.

Пусть с опозданием, все высокопоставленные нацисты наконец были либо арестованы, либо было установлено, что они мертвы. За исключением Мартина Бормана. Его местопребывание оставалось тайной. Сам Сталин сказал 26 мая Гарри Хопкинсу, эмиссару президента Рузвельта в Кремле, что, по его мнению, Борман бежал с другими нацистами из Берлина, что он жив и скрывается в подполье.

Затем появился человек, который утверждал, что видел Бормана живым. Это был Генрих Линау, шестидесятидвухлетний уроженец Фленсбурга и мелкий писатель, который содержался прежде узником концентрационного лагеря Заксенхаузен. Он сказал, что видел Бормана в лагере, когда тот совершал инспекционные визиты. Линау сообщил сотрудникам британской разведки, что снова видел Бормана 26 июля. Одетый в зеленую куртку охотника, Борман садился на железнодорожный поезд в Люнебурге. Он и Линау проехали вместе в товарном вагоне, набитом людьми, до Фленсбурга. Затем Борман исчез. Британская разведка не могла ничего предпринять по этой наводке.

31 августа радио контролируемого русскими Берлина объявило, что Борман находится «в руках союзников». Подробностей не сообщалось. 1 сентября штаб Монтгомери официально заявил, что англичане не располагают сведениями о местонахождении Бормана. «У нас его нет, — отмечалось в

заявлении. — В этом не может быть сомнений, и вряд ли им располагают американцы».

На следующий день высокопоставленный офицер при штабе помощника судьи Верховного суда, главы штаба США по розыску международных военных преступников Роберта Джексона, заявил в Берлине, что «господин Джексон не знает, содержится ли Борман у русских».

Неопределенность заявления Джексона понятна. Русские заняли Берлин. Только они располагали возможностью определить, что случилось с теми, кто находился в столице во время ее падения. Но русские не сотрудничали с их союзниками и не разглашали добытой информации, что являлось одном из первых зловещих признаков начала холодной войны.

Сталин, по каким-то одному ему известным причинам, упорствовал в введении в заблуждение своих союзников относительно смерти Гитлера, которую русские следователи, без сомнения, установили-. 17 июля на Потсдамской конференции Сталин сообщил Джеймсу Бирнсу, госсекретарю США, что, по его «мнению, Гитлер жив и находится, вероятно, в Аргентине или Испании.

В середине сентября комиссия русских по расследованию вынесла следующий вердикт по данному вопросу:

> «Не обнаружено никаких следов тел Гитлера или Евы Браун… Все свидетели, допрошенные нашими следователями, сообщили, что они не видели ни погребального костра, ни тел Гитлера и Евы Браун.
>
> Установлено, что Гитлер пытался скрыть свои следы посредством фальшивого завещания.
>
> Существуют неопровержимые доказательства того, что небольшой самолет вылетел из Тиргартена на заре 30 апреля в направлении Гамбурга. Стало известно, что на его борту находились трое мужчин и женщина.
>
> Установлено также, что большая подводная лодка отбыла из Гамбурга до прибытия британских войск. На ее борту находились таинственные пассажиры, среди которых была и женщина».

Это была чистейшая фантазия, но фантазия, вызванная подозрениями, предрассудками и непредсказуемыми настроениями Сталина, который хотел заполучить тело своего заклятого врага.

Лишь через пять месяцев после падения Берлина группе британских следователей позволили провести расследование обстоятельств последних дней Гитлера. Ее возглавлял историк,

выпускник колледжа церкви Христа Оксфордского университета, Хью Редуолд Тревор-Ропер, которого подрядила на эту работу британская разведка. Группа установила объективный факт, по крайней мере к удовлетворению западных союзников, что Гитлер и Геббельс мертвы. После смерти Сталина русские согласились наконец, что события происходили именно так, как их описывал Тревор-Ропер.

Однако Тревор-Ропер не смог прийти к какому-либо заключению относительно судьбы Бормана, обнаружив, что «свидетельства по этому вопросу противоречивы и неопределенны». В конце мая американские военные власти вызвали на допрос в Берхтесгаден Эриха Кемпку. Он подтвердил, что Борман был убит во время взрыва танка. То же сказал Йохан Раттенхубер, находившийся в русском плену. Но другой пленник русских, офицер эсэсовской охраны Гитлера, Гарри Менгерхаузен, был уверен, что после взрыва Борман остался жив. Гюнтер же Швегерман, обнаруженный в американской зоне оккупации, заявил, что он, Борман, Аксман и Вернер Науман после взрыва шли по полотну железной дороги к станции Лертер. Отчеты Аксмана и Наумана было невозможно получить в августе, поскольку в это время они, видимо, скрывались так же надежно, как Борман.

Эти противоречивые свидетельства и продолжавшаяся неопределенность в отношении судьбы Бормана поставили власти Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, а также Советского Союза перед дилеммой. Союзники решили предъявить обвинения и судить на Международном военном трибунале двадцать четыре нацистских функционера в качестве главных военных преступников, «чьи преступления не ограничиваются конкретным географическим местоположением». Решение приняли только после многочисленных словопрений по поводу правовых принципов, которые должны были соблюдать судьи, форм судопроизводства, прав и обязанностей его участников. Фактически только 8 августа представители четырех союзных держав подписали наконец в Лондоне соглашение о статусе суда и Международном военном трибунале.

Борман явно подходил под квалификацию главного военного преступника. Но, если он был мертв, ему едва ли можно было предъявлять обвинения и судить, так же как Гитлера, Геббельса и Гиммлера. Если же Бормана не судили бы, а позднее выяснилось бы, что он жив, то это породило бы большие сложности для Международного трибунала.

7 октября главный британский обвинитель, Хартли Шоукросс, отметил, что имеется решение этой дилеммы. Он сказал, что

Борман и Гесс, которого доставят из заключения в Англии, чтобы он предстал перед судом, возглавят список военных преступников. По словам Хартли, Борман должен будет фигурировать в обвинении, Гитлер нет, поскольку «имеется меньше оснований верить в то, что Борман мертв».

И в самом деле, считал Хартли, ни один из союзников не станет отрицать того, что Бормана не нашли живым или мертвым. Международный военный трибунал был вынужден принять необычное решение в отношении пропавшего без вести Мартина Бормана.

Глава 14
В его отсутствие

Начиная с 22 октября 1945 года по радио Гамбурга и Кельна в течение месяца, раз в неделю, передавали объявление. Его напечатали в то же время в четырех берлинских газетах. По всей Германии было расклеено 200 тысяч экземпляров данного объявления. Оно гласило:

«РАСПОРЯЖЕНИЕ ТРИБУНАЛА

Относительно оповещения, касающегося подсудимого Бормана.

Международный военный трибунал — Соединенные Штаты Америки, Французская республика, Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союза Советских Социалистических Республик

против

Германа Вильгельма Геринга и др. подсудимых.

Международный военный трибунал, будучи учрежденным надлежащим образом, а также получив обвинение, поданное в Трибунал главными обвинителями, причем один из обвиняемых, Мартин Борман, не обнаружен, предписывает, чтобы оповещение по поводу упомянутого Мартина Бормана производилось в следующей форме и следующим способом.

Форма оповещения.

Обратить внимание:

Мартин Борман обвиняется в преступлениях, совершенных против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечества, все они выдвинуты в обвинении, которое подано в Трибунал.

Обвинение имеется в наличии во Дворце правосудия, Нюрнберг, Германия.

Если Мартин Борман явится, он вправе выслушать обвинение лично или через адвоката.

Если он не явится, то его будут судить в его отсутствие начиная с 20 ноября 1945 года во Дворце правосудия, Нюрнберг, Германия, и если его признают

виновным, то он, без дальнейших слушаний, согласно распоряжениям Контрольного совета по Германии, будет казнен, где бы его ни обнаружили.

По распоряжению Международного военного трибунала

генеральный секретарь Гарольд Б. Уилли».

Если Мартин Борман и прочитал или услышал «Оповещение», он не стал обременять тех, кто его распространял, своим появлением во Дворце правосудия. К 17 ноября его исчезновение приобрело еще более таинственный характер. Но суд должен был вот-вот начаться, и Трибуналу следовало принять решение. И вот его председатель, досточтимый лорд-судья Джефри Лоуренс из Великобритании поинтересовался у главных обвинителей, желают ли они сделать какие-либо заявления в отношении Бормана.

Заместитель главного обвинителя от Соединенного Королевства, Дэвид Максвелл-Файф, который выступал также от имени Франции и Соединенных Штатов, ответил: «Если угодно, Трибуналу известно, что подсудимый Борман включен в обвинение, поданное на рассмотрение Трибунала. Нет никакого изменения позиции в отношении подсудимого Бормана, не представлено к сведению главных обвинителей никакой новой информации о нем…. Три члена группы, бывшие с Борманом в [sic] этом танке, были допрошены. Двое считают, что Борман погиб, третий — что он ранен. Положение, следовательно, таково, что обвинение не может сказать, что исключена вероятность гибели Бормана. Существует и реальная возможность того, что он жив.

В этих обстоятельствах я должен заявить, что он подпадает под четкие определения статьи 12 Устава: «Трибунал имеет право предпринимать судебное разбирательство против любого лица, обвиняемого в преступлениях, которые описаны статьей 6 этого Устава, в отсутствие этого лица, если оно не обнаружено».

Дэвид Максвелл-Файф предложил, чтобы Бормана судили в его отсутствие. Полковник Покровский от советской делегации согласился с его мнением. После перерыва Джефри Лоуренс объявил, что Бормана будут судить в его отсутствие и что для его защиты будет назначен адвокат.

Трудная миссия защиты была возложена на компетентного немецкого адвоката, доктора Фридриха Бергольда, который считал, что суд в отсутствие его клиента является правонарушением. По мнению доктора Бергольда, это была «совершенно новая процедура в правовой истории всех времен».

Позднее он заметил: «В Нюрнберге у нас есть изречение, которое пришло к нам из Средних веков и которое гласит: «Нюрнбергцы никогда не повесят человека, которого не держат в руках».

Суд начался в 10.03 утра 20 ноября 1945 года. Двести пятьдесят репортеров, представлявших газеты со всего мира, сидели в пресс-центре зала суда. Справа от них, позади продолговатого стола, стоявшего на возвышении, сидели судьи от Франции, Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза. Они были одеты в черные судейские мантии, за исключением советского судьи и его заместителя, которые носили военную форму. Имелись места для обвинителей, защитников, переводчиков, стенографистов, фотографов, кинооператоров и сэра Джефри Лоуренса. Для удобства фотографов и кинооператоров зал заседания освещали двадцать два мощных прожектора.

Напротив судей располагались подсудимые, сидевшие на двух длинных деревянных скамьях, позади которых стояли восемь американских солдат, вооруженных пистолетами и полицейскими дубинками. Наблюдая за подсудимыми из пресс-центра, Уильям Ширер сказал, что они выглядели «жалкими маленькими людьми».

Первый день судебного заседания был целиком посвящен зачитыванию обвинения, которое делилось на четыре основные части. Двадцать пять тысяч слов обвинения были затем подытожены главным обвинителем от США Робертом Джексоном: «1-й пункт обвинительного заключения касается коллективного плана или сговора с целью захвата власти, установления тоталитарного режима, подготовки и ведения агрессивной войны. 2-й пункт содержит обвинение в развязывании агрессивной войны. Третий пункт относится к нарушению законов войны, и 4-й пункт включает обвинения в преступлениях против человечности, репрессиях и геноциде».

Не все из двадцати четырех человек, включенных с самого начала в список обвиняемых, присутствовали при зачитывании текста обвинения. Престарелого и дряхлого Густава Круппа фон Болена унд Гальбаха обвиняли как представителя германской военной промышленности. Но обвинение против Круппа было аннулировано, после того как международная медицинская комиссия обнаружила, что он был не способен «по психическому состоянию следить за судебным процессом». Глава Трудового фронта Роберт Лей повесился 25 октября в тюремной камере. Обергруппенфюрер (генерал-полковник) СС Эрнст Кальтенбруннер, чье Главное управление имперской безопасности контролировало гестапо и большинство разведывательных и

полицейских учреждений в Третьем рейхе, перенес кровоизлияние в мозг и не мог присутствовать на открытии судебного заседания. Позднее, однако, Кальтенбруннер появился.

На скамье подсудимых было зарезервировано место для Бормана, но оно оставалось незанятым. Тем не менее суд продолжался. Продолжались усилия с целью найти бывшего секретаря фюрера или доказательства того, что он жив. В декабре американские агенты обнаружили Артура Аксмана и личного помощника Бормана штандартенфюрера СС Вильгельма Цандера.

Цандера нашли в Айденбахе, маленькой деревушке близ Пассау на границе с Австрией. Документы, которые он вынес из имперской канцелярии, хранились в чемодане в Тегернзе. Цандер сообщил агентам, что разочаровался в нацизме. Однако он не мог пролить свет на местоположение Бормана, настаивая на том, что больше ничего не видел и не слышал о своем шефе после ухода из имперской канцелярии.

Аксман, последний руководитель гитлерюгенда, был задержан в Баварских Альпах. Он рассказал, что после взрыва танка видел Бормана живым в воронке от снаряда, сопровождал его до станции Лертер, а затем увидел его труп на железнодорожном мосту. Таким образом, Аксман был единственным свидетелем, который утверждал, что видел мертвое тело Бормана в Берлине, от этого утверждения он никогда не отказывался.

«Верить Аксману или нет — вопрос личного выбора, — писал Тревор-Ропер, — поскольку его слова не подтверждены никем другим. В его пользу говорит то, что он настаивал на подлинности своих свидетельств на всех этапах. С другой стороны, если бы Аксман хотел избавить Бормана от дальнейших поисков, то естественной линией его поведения была бы дача фальшивых показаний относительно гибели секретаря фюрера».

16 января 1946 года Борман еще отсутствовал. В этот день против него как отдельного обвиняемого возбудил дело один из помощников главы группы обвинения от Соединенных Штатов Томаса Дж. Додда, лейтенант Томас Ф. Ламберт-младщий.

Лейтенанту Ламберту потребовалось немало труда для доказательства того, что Борман являлся уникальным творцом и исполнителем преступлений. Его роль как секретаря фюрера и ближайшего доверенного лица не подкреплялась документами. Кто мог сказать, с точным правовым обоснованием, о том, что решалось во время долгих приватных разговоров между двоими людьми? Один был мертв, другой пропал без вести. Лейтенант Ламберт обосновывал обвинение следующими словами:

«С разрешения Трибунала напомню, что каждому школьнику

известно, каким злодеем был Гитлер. Мы подчеркиваем в данном случае то, что без таких руководителей, как Борман, Гитлер не смог бы захватить и укрепить тотальную власть над Германией, но был бы обречен остаться в одиночестве со своей дикостью.

Борман был в действительности злым гением люцифера Гитлера. Хотя Борман, возможно, избежит судебного разбирательства в этом Трибунале, где его место на скамье подсудимых пустует, все же он не сможет избежать ответственности за свои противозаконные деяния…»

Пустовало ли место Бормана потому, что его не было в живых и его зарыли в безвестной могиле? Или потому, что он находился в бегах? Один из ответов пришел в первую неделю февраля. Радио из Монтевидео, Уругвай, передало, что Борман скрывается в провинции Мисьонес на севере Аргентины.

Это было первое из многих сообщений о том, что Борман проживает в одной из латиноамериканских стран, где правили диктаторы с профашистскими симпатиями. Целью таких известий было желание оконфузить правительство Хуана Перона.

Между тем, пока в Нюрнберге продолжался долгий судебный процесс над обвиняемыми главными военными преступниками, 22 марта 1946 года скончалась жена Бормана. Ей было 37 лет. О ее смерти дали знать спецслужбам союзников, которые неожиданным образом обнаружили ее местожительство вскоре после Дня победы в Европе. Обезумевший от горя немецкий гражданин явился в штаб-квартиру контрразведывательной службы США в Мюнхене, утверждая, что его ребенок был похищен из Берхтесгадена фрау Гердой Борман, что он знает, где найти супругу секретаря фюрера.

Начальник службы поручил Александеру Раскину проверить эту наводку, учитывая возможность, что Борман может навестить жену. Раскин был тридцатиоднолетним бельгийским евреем, который бежал из нацистского трудового лагеря и принят позднее на службу в американскую контрразведку. В мае 1945 года он и упомянутый немецкий гражданин отправились автомобилем в район австрийского Тироля, граничивший с итальянским городом Больцано. Затем они добрались на муле до искомого отдаленного места. Через четыре дня они прибыли на виллу в Фолькенштайне в Грёднертале (горах на севере Италии), где фрау Борман содержала детский сад.

Раскин допросил фрау, Борман, которая охотно призналась, что является женой Мартина Бормана. Она сказала, что взяла с собой «похищенного» ребенка в Фолькенштайн, чтобы спасти его от бомбардировок авиации в Берхтесгадене, как и своих собственных детей. Но Герда Борман не признавала, что знает

что-либо о своем муже. На вилле не было обнаружено никаких следов его присутствия.

Фрау Борман показалась Раскину весьма нездоровой. Он связался с местным врачом, который сообщил, что она умирает от рака. Обо всех добытых сведениях Раскин сообщил в контрразведывательную службу в Мюнхене. Он был уверен, что информация дошла до генерала Джорджа Паттона, поскольку позднее офицер разведки из штаба Паттона сказал ему: «Генерал считает, что эту женщину следует оставить умирать в покое».

Фрау Борман отправилась наконец в единственное место близ Фолькенштайна, где могла пройти медицинское лечение у компетентных врачей. Речь идет о больнице в Мерано (к северо-западу от Больцано), Италия, предназначенной американцами для лечения военнопленных. Перед смертью в больнице от рака кишечника фрау стала новообращенной католичкой и передала своих девятерых детей заботам опекуна, его преподобия Теодора Шмица.

С того времени, как Раскин обнаружил фрау Борман в мае 1945 года, и до ее смерти 22 марта 1946 года контрразведка США держала ее под постоянным наблюдением на тот случай, если супруг попытается навестить ее или связаться с ней. Но ничего не произошло. Фрау Борман предоставила лишь одну нить к разгадке судьбы ее мужа. По свидетельству Раскина, она показала ему телеграмму, которую Мартин Борман послал ей в Берхтесгаден в последние дни войны. Ее текст был предельно прост: «Все кончено. Я отсюда не выберусь. Позаботься о детях».

Но Борман, очевидно, выбрался из Берлина. Согласно слухам, циркулировавшим в апреле 1946 года в Нюрнберге, он проживал в селении Эспириту-Санто в испанской провинции Саламанка. Однако проверка властей ООН и Испании показала, что его там не было. Более того, испанское правительство заявило, что в провинции Саламанка нет селения под названием Эспириту-Санто.

Доктор Бергольд вел в июле 1946 года защиту Бормана, когда того еще не обнаружили и не определили точно его судьбу. Перед этим доктор Бергольд пытался доказать, что его подзащитный отсутствует на судебном заседании не по своей воле. По мнению Бергольда, Трибунал судит мертвеца и поэтому должен отказаться от рассмотрения его дела.

Для подкрепления своих доводов Бергольд вызвал 3 июля на свидетельскую трибуну Эриха Кемпку и добился от него нижеследующих показаний:

Бергольд. Свидетель, в какой должности вы работали на Гитлера во время войны?

Кемпка. Во время войны я работал на Адольфа Гитлера в качестве его личного шофера.

Бергольд. Вы встречались во время этой работы с Борманом?

Кемпка. Да, я встречался с Мартином — рейхслейтером Мартином Борманом, работая в это время, как со своим непосредственным начальником.

Бергольд. Свидетель, в какой день вы видели обвиняемого Мартина Бормана в последний раз?

Кемпка. Я видел рейхслейтера, бывшего рейхслейтера Мартина Бормана в ночь с 1 на 2 мая 1945 года близ железнодорожной станции Фридрихштрассе у Видендаммерского моста. Рейхслейтер Борман — бывший рейхслейтер Борман — спросил меня о том, какова обстановка на станции, и я сказал ему, что там, на станции, едва ли возможно…

Председатель (сэр Джефри Лоуренс). Вы слишком быстро говорите. Он спросил вас о чем?

Кемпка. Он спросил меня о том, какова обстановка и можно ли пройти оттуда к станции Фридрихштрассе. Я сказал ему, что это практически невозможно, поскольку оборонительные бои там слишком сильны. Затем он спросил, можно ли сделать это на бронемашинах. Я сказал ему, что не следует даже помышлять об этом. Затем подошли несколько танков и бронетранспортеров, небольшие группы людей сели на них или побежали под их прикрытием. После этого бронированные машины двинулись через противотанковые заграждения, и вслед за этим головной танк получил прямое попадание примерно посередине, с левой стороны, где шел Мартин Борман. Думаю, стреляли из фаустпатрона из окна, и этот танк взорвался. Произошла огневая вспышка как раз с той стороны, с какой шел Борман, и я видел…

Председатель. Вы слишком спешите. Слишком спешите. Последнее, что я слышал от вас, — это то, что Борман шел в середине колонны. Верно?

Кемпка. Да, посередине танка, с левой стороны. Потом, после того, как танк продвинулся метров сорок — пятьдесят за противотанковые заграждения, он получил прямое попадание, полагаю, кумулятивной гранаты фаустпатрона из окна. Танк разнесло на куски, накрыв именно то место, где шел Мартин — рейхслейтер Борман. Меня самого отбросило взрывной волной и человеком, который шел впереди меня и ударился об меня. Думаю, это был штандартенфюрер, доктор Штумпфеггер. Я потерял сознание. Когда пришел в себя, то не мог видеть. Вспышка меня ослепила. Затем я пополз вновь к месту взрыва танка, и с этих пор я Мартина Бормана больше не видел.

Бергольд. Свидетель, вы видели падение Мартина Бормана

во время вспышки?

Кемпка. Да, конечно. Я еще видел движение, похожёе на падение. Это можно назвать отлетом в сторону.

Бергольд. Был ли взрыв, по вашему мнению, настолько сильным, что должен был убить Мартина Бормана?

Кемпка. Да, я уверен, сила взрыва была настолько велика, что он погиб.

Трибунал не разделял уверенность Кемпки. Его члены знали, что и Артур Аксман, и Гюнтер Швегерман утверждали, что видели Бормана живым после взрыва танка. Возможно, из-за того, что их свидетельства противоречили свидетельствам Кемпки, доктор Бергольд не вызывал на свидетельскую трибуну Аксмана или Швегермана. Трибунал отказался приостановить судебное разбирательство в отношении Бормана.

Доктор Бергольд сетовал на то, что этот отказ только укрепит веру в легенду о спасении своей жизни его подзащитным. Еще раньше доктор Бергольд указывал: «В самом деле, фальшивые Мартины Борманы уже появились. Они посылают мне письма за подписью «Мартин Борман», которые не могут быть им написаны».

Тем не менее 22 июля доктор Бергольд начал защиту своего клиента. «Ваша светлость, ваша честь, — обратился он к суду. — Дело подзащитного Мартина Бормана, защиту которого поручил мне Трибунал, необычно. Когда солнце национал-социалистического рейха находилось еще в зените, подсудимый жил в тени. Он является теневой фигурой и на этом процессе, и, по всей вероятности, он ушел в страну теней — эту обитель отделившихся душ, согласно представлениям древних. Он является единственным из подсудимых, который отсутствует на заседании, и только к нему применима статья 12 Устава…»

Главная линия защиты доктора Бергольда, и единственно возможная линия в данных обстоятельствах, заключалась в том, что Трибунал совершает ошибку, пытаясь судить Бормана в его отсутствие. «В течение всего этого длительного процесса, — продолжал адвокат, — Борман как человек и его деятельность остаются окутанными в ту самую пелену безвестности, в которой подсудимый, по собственной предрасположенности, держал себя при жизни. Обвинения, с которыми выступили против него другие подсудимые, видимо по вполне определенным причинам и явно для того, чтобы защитить и реабилитировать себя, не могут послужить, по справедливости, основой для судебного решения. Обвинение не раз заявляло через своих представителей, что подсудимые будут искать способ взвалить главную вину на убитых или отсутствующих людей за действия, которые

рассматривает сейчас Трибунал….

Но никто не знает, что подсудимый Борман мог бы сказать в ответ этим людям, если бы присутствовал на заседании. Возможно, он смог бы доказать, что его поступки не были причиной тех событий, на которые ссылается сторона обвинения, и что он также не обладал тем влиянием, которое ему приписывается как секретарю фюрера и партии».

Суть аргументов долгого выступления доктора Бергольда заключалась в следующем: «Пока Борман отсутствует и не заслушивается лично, подлинная его роль остается неясной. Никто, даже высокий суд, не может вынести справедливое решение по его делу. Весь разбор дела остается сомнительным… К сожалению, уже сейчас сочиняются легенды в отношении личности Бормана, его деятельности и его спасении. Но для трезвомыслящих юристов легенды не являются правомерной основой для обоснованного приговора, свободного от сомнений». В заключение выступления доктор Бергольд снова попросил Трибунал «отложить слушание дела подсудимого Бормана, пока его не заслушают лично и пока он лично не даст своих объяснений по делу…».

В тот же день после того, как Трибунал отверг требование защитника от 22 июля, появились сообщения, что Бормана видел живым Якоб Глас. Он был личным шофером Бормана в Мюнхене и Берхтесгадене до конца 1944 года. Секретарь фюрера обвинил Гласа в хищении овощей со своего личного огорода и уволил его. Глас уверял начальника контрразведывательной службы в своей «абсолютной уверенности», что человек, ехавший в автомобиле по главной улице Мюнхена, был Борманом. Он носил обычную, довольно потрепанную одежду. «Я знаю Бормана, — настаивал Глас, — и человек, которого я видел, был Борман».

Контрразведка провела тщательные поиски в Мюнхене, дом за домом, но не обнаружила Бормана, как не обнаружила его во Фленсбурге, в Тироле, в Испании или в Аргентине. Он все еще отсутствовал, когда Международный военный трибунал собрался 30 сентября 1946 года, чтобы вынести свой приговор двадцати двум фигурантам, которых судили как главных военных преступников.

Бормана признали невиновным по 1-му пункту обвинения, в том, что касалось участия в разработке общего плана или заговора с целью захвата власти, установления тоталитарного режима и ведения агрессивной войны. Он не был осужден по 2-му пункту, который касался начала войны и агрессии. Обе эти позиции исходили из признания того, что Борман не играл значительной роли в нацистской иерархии, пока после начала

войны Гесс не улетел в Англию. Бормана признали виновным по 3-му пункту, военные преступления, и 4-му пункту — преступления против человечности.

В заключение своего вердикта Трибунал отметил, что доктору Бергольду пришлось «работать в трудных условиях». Указывалось также, что, «если Борман не погиб и будет задержан позднее, Контрольный совет Германии (состоял из главнокомандующих советской, американской и французской зонами оккупации. Местом пребывания Совета был определен Берлин. — Ред.) может, в соответствии со статьей 29 Устава, рассмотреть любые факты, способные смягчить приговор. Он вправе изменить или смягчить приговор по собственному усмотрению». 1 октября 1946 года Борман, в числе двенадцати других обвиняемых, был приговорен к казни через повешение (другими одиннадцатью обвиняемыми были Геринг, Кейтель, Йодль, Кальтенбруннер, Розенберг, фон Риббентроп, генерал-губернатор Польши Ганс Франк, шеф программ принудительного труда Фриц Заукель, имперский комиссар Нидерландов Артур Зейс-Инкварт, имперский протектор Богемии и Моравии Вильгельм Фрик, глава Имперского банка Вальтер Функ и гаулейтер Франконии Юлиус Штрайхер. Другие обвиняемые получили наказания в диапазоне от пожизненного заключения (Гесс) до оправдания (Ганс Фриче из министерства пропаганды). — Ред.).

В ночь на 15 октября смертные приговоры были приведены в исполнение, за двумя исключениями. Как уже отмечалось, Геринг отравился при помощи яда. Борман не мог быть повешенным из-за своего отсутствия. Между тем сообщения о его спасении продолжали поступать.

1 ноября 1946 года обнаружили некоего Иоахима Борсбурга, шагавшего по главной улице города в Баден-Вюртемберге в мундире оберштурмбаннфюрера (подполковника) СС. Сотрудники контрразведки задержали и допросили его. Борсбург сообщил, что его недавно повысили в звании в ходе ночной церемонии, проводившейся на кладбище Мартином Борманом. В ходе дальнейшего расследования контрразведка установила, что Борсбург попал в конце войны в заключение в Саксонии как обычный рядовой. Он сбежал из госпиталя, а теперь страдал психическим расстройством.

Все ли были безумцами, подобно Иоахиму Борсбургу, которые утверждали, что видели Бормана? И действительно ли секретарь фюрера скрывался? Это весьма беспокоило сотрудников разведки союзников. В 1946 году не так легко было сбросить со счетов опасность возрождения нацизма. Живой Борман мог

рассматриваться как потенциальный фюрер Четвертого рейха. Гитлер выбрал его исполнителем своего завещания и будущим лидером нацистской партии. Теперь Борман стал единственным представителем нацистской иерархии, с которым надо было считаться. И столь неопределенное положение сохранялось весь 1947 год.

По мере того как тайна становилась все более загадочной, росло число сообщений о дальнейшей судьбе Бормана. Некоторые из сообщений носили фантастический характер, другие были правдоподобными, а одно, в частности, было особенно пугающим. Его источником в начале 1948 года был человек, который лучше представлял себе, о чем он говорит, чем прежние источники информации. Это был обергруппенфюрер СС (соответствует званию генерала рода войск в вермахте и генерал-полковнику в Красной армии) Готтлоб Бергер.

Глава 15
«Смерть полностью не установлена»

6 января 1948 года в Нюрнберге начался так называемый Суд на Вильгельмштрассе. Это было одно из двенадцати судебных заседаний по рассмотрению военных преступлений, известных как «Последующие процессы», поскольку они проводились по окончании работы Международного военного трибунала над главными военными преступниками. «Последующие процессы» проходили в Военном трибунале Нюрнберга, состав которого был полностью укомплектован американцами.

Двадцати двумя обвиняемыми Суда на Вильгельмштрассе были бывшие высокопоставленные сотрудники германского министерства иностранных дел, а также других министерств с офисами на Вильгельмштрассе в Берлине. Одним из обвиняемых был Готтлоб Бергер, некогда учитель физкультуры сельской школы, директор реальной школы, с давних пор увлекшийся нацистской идеологией. (Г. Бергер (1896–1975), в 1914 году добровольцем пошел на фронт. Воевал в пехоте. Четырежды ранен (дважды — тяжело). Награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, серебряным знаком «За ранение», орденом Фридриха с мечами, Вюртембергской медалью за военные заслуги в золоте, Рыцарским крестом Железного креста за военные заслуги. Войну закончил обер-лейтенантом).

Во время Второй мировой войны Бергер стал обергруппенфюрером (соответствует генералу рода войск в вермахте и генерал-полковнику в Красной армии. — Ред.) СС, руководителем Главного управления СС, которое ведало делами на родине пятнадцати боевых дивизий СС, воевавших за пределами рейха. Он нес ответственность за вербовку кадров СС и рекрутировал в боевые части СС уроженцев Голландии, Бельгии, Франции, Финляндии, Дании, Норвегии и Украины, которые имели подходящий «нордический» внешний вид и были настроены против коммунизма.

Бергер был также личным офицером связи Гиммлера с министерством восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга. Ему удалось возглавить 1-й главный (политический) отдел в министерстве Розенберга. В 1942 году Главное управление СС Бергера опубликовало пресловутую брошюру «Унтерменш», в которой русские характеризовались как существа, не достигшие в развитии уровня настоящего человека (то есть «истинного арийца», евреев же, цыган и негров нацисты за людей

вообще не считали, относя их ближе к обезьянам, лемурам и т. д.). Бергер хорошо знал Бормана и считал его зловещей фигурой, чьи интриги нанесли вред военным усилиям нацистов, СС и Гиммлеру.

«Я считал и считаю до сих пор, что Борман нанес огромный вред за эти годы всем, за исключением нескольких умников в мундирах», — заявил с трибуны, Нюрнбергского суда Бергер. «Что касается остального, то приговор в отношении Бормана, полагаю, будет подтвержден в течение последующих нескольких лет». (Бергера приговорили к двадцати пяти годам заключения. После отбытия трехлетнего срока его освободила американская комиссия по помилованию. — Ред.)

По мнению Бергера, секретарь фюрера был советским агентом. Когда русские заняли Берлин, он просто перешел на их сторону. Теперь Борман находится в Советском Союзе и в подходящий момент вновь появится при поддержке Советов в качестве комиссара коммунистической Германии.

Но в 1948 году Борман не был в России, если прав другой источник информации, который утверждал, что видел его в том же году в Чили. Это был Пабло (Пауль) Хейссляйн, шестидесятидвухлетний уроженец Баварии. В 1920-х годах Хейсслейн был мэром города в Саксонии, депутатом в рейхстаге от Католической партии центра и пресс-атташе Федерации немецких госслужащих. Он потерял эти посты, когда к власти пришли нацисты. После нескольких лет преследований гестапо он эмигрировал в 1938 году в Чили и перебивался там подготовкой информационных бюллетеней по политике и экономике.

В феврале 1948 года Хейссляйн был гостем у еще одного немецкого беженца, графа Яна Ульриха фон Райхенбаха, в графском имении среди девственного леса в Чили близ границы с Аргентиной. Находясь там, Хейссляйн решил посетить озеро Ранко, одно из наиболее красивых озер Чили (около 40° южной широты). Для этого необходимо было около трех часов идти по лесу. В целях безопасности Хейссляйн взял с собой несколько собак графа фон Райхенбаха и револьвер, поскольку бывший депутат рейхстага знал, что на этой территории водятся пумы и живут враждебные индейцы. Ему были известны также разговоры о том, что около озера Ранко поселились нацисты. Предполагалось, что после падения Третьего рейха они высадились на западное побережье Чили с двух подводных лодок.

Во время путешествия Хейссляйна ему неожиданно встретились три всадника в пончо и сомбреро, которые проехали в нескольких футах от него. Собаки насторожились. Хейссляйн

вынул револьвер. Затем он узнал в среднем всаднике Мартина Бормана.

«Это Хейссляйн, — пробормотал Борман, затем добавил командным голосом: — В галоп!» Три всадника поскакали к границе с Аргентиной и исчезли. Хейссляйн был абсолютно уверен, что среди всадников находился Борман, которого он хорошо помнил по предвоенному Берлину. Он сообщил чилийским властям о своей встрече в лесу, но те потребовали, чтобы он хранил молчание до тех пор, пока не завершатся их собственные поиски местонахождения Бормана. Затем Хейссляйн прочел в сообщениях газет, что секретарь фюрера покинул Аргентину и уехал в Испанию.

Однако в 1948, 1949 и 1950 годах Борман не появлялся в Испании или где-либо еще. В 1950 году в Западной Германии обнаружили другого пропавшего нациста, близкого друга и протеже Бормана. Это был Эрих Кох, гаулейтер Восточной Пруссии и имперский комиссар Украины.

Характеризуя себя «свирепым псом», Кох считал украинцев, по собственному определению, белыми «неграми» и обращался с ними при помощи «водки и кнута». Когда Красная армия вновь заняла Украину, Кох бежал в Пиллау, что в Восточной Пруссии. С приближением русских к Пиллау гаулейтер Кох и его штаб сели 23 апреля 1945 года на ледокол под названием Ostpreussen. Гаулейтер не позволил воспользоваться ледоколом обычным беженцам, бросив их на милость наступавших русских.

Ostpreussen бороздил воды Балтийского моря, пока Кох не услышал по радио Дёница весть о смерти фюрера. Приказав команде ледокола двигаться к причалу Фленсбурга, Кох высадился там, имея при себе документы на имя майора Рольфа Бергера и отрастив усы огромных размеров. Затем он провел почти год неопознанным беженцем из Восточной Пруссии в лагере земли Шлезвиг-Гольштейн.

В мае 1946 года Кох покинул лагерь и стал поденным рабочим в деревне британской зоны оккупации в 17 милях от Гамбурга. Все еще успешно выдавая себя за майора Бергера, он участвовал в митингах восточнопрусских беженцев и часто выражал перед ними свою веру в то, что ненавистный гаулейтер Эрих Кох утонул, когда русские самолеты потопили ледокол. Кох оставался на свободе до тех пор, пока его не опознал бывший немецкий офицер, семье которого гаулейтер не позволил эвакуироваться из Восточной Пруссии. Обиженный офицер сообщил гамбургской полиции о местонахождении Коха. Его арестовали и передали британским оккупационным властям, которые согласились передать его польским властям в феврале

1950 года. (Коха судили только через восемь лет. В марте 1959 года Варшавский суд вынес ему смертный приговор, но нет никаких свидетельств того, что приговор был приведен в исполнение. Хотя Кох был высшим нацистским чиновником на Украине, советские власти не проявили публично никакого интереса к суду над ним, рассматривавшему только его сравнительно небольшие преступления в той части Восточной Пруссии, которая перешла после войны под управление Польши. То, что советские власти не захотели судить Коха и предать огласке таким образом имена его жертв из местных националистов, которые тоже были настроены против Кремля, должно быть, останется предметом для многих спекуляций, пока не будут представлены факты этого любопытного дела. — Ред.)

Гамбургская полиция или британские оккупационные власти не установили никаких послевоенных связей между Эрихом Кохом и его влиятельным покровителем Мартином Борманом. Но запоздалое задержание Коха указывало на то, что известный нацист мог оставаться на свободе пять лет после падения Третьего рейха. Даже после ареста Коха некоторое количество их избежало обнаружения, включая Вернера Наумана и Адольфа Эйхмана.

Доктор Науман был назначен Гитлером преемником Геббельса на посту главы министерства пропаганды. Он также входил в группу, которая 1 мая попыталась вместе с Борманом спастись побегом из имперской канцелярии. После той ночи Науман исчез. Но в 1950 году он продолжал жить в Западной Германии неопознанным. В том же году человек с паспортом беженца на имя Риккардо Клемента прибыл в аргентинскую столицу Буэнос-Айрес на корабле из Италии. «Клемент» был на самом деле Эйхманом. Если он и Науман могли избежать ареста в 1950 году, сохранялась, по крайней мере, возможность, что секретарь фюрера тоже оставался на свободе, если он выжил после войны.

Шансы Бормана оставаться на свободе подкреплялись обстоятельствами уникальными в его случае. В 1945 году он был объектом охоты разведывательных служб Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Международный военный трибунал, Устав которого сохранял силу, судил и осудил Бормана, вынеся приговор в отсутствие обвиняемого. Следовательно, ответственность за его обнаружение и исполнение приговора Нюрнбергского трибунала лежала исключительно на державах, представители которых подписали Устав. Однако настоятельность в исполнении этой ответственности к 1950 году ослабла из-за холодной войны.

Бывшие союзники в войне против нацистской Германии стали теперь врагами. Советский Союз был заинтересован прежде всего в обеспечении контроля над Восточной Германией. Соединенные Штаты, Великобритания и Франция хотели создания на территории своих зон оккупации демократического, ориентированного на Запад государства. В результате обнаружение исчезнувших нацистов заменили другие приоритеты.

К 1950 году ни один из членов Международного военного трибунала не предпринял решительных усилий открыть тайну мистического исчезновения Бормана. Если же они и хотели этого, то немцы были лишены полномочий действовать на этом поле. Для израильской секретной службы Борман представлял гораздо меньший интерес, чем Адольф Эйхман, который занимался исключительно «окончательным решением еврейского вопроса». Объектами розыска Интерпола были грабители банков, фальшивомонетчики, растратчики, обычные убийцы и т. п. Международное полицейское ведомство не подлежало юрисдикции в отношении нового вида преступника, порожденного Третьим рейхом. Это был человек, который не совершал традиционных преступлений и не помышлял о них, но он был тем человеком, который, сидя за канцелярским столом, исполнял губительные приказы фюрера на основании законов, принятых в нацистской Германии.

Эти обстоятельства увеличивали шансы Бормана успешно скрываться в некоторых странах, терпимых к нацистским беженцам. А слухи и сообщения утверждали, что он не погиб в Берлине, но оставался в живых еще в 1952 году.

В январе 1952 года бывший итальянский партизанский лидер Луиджи Сильвестри сообщил журналистам, что видел 10 мая 1945 года Бормана в итальянском городе Больцано. Борман выходил в это время из большого черного «Мерседес-Бенца», чтобы войти в Доминиканский монастырь, служивший штаб-квартирой итальянского Красного Креста. Он позиционировал себя как лидер гуманитарной немецкой организации, занимавшейся обменом немецких и итальянских военнопленных. Больцано располагался на солнечной южной стороне Альп, как раз напротив той части Тироля, где в мае 1945 года жила фрау Герда Борман, после того как она оставила Берхтесгаден.

Через месяц после заявления Сильвестри бывший чиновник нацистского министерства вооружений и военного производства Эберхард Штерн увидел монаха в францисканском монастыре Сан-Антонио в Риме и признал в нем Бормана. Фотография «брата Мартини», который был поразительно похож на Бормана,

широко публиковалась в мировой прессе. Однако монастырь Сан-Антонио отрицал, что он когда-либо укрывал Бормана, а «брат Мартини» оказался францисканским монахом, отцом Ромуальди Антонуцци.

17 февраля 1917 года появилось другое сообщение о том, что Борман выжил. Оно исходило от западноберлинского торговца зерном, бывшего штурмбаннфюрера (майора) СС Иоахима Тибуртиуса. В качестве штабного офицера дивизии СС «Нордланд» Тибуртиус возглавлял группу из примерно четырехсот человек, пытавшихся 1 мая 1945 года спастись из имперской канцелярии. Он видел, как Борман бежал рядом с танком, когда тот взорвался на Видендаммерском мосту. Но взрыв не убил секретаря фюрера, по словам Тибуртиуса, который видел Бормана вскоре после этого около отеля «Атлас» на дальней стороне моста. Он был одет в штатском.

— Мы шли вместе к зданию театра Шифбауэрдамм и Альбрехштрассе, — утверждал Тибуртиус. — Затем я потерял его из виду. Но у него было столько же шансов спастись, сколько и у меня.

За два дня до заявления бывшего майора СС настораживающее событие укрепило веру в возможность бегства Бормана из Берлина. 15 февраля 1953 года верховный комиссар британской зоны в Западной Германии объявил об аресте в Гамбурге и Дюссельдорфе семи человек. Они подозревались в заговоре с целью ликвидации федеральной республики и установления нацистского режима.

Англичане утверждали, что конфисковали четыре тонны материалов, которые обеспечат доказательствами обвинение этой семерки в измене родине и заговоре. Послужной список этих лиц действительно вызывал тревогу. Среди семерки были Карл Кауфман, некогда гаулейтер Гамбурга; доктор Густав Шеель, гаулейтер Зальцбурга, а также доктор Генрих Газельмейер, бывший руководитель Лиги нацистских студентов, эксперт по «расовой науке» и стерилизации непригодных лиц.

Главарем заговора англичане назвали доктора Вернера Наумана. Выяснилось, что после бегства из Берлина в ночь 1 мая 1945 года Науман работал в Шварцвальде и во Франкфурте-на-Майне в течение пяти лет простым рабочим, не обнаруженный американскими оккупационными властями. Затем он уехал в британскую зону и подрядился в Руре работать в экспортно-импортной фирме, владельцем которой был его бывший коллега по министерству пропаганды. Все еще оставаясь нераскрытым, Науман сколотил группу заговорщиков из бывших гаулейтеров, офицеров СС и чиновников нацистского режима. Их очевидной

целью было наладить связи между подпольными ячейками нацистов за рубежом и захватить контроль в респектабельных западногерманских правых партиях, таких как «Свободные демократы», посредством проникновения в них. Англичане считали Наумана источником наиболее серьезной неонацистской угрозы ФРГ, которая находилась в стадии становления.

Федеративная Республика Германия (Западная Германия) была близка к обретению полного суверенитета от оккупационных держав. Поэтому в марте 1953 года британский верховный комиссар удовлетворил просьбу канцлера Конрада Аденауэра передать Федеративной Республике ответственность за расследование и дальнейшее судебное разбирательство по делу доктора Наумана и его сообщников. Затем западногерманские власти освободили семерку арестантов, решив, что реальные доказательства серьезного нацистского заговора отсутствуют. Самого доктора Наумана наказали только тем, что пожизненно запретили ему заниматься политической деятельностью.

Западногерманские власти не смогли найти доказательств связи Бормана с пресловутыми заговорщиками. Но Науман смог пролить больше света на судьбу Бормана. Науман сообщил следователям, что он вместе с Борманом, Аксманом, Кемпкой, доктором Штумпфеггером и некоторыми другими беглецами попытался пересечь в ночь 1 мая 1945 года Видендаммерский мост. Танк, которым они хотели прикрыться, был взорван выстрелом советского солдата, использовавшего фаустпатрон. Но Борман не был убит этим взрывом. Он, Науман, Аксман и некоторые другие спутники продолжили путь на станцию Лертер. Там последний министр пропаганды Третьего рейха расстался с Борманом и отправился на запад. Науман не знал, что случилось с Борманом после этого. Однако Науман утверждал, что Борман был еще жив при их расставании между 3 и 4 часами ночи. Секретарь фюрера не был ранен и не выглядел измученным и отчаявшимся.

Однако Борману не удалось выйти из Берлина, сочли два немецких юридических учреждения, которые в 1954 году постановили, что он юридически мертв. Окружной суд Берхтесгадена провел расследование с целью определить его личное имущество. 30 января 1954 года суд Берхтесгадена постановил, что глава канцелярии нацистской партии погиб в Берлине, и даже определил дату и время смерти: 2 мая 1945 года, полночь. По немецким законам окружной суд не был обязан предавать огласке доказательство, на основании которого выносил решение. Он и не делал этого.

24 июля 1954 года Управление регистрации гражданских

состояний Западного Берлина, последнего известного места проживания Бормана, последовало примеру окружного суда Берхтесгадена и объявило секретаря фюрера мертвым. Управление ежегодно публиковало «Книгу оповещения смертей», которая сообщала о смертях жителей Берлина, подтвержденных в течение года. В томе за 1954 год смерть Бормана обозначена номером 29 233. Однако запись помечена примечанием: «Смерть полностью не установлена».

После решений суда Берхтесгадена и Управления регистрации Суд денацификации Западного Берлина получил легальную возможность конфисковать имущество Бормана в пользу жертв нацизма. Но суду удалось обнаружить имущество на сумму всего лишь в 8300 долларов. Не все оно подверглось конфискации. Около 450 долларов из этой суммы выделили детям Бормана для оплаты издержек, понесенных судом по денацификации в урегулировании вопроса об имуществе их отца.

Можно усомниться в том, что расследование суда Берхтесгадена проводилось и имело иной мотив, кроме окончательного разрешения вопроса об имуществе Бормана, поскольку оно завершилось за год до того, как пять свидетелей его побега из имперской канцелярии обнаружились на Западе.

В 1955 году Федеративная Республика Германия добилась освобождения советскими властями некоторого числа военнопленных, некоторые из которых были задержаны русскими во время попыток спастись вместе с Борманом бегством из имперской канцелярии. Среди этих военнопленных, проведших в советских тюрьмах десять лет, был камердинер Гитлера Хайнц Линге.

— Уверяю вас, Борман мертв, — сказал он западногерманским журналистам, учинившим ему расспросы по возвращении из России в октябре 1955 года. Камердинер видел секретаря фюрера в последний раз возле взорвавшегося танка, когда он был объят пламенем у Видендаммерского моста.

Другой вернувшийся военнопленный, Йохан Раттенхубер, начальник подразделения охраны фюрера, был уверен, что взрыв убил Бормана. Той же точки зрения придерживался личный летчик Гитлера, Ганс Бауэр, который не смог выполнить приказ фюрера о доставке воздухом Бормана из Берлина на ближайший аэродром. Адъютант от СС Гитлера, Отто Гюнше, также был убежден в гибели Бормана. Но, по версии Гюнше, рейхслейтер был внутри танка, когда тот взорвался.

Советские следователи дотошно допросили Линге, Раттенхубера, Бауэра и Гюнше относительно судьбы Бормана. Они рассказали им ту же историю, что сейчас поведали западным

журналистам. Хотя версии четырех возвратившихся пленников отличались в деталях, все они были едины во мнении, что Борман погиб на Видендаммерском мосту. Однако ни один из них не видел его трупа.

Не то было с другим вернувшимся пленным, испанцем Хуаном Рока-Пинаром. Воевавший некогда на Восточном фронте в составе испанской Голубой дивизии (Голубая дивизия по цвету рубашек — формеы фалангистов Франко — 205-я дивизия испанских добровольцев (существовала с 24 июня 1941 до 10 октября 1943 года). Единовременно в ней воевало ок. 20 тысяч, всего приняли участие в боях около 50 тысяч испанцев. Отличилась при грабеже Великого Новгорода (в частности, испанцы украли крест с храма Святой Софии, вернули только в 2007 году). В октябре 1943, когда перспективы Германии стали мрачными, Франко принял решение о выводе и расформировании дивизии. Но многие испанские солдаты добровольно остались на фронте, теперь уже под исключительно немецким командованием. Сражались в Берлине, как и французские эсэсовцы, защищавшие подступы к бункеру рейхсканцелярии, до конца боев. Также была Голубая эскадрилья испанских летчиков, воевавшая на самолетах германского производства. — Ред.). Рока-Пинар в ночь 1 мая 1945 года оказался в составе небольшого подразделения СС близ Видендаммерского моста. Там возле испанца остановился танк, иофицер СС приказал испанскому эсэсовцу: «Вытащи из него Бормана».

Рока-Пинар вместе с другим солдатом прыгнул на танк, открыл крышку люка и заглянул внутрь. Испанец увидел двух мертвецов. В одном из них он узнал Мартина Бормана. По словам Рока-Пинара, он вытащил Бормана из танка. Но усилившийся огонь русских заставил испанского эсэсовца оставить труп Бормана на улице.

Возвратившиеся пленные, хотя вроде бы и подтвердили гибель главы канцелярии нацистской партии, на самом деле запутали вопрос еще больше. Ведь их заявления прямо противоречили свидетельствам Наумана, Аксмана, Швегермана и Тибуртиуса. Эти четверо утверждали, что видели Бормана живым значительное время после взрыва танка. Все ли из них ошибались или некоторые из них, был ли это сговор с целью прикрыть секретаря фюрера? Что случилось с ближайшим доверенным лицом фюрера?

Никто из его детей, которые воспитывались разными приемными родителями, не дал удовлетворительного ответа. Однако старший сын Бормана промелькнул в 1958 году в новостях. Гитлер был крестным отцом Адольфа Мартина, который

в свое время учился на «отлично» в нацистской школе для подростков в Фелдафинге. Ему было 15 лет, когда пришлось бежать из Берхтесгадена и когда умерла его мать. Бесприютный мальчик воспитывался семейством Гогенвертер под именем Мартин Бергман. Члены этой семьи являлись австрийскими крестьянами и ревностными католиками.

Мартин Борман наказывал жене «добиться гарантии того, чтобы никто из детей не бедствовал и не отравился ядом христианства в любой дозе». Тем не менее старший сын стал вновь обращенным католиком. Более того, молодой Мартин Борман (он отказался от имени крестного) был посвящен 20 августа 1958 года в сан католического священника в Ордене миссионеров Священного сердца при иезуитской церкви австрийского города Инсбрук.

> «Мы знаем о тяжелом бремени, которое лежит на его плечах, — заметил один из послушников ордена иезуитов после рукоположения молодого человека. — Для нас он является подтверждением того, что даже среди безбожников, выращенных тоталитаризмом, есть те, кто нашел путь к спасению».

Отец Мартин Борман из Общества Христа занялся затем миссионерской работой в Конго и остался там после того, как эта бельгийская колония добилась независимости. Время от времени европейские следователи просили его пролить свет на судьбу отца. Он не мог этого сделать, как и восемь других детей Бормана. Один американский писатель однажды побеседовал с отцом Борманом в его простенькой миссионерской станции, расположенной среди девственного тропического леса в 300 милях к югу от Киншасы, конголезской столицы. Писатель спросил, имеет ли священник представление, где мог быть его отец.

— Я почти не сомневаюсь, что он погиб, — сказал отец Борман. — Я не верю рассказам, что его видели живым после исчезновения в Берлине. Он никогда не контактировал с моей матерью или каким-нибудь другим членом нашей семьи. Полагаю, он погиб в Берлине.

— Если бы ваш отец был жив, — спросил писатель, — и если бы он прибыл сюда, в Конго, вы бы защитили его, предоставили бы ему убежище?

— Да.

— Как бы вы смогли пойти на это, после всего что случилось?

— Он ведь мой отец. Несмотря на все свои деяния, он мой отец. Нет человеческого, божественного или церковного закона,

который побуждал бы меня передать отца в руки палача.

— Но вы приняли священство и прибыли сюда, чтобы искупить его грехи.

— Если угодно, — сказал отец Борман в заключение беседы.

В 1958 году, когда был рукоположен молодой отец Борман, Федеративная Республика Германия открыла новое ведомство в Людвигсбурге, небольшом городке близ Штутгарта. Оно называлось Центр подготовки и координации по уголовному преследованию лиц, ответственных за концентрационные лагеря и военные преступления. Ведомство возглавил бывший районный прокурор, доктор Эрвин Шуле.

Союзники занимались обнаружением и наказанием нацистских военных преступников, когда Западная Германия была оккупированной территорией, но теперь она стала суверенным государством, осуществляющим юрисдикцию в этих вопросах. Ведомство доктора Шуле как раз и имело дело с военными преступниками. Оно добилось успехов в привлечении к суду многих из тех нацистов, которые ускользнули от внимания союзников. Среди них были двадцать два члена штаба лагеря смерти Освенцима. Однако и в 1959, и в 1960 годах доктор Шуле добился не больших результатов в обнаружении Мартина Бормана, чем кто-либо еще.

Постепенно мир утратил интерес к главе канцелярии нацистской партии. Статьи о лицезрении его живым исчезли даже из иллюстрированных журналов, рассчитанных на сенсацию. Казалось невероятным, чтобы Борман или какой-нибудь другой важный нацист мог прожить пятнадцать лет необнаруженным. Подобная идея выглядела слишком фантастичной.

Но 11 мая 1960 года на автобусной остановке в пригороде Буэнос-Айреса израильские агенты схватили Адольфа Эйхмана — у самого его дома.

Глава 16
«Зона поисков сужается»

Мартин Борман жив. Об этом Адольф Эйхман сообщил следователям перед судом в Иерусалиме. Однако израильтяне так и не ознакомили общественность с заявлением Эйхмана в деталях.

После того как он предстал перед судом, Эйхман получал многочисленные письма. Некоторые с угрозами, другие ругательные и несколько ободряющих. Одно из писем с единственными словами «Мужество, Мужество» было подписано «Мартин». Эксперты-почерковеды посчитали, что письмо подписал Мартин Борман, сказал израильскому прокурору Гидеон Хауснер.

Захват и суд над Эйхманом резко оживили интерес к судьбе Бормана. Ведь если Эйхман мог работать необнаруженным как обычный работник в Западной Германии до 1950 года, затем уехать с помощью некоторых ветеранов СС через Италию в Южную Америку и жить в Аргентине под именем Рикардо Клемент еще десять лет, то нет сколько-нибудь значимой причины, почему бы и Борман не поступил так же. Попытки ответить на вопрос о том, что случилось с главой канцелярии нацистской партии, возобновились.

В июне 1960 года израильская газета «Гаолам Хацех» сообщила, что Борман приобрел большой дом в пригороде Буэнос-Айреса. Нуждаясь в лечении, он обратился за помощью к врачу, который оказался евреем. Врач узнал своего пациента, несмотря на то что тот явно сделал пластическую операцию. Тогда он убил Мартина Бормана, сделав ему смертельную инъекцию.

Но в сентябре 1960 года аргентинское информационное агентство Витоло сообщило об аресте Бормана полицией в промышленном городе Сарате, расположенном в 80 милях к северо-западу от Буэнос-Айреса. Арестант действительно походил на Бормана, но оказалось, что это был однорукий иммигрант по имени Вальтер Флегель. Его освободили, а Витоло заявило, что аргентинская полиция продолжит поиски Бормана, поскольку не располагает доказательствами его смерти.

Неожиданную активность аргентинской полиции, несомненно, подстегнул ажиотаж, связанный с арестом Эйхмана. Аргентинские власти попали в неловкое положение из-за того, что израильтяне обнаружили Эйхмана в Аргентине. Еще более

обескураживающим было бы обнаружение там Мартина Бормана не самими аргентинцами, а кем-либо еще.

Арест Эйхмана побудил активизировать свою деятельность и западногерманские власти. Теперь Западная Германия переживала процветание, порожденное «экономическим чудом». Ее новая армия составляла главную ударную силу НАТО в Европе, и в противоположность Восточной Германии (Германская Демократическая Республика, созданная в 1949 году в советской зоне оккупации в ответ на провозглашение на территории зон оккупации на западе Германии ФРГ. — Ред.) эта страна символизировала эффективность свободного предпринимательства и демократических учреждений. Но Эйхман вызвал поток мрачных воспоминаний. Как суверенное демократическое государство, Западная Германия (ФРГ) не могла позволить себе, чтобы о ней говорили, будто она не предпринимает все возможное для юридического преследования скрывающихся нацистов. Именно с этой целью был учрежден близ Штутгарта Центр подготовки и координации по уголовному преследованию лиц, ответственных за концентрационные лагеря и военные преступления во главе с доктором Эрвином Шуле. Теперь в поисках Бормана, который являлся самым опасным из всех скрывавшихся нацистов, к доктору Шуле присоединился другой западногерманский чиновник.

В апреле 1961 года во Франкфурте доктор Фриц Бауэр публично взялся за дело Бормана и завел архив на него. Доктор Бауэр был пятидесятисемилетним немецким евреем. Его дважды заключали в нацистские концентрационные лагеря, но ему удалось бежать в 1940 году в Швецию.

Через девять лет доктор Бауэр вернулся в Германию. В 1961 году он стал окружным прокурором земли Гессен, связанным по работе с 4-м отделом окружной прокуратуры Франкфурта-на-Майне в Центре расследования нацистских преступлений Гессена.

Доктор Бауэр собрал 8 толстых папок с 1300 страниц документов, касающихся судьбы Бормана. 13 апреля он заявил на пресс-конференции о своей уверенности в том, что Борман жив, добавив, что международная тайная нацистская организация могла переправить его за рубеж через тщательно налаженные подпольные каналы.

Одним из сотен информантов доктора Бауэра стал старший сын Эйхмана, Хорст Адольф. Во время посещения Западной Германии в феврале 1961 года Хорст Адольф Эйхман сообщил окружной прокуратуре о многих последних разговорах с Борманом в Южной Америке.

Вскоре после пресс-конференции доктора Бауэра во

Франкфурте-на-Майне другой уважаемый государственный деятель провел пресс-конференцию в Тель-Авиве. Им был доктор Грегори Тополевски, бывший посол Аргентины в Израиле. 9 мая 1961 года доктор Тополевски заявил, что Борман недавно бежал из Аргентины и скрывается в Бразилии. Но на следующий день посол сделал оговорки в отношении своего заявления. Он цитировал только сообщения аргентинской прессы и не имел сведений из официальных источников о местопребывании Бормана. Так обстояло дело в этом отношении до июня 1962 года. Затем пресс-атташе испанского посольства в Лондоне Анхель Алкасар де Веласко сообщил журналистам, что он встречал Бормана в Мадриде в мае 1945 года, а позднее оказался вместе с ним на борту немецкой подводной лодки. После морского перехода из Испании длительностью в двадцать один день Борман и Алкасар де Веласко высадились в Аргентине. Испанец сообщил, что он снова видел Бормана в 1958 году в Эквадоре. Тогда он выглядел не по годам постаревшим и совершенно лысым. У него были впалые щеки, и он перенес три пластические операции. Но так же, как в случаях с другими информаторами о Бормане, истинными были только слова Алкасара де Веласко (то есть не было доказательств).

К 1963 году Центр подготовки и координации по уголовному преследованию лиц, ответственных за концентрационные лагеря и военные преступления прилагал систематические усилия с целью обнаружения скрывавшихся нацистов. Это совместное предприятие одиннадцати земель Западной Германии, разместившееся в здании бывшей женской тюрьмы рядом с живописным замком в стиле барокко в Людвигсбурге (пригород Штутгарта к северу от города), располагало штатом в 115 следователей. Центр имел основной список из 160 тысяч имен нацистов. Разумеется, имя Бормана возглавляло список. За этим именем по значению следовало имя Генриха Мюллера.

Группенфюрер СС (звание соответствует генерал-лейтенанту вермахта) Генрих Мюллер, бесстрастная, секретная личность, был шефом гестапо (4-е управление РСХА). Один из его подчиненных, подполковник СС Вили Хётти, характеризовал его как «человека с внушительным черепом и резкими чертами лица, которые удивительно портил тонкий разрез рта, почти не имевшего губ». Мюллер находился в Берлине, когда Красная армия окружила город. Из своего кабинета на Курфюрстенштрассе он каждый день слал сообщения в бункер фюрера. Последний раз его видели там 29 апреля 1945 года. С тех пор полагали, что он погиб в уличном бою в возрасте 45 лет и был похоронен на гарнизонном кладбище Западного Берлина в районе Кройцберг. Его семья установила в

связи с этим памятник на могиле.

Однако Центр в Людвигсбурге не был убежден в том, что шеф гестапо, а также Мартин Борман погибли в Берлине. Центр полагал, что Мюллер, видимо, спасся бегством и попытался прикрыть свое спасение захоронением другого трупа в предполагавшейся могиле шефа гестапо. Доказательства этого, конечно, не существовало. Но в рамках секретного проекта по определению судьбы Мюллера Центр обратился к окружной прокуратуре Западного Берлина с просьбой вскрыть могилу. Это было сделано в утренние часы 25 сентября 1963 года. Могила не содержала одного скелета, но в ней имелись кости трех различных человек. Патологоанатомы определили, что никакая из костей не могла принадлежать Генриху Мюллеру. Теперь к тайне исчезновения Мартина Бормана прибавилась загадка с судьбой шефа гестапо. Центр в Людвигсбурге продолжил систематические усилия в целях разрешения обеих загадок. То же делал доктор Фриц Бауэр.

Прорыв в деле Бормана, казалось, произошел в марте 1964 года. Некий Рихард Борман отдался тогда в распоряжение полиции бразильского города Сан-Паулу, поскольку «устал жить в подполье». Рихард Борман сообщил бразильской полиции, что его брат Мартин проживал в штате Мату-Гросу («Густой лес») в девственной, неразвитой части этой глубинной территории Бразилии, почти вдвое превосходившей территорию штата Техас и населенной главным образом индейцами гуарани.

Бразилия являлась идеальной страной для преследуемых нацистов, искавших укрытия. Она граничит с семью (с девятью — автор посчитал Гайану (до 1966 года Британская Гвиана), Суринам (до 1975 года принадлежал Нидерландам) и Французскую Гвиану одной страной Гвианой) другими латиноамериканскими странами, что обеспечивает легкий въезд и выезд. Иностранцев нельзя депортировать или выдать, если у них бразильское подданство. Смертная казнь отсутствует, сроки заключения не превышали тридцати лет. В бразильских штатах Санта-Катарина, Парана и Риу-Гранди-ду-Сул имелось многочисленное немецкое население.

Доктор Фриц Бауэр уже проверял сообщения, что секретарь фюрера умер в Парагвае в 1959 году и был похоронен на деревенском кладбище недалеко от столицы страны, Асунсьон. Когда данную могилу вскрыли, обнаружили, что она содержит останки парагвайца по имени Хормонцилла. Поэтому доктор Бауэр уделил особое внимание новому сообщению из бразильского города Сан-Паулу.

У Бормана, как выяснилось, действительно имелся младший

брат. Рейхслейтер одно время обеспечил ему работу в качестве одного из адъютантов фюрера. В этом не содержалось ничего нового, хотя о брате Бормана по окончании войны забыли. Следователи доктора Бауэра отыскали его. Его звали Альберт, и он жил в селении Иккинг на юге Баварии (недалеко от Мюнхена).

«У меня нет брата по имени Рихард, — заявил Альберт Борман. — Нет такого имени ни у одного из моих родственников. Человек, который появился в Бразилии под именем Рихард Борман, должно быть, эгоцентрист или мошенник». Этот человек оказался пятидесятидвухлетним ветераном СС, который добрался до Южной Америки по фальшивым документам. В данный момент он страдал психическим расстройством.

Несмотря на ложные сигналы, такие как в случае с Рихардом Борманом, западногерманские власти воспринимали множившиеся сообщения о спасении Мартина Бормана настолько серьезно, что назначили в ноябре 1964 года вознаграждение в 25 тысяч долларов за информацию, способствовавшую его поимке. Помня об энергичных протестах Аргентины Израилю в связи с похищением Эйхмана, Федеративная Республика Германия предупредила, что в случае обнаружения секретаря фюрера, его похищения и возвращения в ФРГ вознаграждение будет выплачено только тогда, когда страна, в которой он скрывался, одобрит его выдачу.

Проходили месяцы, но вознаграждение оставалось невостребованным, хотя сообщения о том, что Борман жив, продолжали поступать. В марте 1965 года представители Интерпола в Сан-Паулу в Бразилии арестовали человека с аргентинским паспортом на имя Карлоса Родригеса и западногерманским паспортом на имя Альфреда Тренкера. Это был, действительно, бывший офицер СС Детлев Зоненберг, который прибыл в бразильский город Гуаружа (близ Сан-Паулу) из Египта в 1953 году. Интерпол интересовало не эсэсовское прошлое Зоненберга, но то, что на него был объявлен розыск по шести случаям вооруженного грабежа в Западной Германии. По словам Зоненберга, бывшие нацисты, проживавшие в Южной Америке, создали после похищения Эйхмана организацию самозащиты. Среди них был Борман, который проживал в Бразилии.

Сообщение Зоненберга не давало никаких зацепок. Но в Западной Германии доктор Бауэр продолжал свое расследование. Среди сотен людей, с которыми встречались сотрудники его ведомства, был Артур Аксман. Теперь он был бизнесменом в Руре. Бывший руководитель гитлерюгенда повторил историю, которую он рассказал офицерам разведки союзных войск относительно

ночи 1 мая 1945 года в Берлине. Аксман оставался единственным авторитетным свидетелем смерти Бормана. И все же он был известным нацистом. Никто не мог подтвердить или опровергнуть его утверждение, что он видел трупы Бормана и доктора Штумпфеггера на железнодорожном мосту на Инвалиденштрассе. Но если бы Аксман оказался прав, то судьба Бормана была бы определена.

Упорный доктор Бауэр обнаружил, что 14 августа 1945 года почтовое отделение 40 Берлина на железнодорожной станции Лертер уведомило фрау Гертруду Штумпфеггер о смерти мужа в письменном виде. Служащие почты захоронили 8 мая 1945 года труп, опознанный как тело доктора Людвига Штумпфеггера, после его обнаружения на железнодорожном мосту Инвалиденштрассе. Место захоронения находилось в нескольких сотнях метров от моста на территории Выставочного парка, зоны развлечений, где летом устраивались выставки.

Доктор Бауэр разыскал также шестидесятисемилетнего отставного берлинского почтальона по имени Альберт Крумнов, который сообщил, что он и трое других сотрудников почтового отделения станции Лертер захоронили два тела, обнаруженные на железнодорожном мосту. Они сделали это по указанию русских, которые хотели предупредить вспышку эпидемии в городе. 8 мая 1945 года Крумнов и трое его коллег по почте похоронили тело высокого человека с отличительными признаками доктора Штумпфеггера на территории Выставочного парка и рядом с ним — тело человека меньшего роста и более плотного. Его коллеги уже умерли, и через двадцать лет Крумнов уже не помнил точно места захоронения. Однако его свидетельство и официальное уведомление вдове доктора Штумпфеггера, казалось, подтвердили историю Аксмана.

Таился ли ответ на вопрос, который в течение двух десятилетий явно сбивал с толку разведывательные и полицейские ведомства многих стран, в земле Западного Берлина? Доктор Бауэр намеревался найти этот ответ и предпринял очевидный шаг, который до него никто не предпринимал. 19 июля 1965 года полицейские Западного Берлина с кирками и лопатами в руках, а также при помощи бульдозера начали рыть землю на территории Выставочного парка. Он служил теперь местом складирования транспортной компании и был расположен рядом с Берлинской стеной.

В течение двух дней полицейские терпеливо и методично перерыли сотни квадратных метров земли. Они отрыли камни, три пня, пивные бутылки, старое стрелковое оружие немецкого и советского производства, но ничьих костей обнаружено не было.

Раскопки были прекращены.

Еще один охотник за нацистами, Тадек Тувия Фридман, возможно, подсказал доктору Бауэру, что тот теряет время, разыскивая останки Бормана в Берлине. Секретаря фюрера следовало искать среди живых в Аргентине. Фридман, молодой польский еврей, трудился в принудительном порядке на нацистском оружейном заводе в родном городе Радоме. После войны он отправился в Вену и по собственной инициативе стал разыскивать нацистских преступников. Летом 1952 года Фридман эмигрировал в Израиль. Не имея специальности и сноровки, он жил в новой стране с большими трудностями. Фридман приобрел работу газетного репортера, а затем мелкого государственного чиновника. Но охота за нацистами оставалась его главной заботой. Фридман открыл свой собственный частный Институт документации нацистских военных преступлений в Хайфе, где собрал значительное количество информации о скрывающихся нацистах. Фридман особенно надоедал израильским властям призывами что-то предпринять в отношении Эйхмана.

В октябре 1965 года Фридман прибыл в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на аукционе, где за тысячу долларов было продано письмо, написанное ему Эйхманом. Фридману было 42 года. Журналист из «Нью-Йорк пост» описывал его как «маленького круглого человека, с толстыми пальцами и явным обликом лавочника». Все же он лично проявлял большую активность в охоте на нацистских преступников, и его главной целью был Мартин Борман.

«За пятьдесят тысяч долларов вознаграждения мы сможем заполучить его через две недели», — сказал Фридман журналисту, бравшему у него интервью. — Мы знаем, что он находится в Аргентине. Мы точно знаем где. Но беда в том, что он никому не нужен. Понимаете, он международный преступник. Германии, Англии или Соединенным Штатам следовало бы его наказать, но после суда над Эйхманом они больше не хотят хлопот, не хотят головной боли. Что же касается меня, то я все еще слежу за ним, да».

Фридман говорил от своего имени, как частный следователь, а не от имени израильского правительства. Возможно, его вера в то, что Борман находился в Аргентине, была ошибочной. Но Фридман был определенно прав в том, что израильские власти не имели формального мотива вести розыски секретаря фюрера. Бормана уже осудил трибунал в Нюрнберге как главного военного преступника, «чьи преступления не связаны с конкретной географической территорией». По этому определению Борман не был специфически еврейской проблемой. Эйхман был такой

проблемой, поэтому израильтяне обнаружили и осудили его.

Советский Союз был одним из четырех учредителей Устава Международного военного трибунала, который делил ответственность с остальными учредителями за поиски Бормана, если тот был жив. Русские, конечно, располагали разведывательным аппаратом с немалым опытом. Определение местонахождения нужного индивидуума являлось обычным родом деятельности для советской разведки. Но после Нюрнберга русские хранили молчание в отношении Мартина Бормана. Однако в 1965 году в Восточном Берлине была опубликована книга под названием «По следам Мартина Бормана». Автором книги был Лев Безыменский, бывший майор советской разведки. (Оригинальное русское издание этой книги было выпущено в Москве в конце 1964 года. — Ред.).

Согласно советскому автору, секретарь фюрера не был убит в Берлине. После бегства из города он направился инкогнито в Фолькенштайн в Тироле, где жила его супруга. Где-то в нацистской «альпийской крепости» он взял спрятанный ларец с золотыми монетами, которые первоначально предназначались для музея фюрера в Линце. Монеты были переданы советнику Бормана по экономическим вопросам доктору Гельмуту фон Гуммелю в Берхтесгадене в конце войны и стоили около 5 миллионов долларов. Обеспечив себя таким образом деньгами, Борман отправился на военно-морскую базу в Киле на северо-западе Германии, чтобы найти подводную лодку, готовую вывезти его из страны.

Однако, поскольку весь подводный флот гроссадмирала Дёница был захвачен союзниками, Борман скрывался в земле Шлезвиг-Гольштейн, а затем в соседней Дании до тех пор, пока не закончился Нюрнбергский процесс. Затем он связался с Organisation der ehemaligen SS-Argehörigen (ODESSA), тайной организацией ветеранов СС, которая наладила пути бегства разыскивавшихся нацистов через Альпы в Италию. Организации ODESSA оказывали поддержку итальянские аристократы, деятели Римской католической церкви и секретные агенты в Америке.

С помощью ODESSA Борман пробрался в 1947 году темной августовской ночью в Италию из Наудерса, горного селения в верховьях реки Инн, где сходятся границы Австрии, Швейцарии и Италии (под перевалом Резия, 1508 метров, через который идет дорога в Италию). Итальянские помощники предлагали Борману укрыться под защитой католической церкви. Он согласился и скрывался сначала в монастыре у озера Гарда, а затем во францисканском монастыре в Генуе.

Наконец секретарь фюрера встретился на Виа дель пейс в

Риме с епископом Алоизом Гудалем. Он руководил Фондом христианского благосостояния и был также наставником старшего сына Бормана Адольфа Мартина, который готовился принять священство. Епископ Гудаль указал доверенному лицу Гитлера на две возможности. Он мог уехать либо в Испанию, где укрывались командир нацистских диверсантов штандартенфюрер Отто Скорцени (1908–1975; прославился прежде всего спецоперацией по освобождению Муссолини) и бывший лидер бельгийских фашистов Леон Дегрел (1906–1994; с лета 1941 года занялся формированием добровольческого легиона СС «Валлония» (позже дивизия СС «Валлония») и ушел воевать на Восточный фронт, где сражался до конца войны. Закончил войну бригадефюрером (генерал-майором) СС, командиром дивизии «Валлония». Награжден 22 наградами, в том числе Железным крестом 1-го и 2-го класса, Рырцарским крестом с дубовыми листьями, Германским крестом в золоте. С уважением относился к противнику, всегда считая русских арийским народом. После войны скрылся в Испании, затем в Аргентине и снова Испании, где и умер. — Ред.), либо в Аргентину, подобно Эйхману. Аргентина была более подходящим выбором.

Но это была только «рабочая гипотеза», пишет Безыменский. Это было то, что «могло бы случиться». Советский автор не имел намерения подкрепить свою гипотезу конкретными именами и адресами. Он не желал походить на шерлока Холмса, но хотел указать на то, что следы Мартина Бормана вели в политическую жизнь тех западных стран, в которых тот мог рассчитывать на убежище. Жив ли был этот человек или нет, его дух, несомненно, не умер. Это было особенно верным для Западной Германии, в послевоенном правительстве которой было немало нацистов. Безыменский посвятил половину своей книги, имевшей подзаголовок «Правда о германском империализме», продвижению этого тезиса.

В отличие от бывшего советского майора разведки Клаус Эйхман более определенно утверждал, что Борман живет в Южной Америке. В январе 1966 года тридцатилетний сын Адольфа (в наших энциклопедиях — Карла Адольфа и даже Карла. — Ред.) Эйхмана написал открытое письмо Борману. Его опубликовал популярный, иллюстрированный, западногерманский журнал «Квик». Клаус хотел очистить имя отца. По мнению Клауса, отец пал жертвой преступлений, ответственность за которые несет Борман.

> «Я хочу, чтобы вы отдали себя в распоряжение правосудия, — писал Клаус. — Я хочу, чтобы вы взяли на

себя часть вины, за которую несете ответственность, но за которую отвечает, вместо вас, мой отец на суде в Израиле… Вы все еще скрываетесь в укромном месте Южной Америки. Вы удовлетворенно потираете руки после каждого сообщения о вашей смерти в 1945 году в Берлине…»

Примерно в то же время, когда появилось это открытое письмо, старший брат Клауса, Хорст Адольф Эйхман, дал интервью в Буэнос-Айресе. В феврале 1961 года Хорст Адольф уже рассказывал доктору Фрицу Бауэру о своих частых разговорах с Борманом в Южной Америке. Теперь же он заявил, что секретарь фюрера, по его мнению, все-таки погиб в Берлине. На просьбу разъяснить противоречие между нынешней точкой зрения старшего брата и прежней Клаус Эйхман заявил журналу «Квик»: «Когда живешь в Южной Америке, где имеются влиятельные нацистские круги, надо учитывать, что эти круги могут однажды отомстить любому человеку, который поставит их в затруднительное положение».

Этот инцидент не имел последствий. Сыновья Эйхмана исчезли из поля зрения, вместе со своими воспоминаниями и свидетельствами. Но в Германии доктор Фриц Бауэр упорно продолжал работу. У западных немцев имелся мотив для обнаружения Бормана. Хотя его и осудили в Нюрнберге как международного военного преступника, Западная Германия могла привлечь к суду секретаря фюрера за его преступления как немца против немецких граждан. Достаточно указать на его приказ от 23 марта 1945 года уничтожить все продовольственные запасы в Германии (находящиеся под угрозой захвата наступающими войсками противника) и согнать все население, пешим порядком и принудительно, в центральные области страны.

16 апреля 1966 года доктор Бауэр заявил на пресс-конференции в Бонне, что у него есть «свежие сведения» относительно Бормана. «Зона поисков сужается, — сказал следователь. — Мы тщательно проанализировали сообщения со всего света и теперь, я надеюсь, идем за ним по горячим следам». Доктор Бауэр был убежден в пребывании Бормана в Южной Америке, но отказался раскрыть подробности своих новых доказательств. В 1966 году Борман так и не был задержан.

Симон Визенталь тоже полагал, что Борман жив. Визенталь, бывший до вторжения нацистов в его страну проживания Польшу архитектором и инженером, собирал информацию о скрывавшихся нацистах со времени своего освобождения в феврале 1945 года американскими войсками из

концентрационного лагеря Маутхаузен (в Маутхаузене, среди прочих, был замучен генерал Д.М. Карбышев. — Ред.) в Австрии. Он продолжал свои частные поиски, поскольку считал, что холодная война вынудила полицию и разведывательные службы государств Востока и Запада ослабить преследование нацистов, совершавших преступления против евреев. Это делалось, по его мнению, чтобы «потрафить западным немцам» в ФРГ и сделать подобное же в ГДР, «где многие нацисты отреклись от своих убеждений и присоединились к коммунистам».

Визенталь не был профессиональным следователем и лично не охотился за нацистами, объявленными в розыск, но он собрал большое количество ценных материалов от частных информантов и в результате дотошного изучения своих досье. Затем он передавал свою информацию официальным государственным ведомствам для дальнейших действий. Сведения, переданные им израильским властям, помогли схватить Адольфа Эйхмана. После этого Визенталь заинтересовался Борманом, который числился в списке более чем 22 тысяч нацистских военных преступников в Еврейском центре документации Визенталя в Вене. Центр, имеющий персонал численностью шестнадцать человек, финансируется за счет еврейских взносов.

В феврале 1967 года в Соединенных Штатах появляются журнальные перепечатки из готовящейся тогда к публикации книги Визенталя «Убийцы среди нас». В этих перепечатках Визенталь сообщил о ряде его наиболее важных дел. Одно из них касалось Франца Штангля. С марта по август 1942 года он был комендантом лагеря смерти Собибор. В августе и сентябре 1942 года Штангль возглавлял лагерь смерти Треблинка. В этих лагерях, расположенных в Польше, по оценкам Визенталя, содержалось 700 тысяч человек, почти все евреи в них, за немногими исключениями, были умерщвлены (было два лагеря Треблинка, Треблинка-1, трудовой, с принудительным трудом для евреев (и других), большинство здесь осталось в живых, и Треблинка-2 — лагерь уничтожения, функционировавший в 1942–1943 годах. — Ред.).

Как и Адольфа (Карла Адольфа) Эйхмана, Штангля интернировали после войны в американском лагере для военнопленных. Офицеры разведки не могли выявить подлинную идентичность каждого человека. Оба нациста бежали из лагеря без особых затруднений. Визенталь утверждал, что Штангль, сбежавший в 1951 году в Бразилию, работал теперь на автозаводе в Сан-Паулу и что ему известен его адрес.

Другим делом Визенталя была, по его выражению, «крупнейшая нераскрытая тайна нацизма». Посредством изучения

информации, предоставленной ему различными людьми, которые видели Бормана живым или слышали об этом, Визенталь сделал вывод, что секретарь фюрера жил, «наиболее вероятно», там, где сходятся границы Чили и Аргентины. Но ни одна страна в действительности не заинтересована в его поимке. Поскольку Борман достиг шестидесятисемилетнего возраста, тайна, окружающая его, «выродится в простое биологическое уравнение».

> «Он хорошо защищен, — писал Визенталь. — Ни одна страна не пожелает второго дела Эйхмана. Однажды Борман закончит свой жизненный путь, и вознаграждение в 100 тысяч марок (объявленное западногерманскими властями) не будет выплачено. Смерть не нуждается в деньгах».

Затем, 2 марта 1967 года, департамент политического и социального порядка бразильского штата Сан-Паулу задержал Франца Штангля. Бразильцы действовали по просьбе австрийских властей, которые в свою очередь принимали меры на основе информации, предоставленной им Визенталем. Штангль был принят на работу в качестве инспектора по техническому обслуживанию бразильским заводом германской фирмы «Фольксваген» в Сан-Паулу, растущем промышленном городе с населением в пять с четвертью миллионов человек. Он скромно жил в пригороде Сан-Паулу, Бруклине, с женой-австрийкой и тремя дочерьми.

Штангль отрицал какую-либо причастность к массовым убийствам, происходившим в Собиборе и Треблинке. В камере предварительного заключения в казарме 1-й зенитной батареи Бразилии он сообщил бразильским следователям, что его работа состояла в записывании имен жертв лагерей, когда они следовали на ликвидацию. Штангль сделал следующее заявление: «Я только выполнял приказы, которые иногда исходили от самого фюрера, поскольку был оберштурмфюрером (обер-лейтенантом) в гестапо». Однако Австрия, Западная Германия и Польша потребовали экстрадиции Штангля из Бразилии.

Австрийское министерство иностранных дел попросило арестовать Штангля. Ведь он родится в 1908 году в Австрии и перед службой в СС занимал пост офицера полиции. Польша хотела судить Штрангля потому, что Собибор и Треблинка находились на ее территории. Западная Германия (ФРГ) обосновывала свою просьбу тем, что и Польша, и Австрия находились под нацистской оккупацией, когда Штангль действовал в качестве немецкого функционера. Пока Верховный

суд Бразилии разбирал правовые основания этих соперничающих петиций, Штангль оставался под арестом и допрашивался по поводу тех скрывающихся нацистов, которые могли жить в Южной Америке.

5 марта 1967 года голландские журналисты взяли интервью у Симона Визенталя, который прибыл в страну, чтобы посетить свою замужнюю дочь в Утрехте. Он сообщил, что вскоре в Южной Америке будет арестовано еще одно важное лицо, подозреваемое в военных преступлениях, имя которого он не будет раскрывать. Визенталь утверждал, что большинству военных преступников в Южной Америке помогала «очень влиятельная и опасная организация» Kamerade nwerk («Действие ради товарищей»).

Затем, 11 мая, шеф секретной полиции Гватемалы Эдуардо Гарсиа Гомес объявил об аресте в Марискосе, деревне, расположенной в 155 милях к северо-востоку от столицы Гватемалы, облысевшего, седобородого человека. Он назвался Хуаном Фалеро Мартинесом, бродячим плотником, уроженцем Уругвая. На его лице сохранились следы пластической операции. Гватемальская полиция подозревала, что нашла Мартина Бормана, хотя человек, назвавшийся Хуаном Фалеро Мартинесом, сказал, что такое предположение «безумно».

Доктор Фриц Бауэр потребовал, чтобы отпечатки пальцев подозреваемого доставили в Западную Германию. Через пять дней после ареста дежурный полицейский патруль снял его отпечатки пальцев в аэропорту Рейн-Майн (здесь долгое время располагалась авиабаза ВВС США. — Ред.) во Франкфурте-на-Майне и доставил их в Бюро по вопросам преступлений в соседнем Висбадене. Там эксперты сравнили эти отпечатки пальцев с отпечатками Бормана. Они не сошлись.

7 июня Верховный суд Бразилии разрешил наконец споры вокруг Франца Штангля, согласившись выслать его в Западную Германию. Через шестнадцать дней он сошел с самолета в Дюссельдорфе и был прикован наручниками к двум западногерманским полицейским. Тогда гражданский суд Дюссельдорфа не назначил даты суда над ним. Но против него выдвинули обвинения в ответственности за уничтожение в Треблинке 400 тысяч евреев из Варшавского гетто и еще двадцать три обвинения в убийствах отдельных лиц.

Перед судом доктор Фриц Бауэр допросил Штангля относительно местонахождения Бормана. И 4 июля Верховный суд Бразилии получил официальную просьбу западногерманского министерства юстиции о превентивном аресте и экстрадиции секретаря фюрера. Это, однако, не значило, что министерство юстиции верило в то, что Борман в Бразилии. Доктор Бауэр

охарактеризовал акцию как рутинную и не более чем «напоминание» о том, что западногерманские власти обращались почти ко всем латиноамериканским странам с просьбами об аресте и экстрадиции скрывающихся нацистских военных преступников. 7 июля доктор Бауэр сообщил журналистам результаты своего допроса Штангля.

«Штангль ничего не знает о местонахождении Бормана, — отметил доктор Бауэр. — Даже если бы он знал, то ничего бы нам не сказал».

Так угасла последняя, наиболее обещающая возможность раскрыть тайну местонахождения Мартина Бормана. Был ли шанс ее раскрыть? Военные разведки Великобритании, Франции, Соединенных Штатов и Советского Союза разыскивали секретаря фюрера или доказательства его гибели в послевоенные годы без очевидного успеха. Определенный ответ на вопрос о его судьбе ускользал в последний момент от Симона Визенталя, доктора Фрица Бауэра, советского писателя, майора Льва Безыменского, а также следователей западногерманского Центра подготовки и координации по уголовному преследованию лиц, ответственных за концентрационные лагеря и военные преступления. Этот Центр со времени своего образования в 1958 году добыл достаточные доказательства для проведения судебных процессов по 796 уголовным делам.

Может, Борман не был найден потому, что погиб в Берлине? Если дело обстояло так, то почему не был обнаружен его труп? И как быть со всеми свидетелями, которые с 1945 года утверждали, что видели его живым в Западной Германии, Испании, Италии и Латинской Америке? Действительно ли Борман спасся бегством из Берлина и при помощи нацистских фондов, а может, и пластической операции ухитрялся более двух десятилетий, в стремлении избежать разоблачения, быть умнее и изобретательнее, чем, к примеру, Науман, Эйхман и Штангль?

Неужели нельзя получить удовлетворительного ответа на вопрос о судьбе главы канцелярии нацистской партии и секретаря фюрера?

Один ответ существовал с 1953 года, хотя этот ответ был столь же фантастичным, сколь и возвышение Мартина Бормана от осужденного до ближайшего доверенного лица человека, едва не завоевавшего Европу.

Глава 17
Напоминание

Обнаружение скрывающихся нацистов и проведение судебных процессов по делам о военных преступлениях уступили место в качестве главных целей Соединенных Штатов и Советского Союза в 1953 году новым проблемам, вызванным холодной войной. Северокорейские и китайские войска, сражавшиеся с войсками Соединенных Штатов и других стран ООН в Корее, получали оружие и другие необходимые материалы от Советского Союза. Между двумя великими державами, бывшими союзницами в борьбе с нацистской Германией, почти не было туристского обмена, торговых и прочих нормальных отношений.

Внутри самого Советского Союза в начале 1953 года существовала атмосфера страха в связи с «делом врачей». Семидесятитрехлетний Сталин, все еще остававшийся во власти, инспирировал обвинение группы врачей, в основном евреев, в заговоре с целью уничтожения советского руководства. Те на Западе, которые специализировались на разгадке сталинских задумок, интерпретировали «дело врачей» как сигнал к началу новой чистки лиц, стремившихся изменить политику диктатора.

Через восемь лет после смерти Гитлера Западная Германия стала одним из наиболее процветающих и экономически мощных государств в мире. Федеративная Республика Германия, созданная в 1949 году, была на пути обретения полного суверенитета, хотя Великобритания, Франция и Соединенные Штаты сохраняли некоторый контроль в статусе оккупационных держав. Перевооружение армии Западной Германии, поощряемое западными союзниками в противовес Народной армии Восточной Германии и Советской армии, стало общепринятым фактом реалистичной политики. То же относилось к возвращению некоторых бывших нацистов на государственные посты.

Федеральный канцлер доктор Конрад Аденауэр предпочел политику вовлечения мелких и раскаявшихся нацистов в политическую жизнь Западной Германии. Вечное обращение с ними как париями могло лишь сплотить их в недовольную и опасную силу, угрожающую демократическим устремлениям Федеративной Республики. Западные союзники согласились с этой политикой. Федеративная Республика выглядела стабильной. Факты не давали оснований для серьезного беспокойства по поводу возрождения нацизма. Эта точка зрения была поколеблена 15 января 1953 года. Как ранее отмечалось,

британский верховный комиссар по Германии объявил тогда об аресте семи немцев по подозрению в заговоре с целью свержения существовавшего режима в Федеративной Республике и восстановления власти нацистов. Доктор Вернер Науман был назван вдохновителем заговора.

Штаб Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов (ЦРУ) в Берлине размещался в январе 1953 года где-то в окрестностях Далема. Акция англичан против Наумана и его сообщников застала врасплох шефа берлинского ЦРУ, которого мы назовем здесь доктором Джоном Бродериком. Эта акция, кроме того, заинтриговала его. Ведь британские обвинения заслуживали доверия, и они заставили Бродерика задать себе два вопроса: бежал ли Мартин Борман из Берлина вместе с Науманом и стоял ли он за заговором Наумана?

В 1953 году не имелось убедительных свидетельств того, что Борман погиб. Вины в этом ЦРУ не было, поскольку оно не занималось этим вопросом. ЦРУ было создано лишь в 1947 году, после того как Международный военный трибунал прекратил свои заседания и операции нового ведомства направили против Советского Союза и его сателлитов. Тогда, как и сейчас, обнаружение, как таковое, скрывающихся нацистов не входило в обязанности ЦРУ, вот почему оно не занималось разыскиванием Наумана. То, что делалось в концентрационных лагерях или на полях сражений во время войны, не входило в компетенцию ЦРУ.

Что действительно вызывало интерес ЦРУ, так это отдельные лица в зарубежных государствах, представлявшие в то время или в будущем угрозу безопасности Соединенных Штатов. Борман мог представлять такую угрозу, если бы был жив и руководил заговором неонацистской группы Наумана против одного из ведущих антикоммунистических союзников Соединенных Штатов. Поэтому в январе 1953 года доктор Бродерик запросил разрешение и получил одобрение начальства во Франкфурте и Вашингтоне заняться расследованием вопроса о местонахождении Бормана. Прежде такие расследования проводились военными спецслужбами, которые не владели ни средствами, ни имели таких профессионалов, как в ЦРУ.

Доктор Бродерик питал личный интерес к расследованию, но заниматься каждодневной работой он выбрал автора этой книги, которого наняли оперативным сотрудником резидентуры ЦРУ в Берлине. Как и большинство видов разведывательной деятельности, эта работа не была увлекательной или захватывающей, но требовала вместо этого тяжелого труда по проверке свидетельств, а также координирования деятельности различных отдельных лиц и организаций.

Первым шагом в расследовании было обращение за помощью к штатному психиатру берлинской резидентуры ЦРУ, а также к ее главному «сценаристу». Психиатру было поручено обозреть жизнь Бормана и составить его психологический портрет. Это следовало передать «сценаристу», который должен был собрать известные факты о последних днях жизни Бормана, сопоставить их с психологическим портретом и сочинить правдоподобный сценарий того, что могло, по логике, с ним случиться. Это была самая свежая и тонкая технология, призванная стимулировать изобретательность оперативных сотрудников, которые могли «замкнуться» или сдерживать себя рамками обычного мышления при обилии информации.

Далее сотрудникам ЦРУ в латиноамериканских, арабских и европейских странах было поручено проверить достоверность многих сообщений о появлениях Бормана и узнать, проживал ли он в каком-либо из этих регионов.

Поскольку Борман был в Берлине, когда его взяла штурмом Красная армия, я обратился затем к помощи организации, которая была способна проникнуть в официальные советские круги и выяснить, что в действительности происходило в Берлине в мае 1945 года. Это была Организация промышленного развития Южной Германии, под крышей которой проводились разведывательные операции под руководством Рейнхарда Гелена. Организация финансировалась ЦРУ и располагалась на тщательно охраняемом огороженном участке площадью в 25 акров (10 гектаров) в Пуллахе (Пуллах-ам-Изарталь), южном пригороде Мюнхена.

Гелен служил в качестве начальника разведывательных служб немецкой армии на определенных участках фронта в России. В этом качестве он снабжал Гитлера достоверной информацией о предполагаемых операциях Красной армии. Фюрер пренебрег большей частью этой информации. После войны генерал-лейтенант Гелен передал себя, свои секретные папки и штат в распоряжение американских оккупационных властей, которые приняли его предложение.

Услуги Гелена для ЦРУ оценивались в 1953 году примерно в 6 миллионов долларов. Эта сумма была потрачена на приобретение знаний около 4 тысяч специалистов германской разведки, многие из которых имели опыт службы в бывшей нацистской армии и в СС. Они владели уникальными связями и информацией о востоке, особенно относительно восточногерманских и советских дел. Я попросил Бюро Гелена предоставлять любую возможную информацию о том, что случилось с секретарем фюрера, после того как он покинул

имперскую канцелярию.

Пока расследование проходило различные фазы, в марте 1953 года умер Иосиф Сталин. За этим последовала некоторая либерализация его негибкой политики, а также перемены в советской иерархии. В том же месяце британский верховный комиссар передал западногерманским властям, по просьбе доктора Аденауэра, ответственность за расследование и постепенное привлечение к суду доктора Наумана и его сообщников. Разумеется, позднее они были освобождены без суда, поскольку западные немцы решили, что против них не было каких-либо серьезных улик.

Как сообщил мне офицер связи с западногерманским министерством юстиции, министерство удовлетворилось тем, что Борман не имел ничего общего с группой Наумана. Эта новость, подвергать сомнению достоверность которой не было никаких оснований, явно исключала возможность взаимодействия Бормана с Науманом. Тем не менее теперь расследование зашло так далеко, что ЦРУ решило выяснить для себя, жив ли Борман или мертв.

К июню 1953 года я закончил составление отчета для доктора Бродерика. Первым пунктом в нем шло краткое изложение содержания всех найденных сведений резидентурами ЦРУ в Латинской Америке, арабских и европейских странах. Ни одна из них не смогла обнаружить Бормана. Все резидентуры сомневались в достоверности сообщений тех, кто утверждал, что видел его после войны. Имелись различные спекуляции относительно мотивов свидетелей. Среди них были искренне заблуждавшиеся лица, искатели публичной известности или типы людей, видевших летающие тарелки.

Бюро Гелена сообщило, что Бормана нет ни в Восточной Германии, ни в Советском Союзе. Бюро не смогло также установить, что случилось с ним после выхода из имперской канцелярии. Однако оно предоставило один конкретный факт. В мае 1945 года русские солдаты нашли в Берлине дневник Бормана и отослали его в Москву. Последние две записи в нем гласили: «30 апреля. Адольф Гитлер Х, Ева Б. Х. 1 мая. Попытка прорыва».

Главный сценарист берлинской резидентуры ЦРУ предложил четыре сценария в качестве стимула для работы мысли. Первый сценарий предполагал, что Борман был осведомителем. Вечный приспособленец, он предложил свои услуги советской разведке, когда стало очевидным, что дело нацизма проиграно. Он поставлял Советам бесценную информацию о намерениях фюрера и стратегии Верховного главнокомандования вермахта, облегчив

таким образом русским победу. Вознаграждение Борману было очевидным. Во время переговоров с ними генерала Кребса Советы предложили Борману план бегства до моста на Инвалиденштрассе и имитации здесь его гибели. Затем его подобрал советский патруль и доставил в Россию, где он стал жить в комфортных условиях в качестве ведущего советского эксперта по немецким делам. Если возникнет благоприятная ситуация, он вернется в Германию как ее Комиссар.

Второй сценарий предполагал, что Борман стал осведомителем англичан. Поняв, что Германия не может выиграть длительную войну, Борман уговорил своего эксцентричного шефа, Рудольфа Гесса, лететь в Шотландию. Хотя мирная миссия Гесса провалилась, ему удалось связать Бормана с британской разведкой. Всю войну секретарь фюрера оставался агентом англичан. Его не убили ни на Видендаммерском мосту, ни у станции Лертер. Те, кто утверждал, что он погиб, лгали с целью прикрыть Бормана. Как и многие другие, он пробрался в западную часть Германии. Борман направился в Плён, который будет занят британскими войсками. Это объясняло его четко выраженную решимость добраться до гроссадмирала Дёница. Фактически, Борман стремился на оговоренную заранее встречу с британскими агентами, которые доставили его в какое-нибудь укромное место на Британских островах. Он работал в качестве советника британской разведки и МИДа по вопросам Германии, особенно вопросам, касающимся возрождения нацизма. В конце концов, когда спадут горькие настроения, вызванные периодом нацизма, истинная роль Бормана будет предана огласке и ему будет позволено вернуться в Германию. Там он сможет доживать свои дни в спокойной обстановке на скромную пенсию, как введенный в заблуждение идеалист, который следовал за фюрером только до того момента, когда понял, что идти с Гитлером дальше означало бы довести до катастрофы свое любимое Отечество.

Третий сценарий тоже опирался на предпосылку, что люди, говорившие о гибели Бормана в Берлине, прикрывали его. Иначе как объяснить логически противоречия в их показаниях? Разве Борман не последовал бы примеру Гитлера и Геббельса, совершивших самоубийство, если бы действительно верил в то, что его положение безнадежно? Он тщательно продумал маршрут бегства. Он добрался до стоянки подводной лодки где-нибудь у побережья Балтийского моря и отправился на ее борту в Аргентину. Там, под защитой диктатора Перона, на миллионы марок, взятых из казны нацистской партии, Борман сплотил вокруг себя группу эсэсовцев и партийных функционеров. Тайком,

в тщательно охраняемом компаунде, где-нибудь между Терра-дель-Фуэго (по-испански Огненная Земля, крайний юг Аргентины, западная половина острова принадлежит Чили. — Ред.) и тропиком Козерога, между Андами и Атлантикой (то есть в пределах Аргентины, территория которой лишь немного заходит на севере за Южный тропик и расположена между Андами и Атлантикой. — Ред.), секретарь фюрера руководил всемирным нацистским заговором, конечной целью которого было установление Четвертого рейха во главе с Борманом в качестве фюрера.

Ни один из этих сценариев мне не показался перспективным. Они предназначались для стимулирования мышления, но стимул должен основываться на фактах. Однако четвертый сценарий явно отличался в лучшую сторону. Его основной идеей было то, что у Бормана не было реального плана побега. Если бы он действительно пожелал покинуть Германию, то не остался бы в бункере с Гитлером. При удобном случае он бы отправился в Берхтесгаден. Борман действительно дошел до станции Фридрихштрассе. Те, кто полагали, что он погиб при взрыве танка, искренне заблуждались. Борман действительно опрометчиво спустился к русскому КПП близ станции Лертер с Аксманом, Штумпфеггером, Вельцином, Науманом и Швегерманом. Он действительно поспешил уйти в восточном направлении по Инвалиденштрассе вместе с Штумпфеггером. Но эти двое попали под плотный огонь русских и повернули назад к мосту через Инвалиденштрассе. Теперь они попали под перекрестный огонь, не имея выхода.

На этой стадии мнение штатного психиатра было особенно важно. Многие годы Борман находился в непосредственной близости от Гитлера. Он получил власть от фюрера и реализовывал ее через него. Теперь Гитлер был мертв. Дело жизни Бормана полностью обесценилось. Психологически он был совершенно дезориентирован. Выхода не было. В течение нескольких минут он мог попасть в руки русских, которых всегда презирал и чьей мести имел основания опасаться. Поэтому Борман и доктор Штумпфеггер проглотили капсулы с ядом. Артур Аксман говорил правду. Он действительно видел трупы Бормана и Штумпфеггера на железнодорожном мосту. Ирония состояла в том, что русские даже не опознали секретаря фюрера. Они захоронили его (или приказали захоронить) вместе с десятками других трупов, лежавших на этой территории, в безвестной массовой могиле.

Эта последняя версия судьбы Бормана была, конечно, предположением. Но вкупе с неспособностью Бюро Гелена и

резидентур ЦРУ обнаружить хоть какие-нибудь другие доказательства она предстает наиболее вероятной. Когда я представил свой полный отчет доктору Бродерику, тот не выглядел разочарованным его неопределенным выводом. Недавно он получил собственную информацию от высокопоставленного источника в советском правительстве, некоторые члены которого осторожно выказывались за сотрудничество с Западом после того, как Сталин умер.

Доктор Бродерик согласился с тем, что Борман принял яд на железнодорожном мосту. Но, согласно информации советского источника доктора Бродерика, достоверность которой не вызывала сомнений, русские офицеры опознали Бормана. Он взял с собой свой дневник, который сунул в карман. Офицеры похоронили его тело при помощи сотрудников почтового отделения у станции Лертер. Уведомив об этом Москву и получив дальнейшие инструкции, русские вернулись к могиле, выкопали труп Бормана и доставили его в укромное место в Восточной Германии. Затем труп перезахоронили в безвестной могиле.

Если это казалось на первый взгляд бессмысленным, то на самом деле здесь присутствовала железная логика. Смерть Гитлера доставила некоторые затруднения Сталину. Он не сообщил союзникам о том, что поисковая группа русских нашла и опознала труп фюрера. Что касается Бормана, то Сталин хотел, чтобы секретаря фюрера считали живым. Это могло быть использовано как хлыст для Запада. Пока полагали, что ведущий нацист жив и скрывается в некоторых западных странах, можно было обвинять Запад в пособничестве возрождению нацизма.

По словам доктора Бродерика, ЦРУ не собиралось предавать историю о гибели Бормана огласке по трем причинам. Во-первых, теперь, когда умер Сталин, администрация Соединенных Штатов не хотела предпринимать что-либо, что не приносило очевидной пользы Соединенным Штатам и могло бы поставить Россию в неловкое положение. В намерения администрации скорее входило зондирование возможности сотрудничества с новыми правителями в Кремле в эпоху возможного ядерного конфликта. Во-вторых, неловкость вызвало бы известие о том, что Международный военный трибунал судил мертвеца. Наконец, своеобразная идея Сталина была не так уж плоха. Пусть продлится период, когда второго по могуществу нацистского лидера считают живым. Это будет напоминанием об ужасах Третьего рейха.